ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 20 МАЙ 1987

КУЗНЕЦ И РОЗЫ

ТРУД—ЛИЧНЫЙ, ПОЛЬЗА—ОБЩАЯ!

ВИКТОР КОНЕЦКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ...

ДЕТСКИЙ ДОМ

ПОЭТ ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СПАСЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (3121)

16—23 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Кузнец Александр Лысяков

Фото Леонида ШИШКИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 24.04.87. Подписано к печати 13.05.87. А 00374. Формат $70\times108\frac{1}{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1500. Заказ № 550.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Мы не выбирали специально людей. Мы просто подходили к тем, кто по внешним признакам мог быть ветераном, и знакомились. А потом спрашивали: в чем, по их мнению, олицетворяется сегодня память? Итак, 9 мая, День Победы.

Площадь Победы. 12.00

— Я живу здесь недалеко, в доме 29/2 на Кутузовском проспекте,— сказал Василий Николаевич Ткачев.— И сегодня ваш вопрос, пожалуй, наиболее своевременный. Тем более что нас остается все меньше... А память, вероятно, претворяется в произведениях искусства — книгах, картинах, монументах. Вот и у нас на Поклонной строят мемориал. Дело, безусловно, нужное. Не берусь судить, насколько удачно то здание, что выстроили, не специалист я. Мне оно как-то не очень... Но даже если это сооружение — шедевр архитектуры, почему для него нельзя было выбрать другое место? Скажем, с правой стороны шоссе есть ровная местность, где растет старый сад, который давным-давно не плодоносит. Вот бы там и строили музей. А то ведь буквально на днях начали вывозить остатки священной земли с Поклонной горы. Что бы ни говорили, но я тут 32 года живу, и парк Победы с его липами был для меня олицетворением Поклонной и нашей памяти.

Поклонная гора. 12.30

Сохранился камень, на котором была плита с каким-то текстом. Как водится, он то ли что-то утверждал, то ли что-то обещал. Но плиты нет, как нет и скамеек, на которых еще несколько лет назад собирались в День Победы ветераны...

Теперь тут стройка. Вот что ответили на наш вопрос боевые друзья, летчики-истребители, полковники авиации в отставке Николай Архипович Полушкин и Павел Львович Дорошенко.

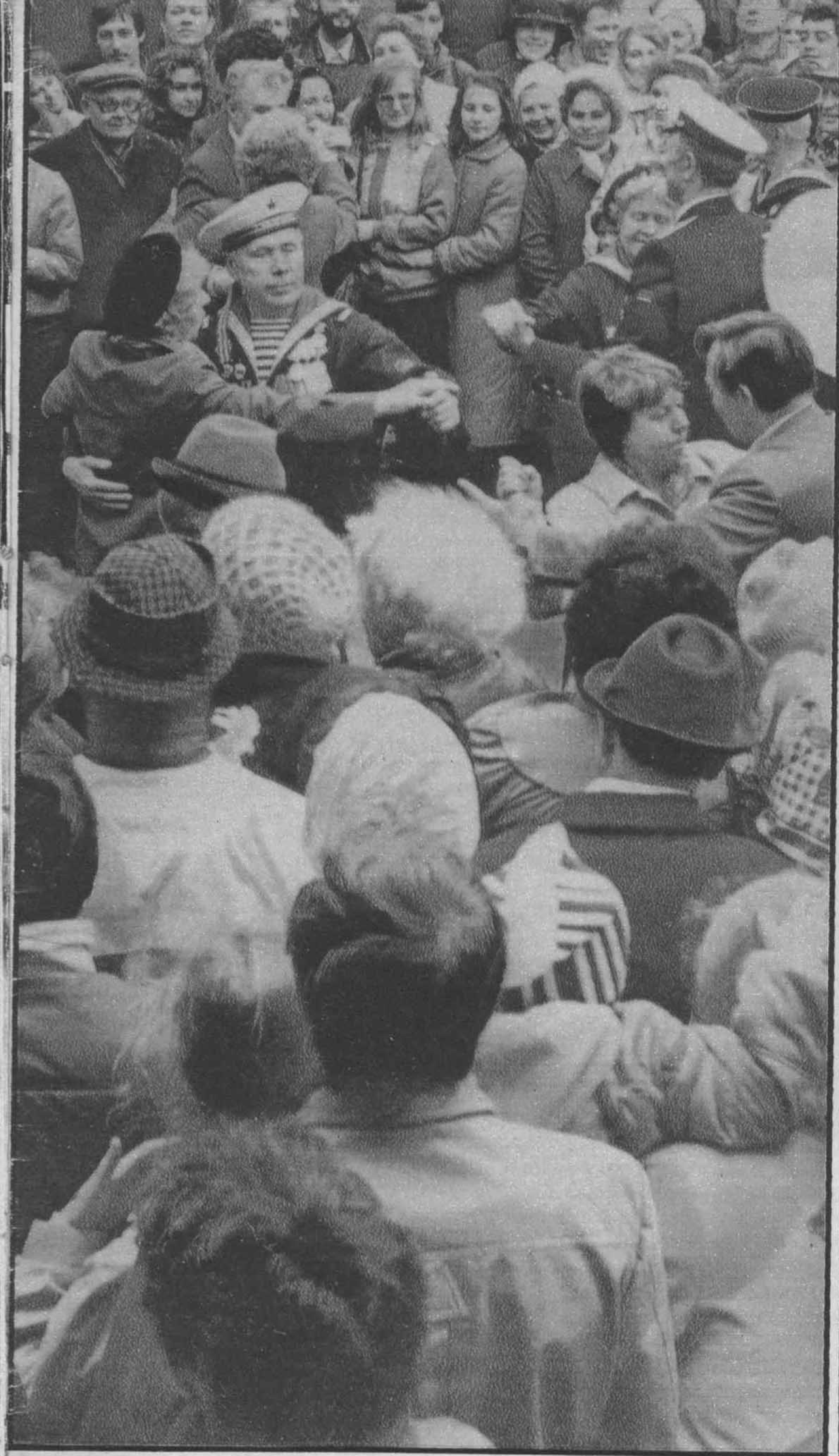
— Безусловно, память должна воплощаться в произведениях монументального искусства,— сказал Полушкин.— Но они должны быть такими, чтобы нашим потомкам не было стыдно за нас. И заботить это должно именно нас — современников самой страшной войны, ее свидетелей и участников. Но как можно назвать совершенным здание галереи? Я считаю, что память о погибших, память об оставшихся еще живых достойна большего...

— Материализация памяти,— добавил Дорошенко,— на мой взгляд, зависит от степени уважения не только к своей профессии, но и к предмету своего искусства. Это относится, впрочем, к любому делу, которое можно скомпрометировать, если к нему подойти с нечистыми помыслами и целями. И тогда не помогут никакие самые высокие лозунги и святые слова.

ЦПКиО имени Горького. 14.00

Рябь на пруду и даже неприветливая погода и отдаленно не могли напоминать северные моря. Но именно здесь собрались ветераны Северного флота. Седина под бескозырками не мешала знаменитому танцу «Яблочко», задор и строгая матросская форма молодили бывших бойцов, позванивали в такт четче медали и ордена. И по ним видно, как геройски воевали моряки.

Скажем, бывший старший матрос Семен Феофа-

ПАМЯТЬ

нович Черемхин с легендарного корабля — гвардейского эсминца «Гремящий» — воевал по судовому расписанию в двух «БЧ». Иначе говоря, был и торпедистом, и артиллеристом. Прошедшие после Победы 42 года Семен Феофанович работает. Сейчас он слесарь-механик радиоаппаратуры в московском НИИ приборостроения. Рассказ его был ровным и последовательным. Не желая прерывать его, мы не успели задать заготовленный вопрос. Он неожиданно заговорил об этом сам:

— А живу я на улице генерала Ермолова. В двух шагах от Триумфальной арки и бывшей Поклонной горы. Нет слов, всякий ветеран исполнен благодарности за то, что решено создать мемориал. Вот только средства, которыми этого достигают, прямо скажем, одобрения не вызывают. За что же гору-то так? Она ведь и сама памятник!

— И я живу неподалеку,— добавила Мария Никифоровна Чуприкова, медсестра госпитального судна «Вологда», на котором она служила во время войны. — И всякий раз, когда проезжаю мимо Поклонной, сердце кровью обливается. Была чудесная возвышенность. А ведь у многих народов холмы священны. В древности даже курганы насыпали. А здесь все наоборот — взяли и выгладили бульдозерами, словно утюгом. Да я бы ладонями назад земли наносила...

Говорили о том же и медсестра 126-го полка морской пехоты Воля Павловна Полудень, добровольно ушедшая служить на флот в семнадцать лет в 1941 году, и Антонина Ларионовна Емельянова, и Николай Григорьевич Алексеев с эсминца «Гремящий».

Фонтан у Большого театра. 15.20

— А вы опубликуете нашу фотографию? — спросила сандружинница, добровольно надевшая форму 15 октября 1941 года, Анна Григорьевна Кудряшова, когда мы познакомились с ней и бывшим санинструктором Верой Яковлевной Котовой.

Обещать им это с гарантией мы не могли. Попытались отшутиться, благо позволяла праздничная атмосфера. Заговорили о войне, о фронтовых друзьях и жизни после Победы.

— Вы всегда собираетесь здесь?

— Да,— ответила Анна Григорьевна.— Но наши уже уехали в парк Горького, а мы остались здесь. Оркестр тут хороший и хор. Поехали бы и мы, но у нас с Верой свои привязанности...

— А куда бы поехали?

— Некуда стало ездить. Прежде отправлялись в парк Победы, но где он, парк этот? Под топор пошел... А ведь как хорошо все начиналось там, на Поклонной, с каким воодушевлением ветераны восприняли весть о мемориале! И сбережений своих не пожалели на святое дело...

* * *

Нет никакого сомнения в том, что проблема Поклонной горы — это проблема нашего отношения к памяти. И выводы, к которым пришли участники войны, в комментариях не нуждаются.

Борис ЕРМАКОВ,
Анатолий БОЧИНИН,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото)

Поклонная гора.
Полковники в отставке П. Л. Дорошенко и Н. А. Полушкин (справа).

ДЕФИЦИТ ПРАВДЫ

В конце февраля нынешнего года, как раз тогда, когда компания Эй-би-си показывала многосерийный фильм «Америка» (об оккупации советскими войсками США), другая компания, «Орбита», представила зрителям советское телевидение. Не специально подготовленные выпуски, а обыкновенную программу, которую мы смотрим каждый день. После 66 часов советского телевидения в адрес компании пришло более 300 писем. 275 положительных и 42 отрицательных. Вот некоторые из них:

«Спасибо за возможность посмотреть советское телевидение. Было интересно увидеть Советский Союз таким, как его видят советские люди. Телевизионная компания Си-эн-эн сообщила о результатах опроса общественного мнения. 80% опрошенных заявили, что предпочтут ядерную войну коммунистическому вторжению. Опрос проводился сразу же после того, как был показан сериал «Америка». Оказалось, что антикоммунистическая пропаганда Пентагона не только хуже советской пропаганды против США, но и намного опаснее. Советское телевидение напоминает мне телевидение США 1950-х годов, в котором не было насилия, рекламы, секса и сенсационности. Как это хорошо, когда о женщинах рассказывают как о людях, когда дети ведут себя как дети. Я работаю в службе по охране детей, и меня очень беспокоит, что наше телевидение оказывает в целом плохое воздействие на наше общество. Мы можем кое-чему поучиться у советских телепрограмм.

Пожалуйста, продолжайте показывать советские новости. Для нас очень важно знать мнение обеих сторон по тем или иным вопросам. Сегодня в США это становится делать все труднее.

Спасибо еще раз

Лаури Лонгевик».

«Уважаемый сэр.

Этим письмом я бы хотела выразить недовольство по поводу вашей трансляции советского телевидения. Мы всегда смотрели канал «Дисковери» как приклеенные. Он давал нам много интересной информации. Мы даже купили видеомагнитофон, чтобы записывать передачи, которые идут днем, пока мы на работе. Мы были просто потрясены и неприятно поражены, когда в наш выходной вы стали показывать советское телевидение. Теперь мы рассматриваем правительство СССР как наших врагов, и все, что мы смотрели, было неприятно и враждебно нам. Непонятный язык. Бедные рабы преступного общества. С другой стороны, фильм «Америка», которому, как я понимаю, вы решили противопоставить советское телевидение, был более правдоподобным. Ведь в нем речь шла о том, как живет наша страна под игом СССР.

С отвращением супруги

Алан Ллойд. Каелипулу».

«Уважаемый канал «Дисковери».

Я должен был написать и поблагодарить Вас за прямые и записанные передачи советского телевидения. Я думаю, Ваша программа вышла в эфир очень кстати — в то время, когда все у нас качают головами по поводу встречи в верхах в Исландии и когда по телевидению идет антисоветская и антиооновская чепуха под названием «Америка». Несмотря на сложности с переводом, я считаю Вашу программу очень интересной. Чем больше я смотрел, тем больше я чувствовал, что во мне самом происходят перемены. Люди, которых я видел на телеэкране, перестали быть для меня русскими. Они стали просто людьми с их талантами и интересами. Очень трудно ненавидеть нацию, когда ты смотришь, как их дети читают стихи, как их старики поют прекрасные мелодичные мирные русские песни.

Я чувствую, Вы здорово поработали, чтобы мы могли посмотреть советское телевидение.

Искренне

Ральф Макгихан.
Ред Бэнк Н. Дж.».

Можно сказать, что Христофор Колумб, отправляясь в путешествие, был более подготовлен к открытию Америки, чем миллионы американцев к встрече с советским телевидением, с нашей страной, такой, как ее видим мы сами. «С первых же дней передачи,— рассказывает президент компании «Орбита» Кэн Шеффер,— у нас не смолкал телефон. Пожилая женщина из Флориды, например, заявила, что мы портим ей здоровье. Почему? Да потому, что трансляция передачи из Москвы во Флориде заканчивалась в 3 часа утра, а она, оказывается, каждый день смотрела до конца. Позвонил ветеран вьетнамской войны и рассказал следующее. Когда он был маленький, его отца, военного, перевели на Гаваи. Дети военных переезжали вместе. В аэропорту школьный учитель собрал своих учеников и попросил сразу же написать сочинение «Что вы ожидаете увидеть на Гаваях». Почти все ребята написали о цветах, пальмах, местных аборигенах в набедренных повязках. После учитель вывел школьников из здания аэропорта, и перед ними открылся гигантский многоэтажный город. «Это было мое первое в жизни потрясение,— вспоминал ветеран.— Второе я испытал после того, как посмотрел советское телевидение».

Еще до выхода в эфир компания решила спросить у своих телезрителей: нужны или не нужны передачи советского телевидения? В студии установили два телефона, подключенных к компьютеру. Звонок по первому означал «да». По второму — «нет». 91% позвонивших сказали «да». В общем, в конце февраля всего за неделю число подписчиков канала «Дисковери» увеличилось с 14 до 17 миллионов человек. И вот Кэн Шеффер прилетел в Москву, чтобы подписать контракт о продлении программ советского телевидения в США на 18 месяцев.

Вместе с Кэном Шеффером в редакцию «Огонька» пришел и Дэвид Коэн, автор проекта создания фотоальбома «Один день из жизни СССР». 15 мая 100 фотографов (среди них 40 советских и 60 зарубежных) в течение 24 часов проводили съемку в 83 городах СССР. Лучшие фотографии составят альбом, который выйдет в США в октябре этого года.

Кэн Шеффер и Дэвид Коэн, молодые и энергичные американцы, на первый взгляд занимаются разными делами. Один — телевидением, другой — книгоиздательством. Но обоих объединяет то, что они решили попробовать свои силы в неведомой до сих пор в Америке области. Они решили сделать бизнес на дефиците правды о Советском Союзе. Не знаю, насколько они будут удачливыми. Дело это нелегкое. Ведь дефицит правды о Советском Союзе на протяжении многих лет создавался искусственно. Его и сегодня хотят использовать те, кто хочет, чтобы для американцев мы были «империей зла», «закрытым обществом», с которым невозможно общаться.

И еще об одном хочется сказать.

Для того чтобы транслировать телепередачи по каналу спутниковой связи с одного континента на другой, необходимо абсолютно точное совпадение частот на передатчике и в приемнике. Здесь исключены приблизительность и, уж конечно, неверные данные.

Сегодня такая же точность нам нужна не только в налаживании телемостов, но и в информации об СССР и США. Иначе контакт может не состояться.

ИНТЕРВЬЮ-86

Президиум правления Союза журналистов СССР присудил премии за лучшую журналистскую работу года. Среди лауреатов — корреспондент «Огонька» Феликс Николаевич Медведев, который удостоен знака высшего журналистского отличия за серию интервью с известными советскими писателями Виктором Астафьевым, Григорием Баклановым, Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко, Вениамином Кавериным, Булатом Окуджавой, Андреем Вознесенским, Грантом Матевосяном, Арсением Тарковским и др. Наш лауреат родился в 1941 году. Член Союза журналистов СССР с 1964 года. В «Огоньке» работает с 1975 года. Только что в издательстве «Правда» вышла книга Феликса Медведева «Судьба моя сгорела между строк. Интервью-86».

КАЗНЕН НА РАССВЕТЕ

Александр Ульянов в возрасте семнадцати лет.

Петербург, 18 апреля 1887 года. Четвертый день заседает Особое присутствие правительствующего Сената. Судят участников покушения на царя Александра III. Последнее слово дали Александру Ульянову: «Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы».

Нет, не о снисхождении просил подсудимый, не сожалел о совершенном, а объяснял суду причины своего поступка, рассказал о своем пути в революцию. Это было осознанное и обоснованное решение.

Александр Ульянов, которому исполнился двадцать один год, вспомнил о «своей ранней молодости» — времени, когда у него началось пробуждение чувства недовольства. Это произошло еще в гимназические годы.

«Чтобы быть полезным обществу,— писал Александр в своем школьном сочинении,—человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела». Так у юноши формируется жизненная задача — трудолюбие и знание. Но это еще не все. Читаем дальше: «человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями... для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать в себе твердый и непоколебимый характер».

В мае 1883 года Александр Ильич блестяще сдал экзамены за гимназический курс и был награжден золотой медалью. Илья Николаевич и Мария Александровна, боясь далеко отпускать сына, уговаривали его ехать в ближайший университетский город — Казань, но Александр настоял на своем — поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

Блестящие способности и трудолюбие проявились сразу: за первый год обучения он одним из первых сдал пять экзаменов по основным предметам курса — неорганической химии, физике, анатомии, ботанике и кристаллографии, получив высшую в то время оценку: «весьма удовлетворительно». Научные способности Ульянова были замечены. Между крупнейшим химиком академиком А. М. Бутлеровым и профессором зоологии Н. П. Вагнером возник даже спор: по чьей специальности должен пойти Александр Ульянов — каждому хотелось привлечь талантливого студента. Этот спор решил сам Александр Ильич, выбрав предметом своей научной деятельности зоологию беспозвоночных; за одну из работ в этой области он получает золотую медаль. Однако не наука стала главным делом жизни Александра Ульянова. Его влечет революционная борьба. Он изучает труды Маркса, Плеханова. В декабре 1886 года юноша становится членом революционной нелегальной организации, продолжающей тактику «Народной воли».

В конце декабря собравшись на квартире Ульянова, студенты-революционеры составляют программу организации. «По основным своим убеждениям мы — социалисты» — так начиналась эта программа. Далее в ней утверждалось: «К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно; естественным ходом своего экономического развития, он является таким же необходимым результатом капиталистического производства и порождаемого им отношения классов, насколько неизбежно развитие капитализма...» Программа требовала национализации земли и фабрик, народного представительства, местного самоуправления, свободы совести, слова, печати, собраний. Борьбу за политические права путем террористических действий должна была возглавить интеллигенция.

К концу января 1887 года план покушения на императора приобрел конкретные очертания: налажено наблюдение за выездом из дворца Александра III, сформирована боевая группа. Руководство взял на себя А. И. Ульянов.

Многое пришлось ему тогда передумать: он, опора семьи после смерти отца, подвергает себя смертельной опасности, идет на самопожертвование; он, враг насилия, прибегает к насилию; он, более всего жаждущий заниматься наукой, порывает с ней.

Когда на суде Александра Ульянова спросили, почему он не бежал за границу, последовал ответ: «Я не хотел бежать, я хотел лучше умереть за свою родину».

...Покушение на Александра III не удалось: 1 марта на Невском проспекте схвачены были полицией участники боевой группы. Арестовали и Александра Ильича.

Немедленно назначили дознание, за которым пристально следил император. Ульянов признал себя виновным в том, что принимал участие в замысле лишить жизни «государя императора».

15 апреля Александр Ульянов вместе с другими обвиняемыми предстал перед судом. Позже, отказавшись от защитника, он произнес свое последнее слово: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Приговор суда, оглашенный 19 апреля, был суров: подсудимые приговаривались к смертной казни через повешение.

После приговора Мария Александровна, добившись свидания с сыном, просила его подать прошение о помиловании. «Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде, ведь это было бы неискренне»,— ответил Александр. Тогда на свидание к Ульянову пришел дальний родственник, петербургский литератор М. Л. Песковский, сказавший, что он опасается за жизнь Марии Александровны, что только прошение о помиловании может спасти положение.

Что делать? Александр пережил мучительные часы. Мысль, что он станет причиной гибели матери и несчастья всей семьи, не давала ему покоя. После тяжелых переживаний Ульянов был вынужден обратиться к царю. Но это было необычное прошение, продиктованное мучительным сознанием, что он явится причиной несчастья всей семьи. Прошение скорее за мать и своих близких, чем за себя, ибо... «свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к вашему величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи».

Так верноподданно на «высочайшее имя» не писали. Прошение даже не было показано царю. Недаром А. И. Ульянова-Елизарова отмечала, что ее брат написал не прошение, а, «вернее, письменное обращение к царю, так как форма его совершенно необычная для прошений такого рода. В нем нет раскаяния, униженной просьбы, обещаний, ничего верноподданнического — даже в подписи, никакой лжи».

...В ночь с 4 на 5 мая 1887 года от причала Петропавловской крепости отплыл небольшой пароход с пятью закованными в кандалы заключенными — А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым, В. С. Осипановым, В. Д. Генераловым и П. И. Андреюшкиным. Пароход плыл по Неве к Шлиссельбургской крепости. Тут и казнили на рассвете 8 мая по старому стилю Александра Ульянова и его товарищей...

...Не так давно в Амстердаме опубликованы новые материалы, связанные с подвигом Александра Ульянова, личностью этого удивительного человека.

Еще до попытки покушения на царя одному из членов группы, О. М. Говорухину, угрожал арест. Пришлось решиться на эмиграцию, но не было средств. Тогда Александр Ильич заложил свою золотую медаль и полученные сто рублей отдал товарищу, путь которого лежал в Швейцарию.

Прибыв в Цюрих, Говорухин отправил подробное письмо в Париж — русским эмигрантам. В нем он рассказал о составе группы, о ее программе, о характере революционной деятельности и истории покушения.

Особую для нас ценность представляет характеристика Александра Ульянова: «Благородный, в высшей степени гуманный человек, любящая натура. Он долго колебался вступить в ряды революционеров-практиков: нравственно ли будет вступать в практику, не решивши вполне научно всех вопросов,— говаривал он. Но вопрос: а нравственно ли будет спокойно — теоретически рассуждать о вопросах, когда деспотизм не дает даже возможности удовлетворительно — научно решить вопросы эти—сразил его...» Продолжим эту цитату: «Симпатичная натура, ясный ум, сравнительно высокий уровень развития и знаний, разительная логичность — такие качества сразу выдвинули его в числе прочих членов, хотя он вступил в практическую деятельность только скоро после 17 ноября 1886 года. Ему поручались дела первостепенно важные, и он всегда преодолевал все трудности. При всей мягкости и деликатности натуры он обладал очень сильным характером, настойчивостью, терпением. Малый рост, небольшая вообще фигура, кроткий, добродушный вид, тихий голос, всегда спокойный, но печальный, грустный — и что же русские условия сделали? — Они сделали такого человека террористом: при отчаянно варварских условиях принуждены люди, даже по натуре не склонные к этому, прибегать к отчаянным средствам для достижения целей».

Приводим свидетельство другого современника, раскрывающее научные способности Ульянова. «Необыкновенно способный и талантливый юноша, страстно, всецело отдающийся всякому делу,— вспоминал студент-естественник Н. А. Рудевич,— принялся за изучение естествознания. Знание иностранных языков: французского, немецкого и английского открывало ему огромную литературу по этому предмету... Ульянов решил избрать своею специальностью зоологию, думая остаться при университете и посвятить себя ученой деятельности». Указав на получение Александром золотой медали, Рудевич далее свидетельствовал: «...Ульянов подавал очень большие надежды сделаться видным русским ученым. Роковая судьба судила иначе».

Борис ИТЕНБЕРГ,
доктор исторических наук

ШАГНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Так называемый «большой спорт» молодеет буквально на глазах. Мы же расскажем о женщине, которая не только опровергает эту закономерность, но и дает веские основания по-новому взглянуть на возможности человека.

В тот день Степановы торопились приехать пораньше, чтобы успеть провести последнюю тренировку на дорожке: стадион закрывался на долгий ремонт, а в Ленинграде в отличие от Москвы легкоатлетам зимой приходится туго — в городе всего два манежа. Вечером супруги Степановы собирались в театр, и нужно было решить, кому «подбросить» дочку.

Понимаю, что начинать очерк с описания бытовых подробностей — не лучший способ увлечь читателя. Тем не менее иду на это преднамеренно и вот почему. Речь идет о рекордсменке мира в беге на 400 метров с барьерами и ее муже, который «по совместительству» тренер своей жены. А для спортсменов, тем более бегунов, время измеряется сотыми долями секунд, причем каждая лишняя сотая доля дается неделями, месяцами, годами непрерывных тренировок. Это знают все, как и то, что спортсмены — такие же люди, и им тоже хочется нормально жить, воспитывать детей, читать книги, ходить в кино и театры... Но пример, который я хочу описать, в какой-то мере опровергает предыдущий тезис и похожести: нет, настоящие спортсмены — люди необычные, даже исключительные в своей целеустремленности и настойчивости. Они исследователи неведомых пока что возможностей человека, и в этом смысле их усилия так же сложны и необходимы, как эксперименты ученых, как поиск изобретателей, как риск испытателей новой техники — с той лишь разницей, что исследовать, изобретать и испытывать спортсменам приходится самих себя.

Не так давно я заполнял анкету, где требовалось назвать десять лучших спортсменов страны 1986 года. Не колеблясь, вписал на первой строчке: «Марина Степанова, легкая атлетика».

Заранее прошу прощения у своей героини. Дело в том, что в очерке мне придется не раз повторять то, о чем обычно говорить не принято,— о возрасте женщины. Конечно, ее мировой рекорд — 52,94 секунды — поражает воображение знатоков, но (страшно сказать!) мы к таким явлениям как-то привыкли. Мог ли еще лет двадцать назад самый мудрый компьютер предвидеть, что в 1986 году человек преодолеет в прыжках с шестом более чем 6-метровую высоту! Да если б заложили тогда такую программу, верно, сгорели б схемы — от испуга. Так что рекордами мы избалованы. Но наш случай совсем иной. Все дело в том, что мировой рекорд установлен спортсменкой в возрасте... 36 лет и 4 месяцев. И тем более в таком остром, динамичном, скоростном виде легкой атлетики, как барьерный бег на 400 метров.

Есть в спорте некая объективно справедливая закономерность: чем позже человек приступил к специализированным тренировкам, тем позже он уйдет с арены. И наоборот. Иначе говоря, каждому свой век измерен. Но в нашем случае концы с концами опять не сходятся: в легкую атлетику Марина Степанова (в ту пору Макеева) пришла... 21 год назад. То есть иные спортивные «звезды» явились на свет после начала ее спортивной карьеры и к сему времени уже успели погаснуть. Она же в свои теперь уже тридцать семь все «пылает», огонь этот разгорается, мировая рекордсменка прощаться с дорожкой не собирается, и есть все основания рассчитывать на то, что мировой рекорд, а вместе с ним и наши представления об истинных возможностях человека будут вновь опрокинуты.

Рискуя утомить читателя сведениями, более достойными рубрики «Голы, очки, секунды», все же поведаю

об основных этапах спортивной жизни Марины Ивановны. Иначе, без цифр, об этой спортсменке не расскажешь, и для меня, например, каждый ее новый результат видится своего рода оценкой характера и мужества этого удивительного человека.

Родилась она 3 мая 1950 года в Ленинграде, но вскоре семья переехала в город Дзержинск Горьковской области, где 15-летняя Марина пришла в легкоатлетическую секцию к тренеру А. Д. Селиверстову, которому и по сей день благодарна за настоящие уроки борьбы, самопознания. Позже переехала в Брянск, там занималась у Б. А. Гноевого и в течение двух лет преодолевала нагрузки, возросшие теперь в два-три раза...

В 1977 году стала мастером спорта на 400-метровой барьерной дистанции, а два года спустя установила мировой рекорд — 54,78 секунды. Однако и тогда — без малого десять (!) лет назад — это достижение не вызвало особого энтузиазма у руководителей сборной команды страны по легкой атлетике, потому что дальнейшие перспективы Марины Макеевой представлялись им весьма сомнительными. Тому были две причины. Первая — слишком невеликий рост Марины — всего метр семьдесят, для барьеристки это действительно мало. Ну и, конечно, «обескураживающий» возраст, в ту пору 29 лет; таких в сборной не держали.

Через неполных 53 секунды Марина Степанова (крайняя слева) станет чемпионкой Европы, не оставив своим более молодым соперницам никаких шансов на победу.
Вячеслав и Марина Степановы.

Студента отчисляют за неуспеваемость, за сумму отрицательных результатов. Увы, законы большого спорта куда более жестки. Спортивная администрация далеко не всегда оценивает человека по его конкретному результату. Ход мыслей подчас прост, как выдох: вон сколько кругом талантов, к чему гадать и надеяться на чудо?

После мирового рекорда прошло семь лет, Марина сбросила с того результата еще почти две секунды, то есть выиграла у самой себя (около 15 метров), и теперь тот период своей жизни она вправе считать просто «девичеством». Что же произошло за эти семь лет?

Первый из них — 1980 олимпийский год оказался для Марины сложным. И об этом следует рассказать подробнее.

На Играх в Москве Марина готовилась стартовать на 400-метровой «гладкой» дистанции или по крайней мере в эстафете 4×400 метров. Была в хорошей форме, считалась в команде как минимум вторым номером. Но оказалась за бортом сборной. Приехав на стадион, она своей фамилии в стартовом протоколе не увидела. Возымели решающее действие сугубо личные соображения администрации.

Оставим в стороне описание душевного состояния Марины, вызванного крушением олимпийских надежд. Главное — человек выстоял, иначе не было бы повода писать сейчас о нем.

Правда, в это время в ее жизнь уже вошел Вячеслав Степанов, в прошлом сам сильный легкоатлет, профессиональный биомеханик. Встретились они на учебно-тренировочном сборе, где Вячеслав находился в составе научной группы Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта.

Сейчас Вячеслав уверяет меня в том, что успех их творческого союза решило удачное сочетание четкости, конкретности мышления Марины, ее способности на редкость быстро все схватывать, понимать и запоминать с его склонностью к импровизации, фантазии.

В декабре 1981 года на свет явилась еще одна Марина Степанова, и это важное событие надолго отвлекло родителей от исполнения намеченных спортивных планов.

В марте 1982 года Марина приступила к тренировкам. Бегать поначалу почти не могла, темп ее кросса составлял семь минут на километр, это как быстрая ходьба. Через месяц — шесть минут, все равно очень тихо. Вячеслав не торопил, говаривая: «Времени впереди у нас много, целая жизнь». Да и вправду, кто и что с них спрашивал?

Так прошел самый длинный год в ее жизни, и вот в мае 1983-го она вышла на первый старт. Результат оказался убийственно плох — 58,42 секунды. Хотелось спрятать лицо, бежать прочь и никогда больше не появляться на стадионе. Это была минутная слабость. Утром следующего дня Марина вновь тренировалась. Через месяц пробежала дистанцию за 56,03. Все это было так далеко и от мечты, и даже от того, что было прежде! К тому времени ее рекорд был превзойден уже тремя спортсменками. Поезд уходил все дальше. Она грустно смотрела ему вслед.

Возможно, она так бы и осталась на перроне, если б не Вячеслав. Он брал бумагу и доказывал, что они на верном пути, что пологий путь к вершине — тоже путь, причем для Марины самый надежный. Он рисовал ей результат: 53,6—53,8, объяснял, из чего он должен быть сложен. Все казалось реальным. И она верила.

В начале 1984 года Марина завоевала звание чемпионки страны в залах. Тем не менее в сборную СССР ее не включили. Но она уже не отчаивалась. Просто знала, что попасть в команду она может только первым номером. Значит — не проигрывать никому.

Часто после тренировки они с мужем ехали в Кировский театр. Любовь к балету однажды привела их за кулисы театра, и они увидели тяжелый труд. Увидели людей, преданных своему делу, влюбленных в него. И это вдохновляло, это укрепляло веру в себя.

Это несло и новые откровения. Внимательно наблюдая за артистами балета в классе, Вячеслав находил для Марины новые упражнения, уточнял режимы их выполнения. Подолгу беседуя с известным танцовщиком Константином Заклинским, он пытался понять, как на фоне тяжелой работы постигать секреты вдохновения.

Степановы знали теперь многое. Они перестроили ритм бега между барьерами с 17- на 15-шаговый (вот где Марине так был бы нужен хороший рост. Увы!). Правда, после седьмого барьера она переходила на 17 шагов. Она вполне могла бы бежать в 15 шагов все десять барьеров, но Вячеслав высчитал, что это невыгодно, неэкономично. После седьмого барьера Марина включала теперь другие группы мышц, освобождая от максимальных усилий уставшие. Они научились рассчитывать буквально каждое усилие на каждом метре дистанции.

Наступил летний сезон. Наконец-то она стала пожинать плоды трудов, борьбы с болью, чужим неверием. Плоды поисков. Она бежала все быстрее и увереннее. Она поймала, поймала свой бег. Порой ей становилось даже страшновато от избытка собственных сил и легкости, и возникало опасение, как бы к главным стартам сезона — «Дружба-84» в Праге — это удивительное чувство не растворилось. И потому порой «душила» себя еще более высокими нагрузками. Все обошлось. Август принес ей эту победу. И — 53,67 секунды, что было почти на секунду выше, чем у победительницы Лос-Анджелесских Олимпийских игр марокканки Эль-Мутавакиль.

...На 1986 год Марину Степанову в очередной раз не включили в число кандидатов в сборную команду СССР. Опять ее настойчиво выталкивали с дорожки. Снова расстраивалась, уходила в себя. Снова спасал Вячеслав. В августе в западногерманском городе Штутгарте предстоял чемпионат Европы по легкой атлетике, где в каждом виде от национальной команды могли участвовать по три человека. Но она не имела права быть в сборной даже вторым номером. С каждым годом это условие становилось для нее все более жестким.

Марина приехала на чемпионат отнюдь не фавориткой: годом раньше немка Сабина Буш преодолела дистанцию за 53,36 секунды. И вот они встретились. Марина победила и на четыре сотых секунды превысила рекорд своей главной соперницы. Так она стала чемпионкой Европы.

Сезон пока не кончился, и она чувствовала, что может, должна пробежать еще лучше. Вячеслав назвал «цену» ее подготовленности: 52,8—52,9 секунды. Нет, дух не захватывало от этих цифр, их диктовала реальная оценка сил и возможностей Марины, и вопрос был теперь лишь в том, где, на каких соревнованиях показать этот результат.

Тем временем сильнейшие легкоатлеты страны готовились к сентябрьским стартам IX Спартакиады народов СССР в Ташкенте. Марина отправилась туда, наперед зная, что может рассчитывать на участие в соревнованиях лишь вне конкурса, так как возраст спортсменов ограничен 23 годами. Это означало, что в финальном забеге — забеге сильнейших, забеге, который, как правило, и приносит самые высокие результаты, старт она принять не сможет.

Но вдруг выяснилось, что одна из 32 участниц полуфинальных забегов заболела и на старт выйти не сможет. И тогда администрация проявила к Степановой снисхождение, ее допустили.

На трибунах — ни души, вместе с «великовозрастными» спортсменами отсеялись и зрители. Дул сильный ветер, который заведомо крал бесценные доли секунды, но Марина старалась не думать об этом.

Последний старт сезона. Она достойно завершила его. 52,94 секунды — таким стал мировой рекорд.

Большие спортсмены редко загадывают срок своего прощания. Однако я не удержался и спросил Вячеслава об этом. Он ответил: «Резерв у нее еще есть, и мы знаем, где и в чем». Стало быть, задачи они ставят еще более высокие, чем вчера. Значит, новый мировой рекорд? Значит, так! Но знаю и другое. Вячеслав хочет, чтобы дорогой ему человек пожил хотя бы немного, борясь только с соперницами. Пожил без административной закулисной суеты.

Как-то на сборах под Подольском Марина разговорилась с народной артисткой СССР балериной Н. Тимофеевой, приехавшей в гости к спортсменам. Кто-то сказал Нине Владимировне: «Вот Марина Степанова, рекордсменка мира, наш ветеран»,— на что Марина услышала ответ: «Вам тридцать шесть? Да вы совсем еще девочка!»

— ...Так что резерв у нас есть,— подтвердила Марина.

Ну, и наконец самая радостная и даже удивительная весть пришла к ним недавно. По итогам сезона Марину Степанову наконец-то включили в число кандидатов в члены сборной команды Советского Союза. На тридцать седьмом году жизни и двадцать втором году ее спортивной карьеры спортсменку все-таки признали перспективной!

Почти одновременно пришло приглашение прибыть для получения специального приза в Монако — вместе с другими сильнейшими легкоатлетами мира, героями 1986 года. Может быть, этим и были разрешены сомнения — включать Степанову в сборную или нет?

А надо бы, на мой взгляд, руководителям Госкомспорта СССР и сборной страны по легкой атлетике зачислить Марину Ивановну Степанову в почетные члены команды навсегда.

Смотрите, молодые, талантливые и не слишком пока опытные! Как повезло вам, что есть такой человек. Он здесь, он рядом. Примером своим он учит великому искусству преодоления, учит верить в силу духа человеческого, учит доказывать недоказуемое.

Вдумайтесь, товарищи ученые. Не является ли Марина Степанова интереснейший объект исследования и для вас? Жизнь ее в спорте не похожа ни на чью другую. И вся эта жизнь — экстремальная ситуация.

Степанова живет. Степанова побеждает. Примером своим она убеждает и нас: дерзайте, верьте в себя, вы талантливы. Верьте и боритесь. Дойдите до горизонта своей мечты.

И шагните за горизонт.

Фото Анатолия БОЧИНИНА и Игоря КРУЖАНОВА

БЕЗ ЗАЯВОК НЕ ТУШИТЬ

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ К РАЗЛИЧНЫМ ВЕДОМСТВАМ НАЧАЛЬНИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ БАЗЫ ОХРАНЫ ЛЕСОВ И ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЕСНЫХ ХОЗЯЙСТВ АЛЕКСАНДРА ЛЮБЯКИНА

Он позвонил
в начале марта,
когда дальневосточная тайга,
еще не чувствуя весны,
дремала
в снежных объятиях.
Казалось бы,
какой сейчас разговор
о пожарах в лесу?
Но ведь снега в тайге сойдут,
древостой поусохнет,
и, как всегда,
начнет полыхать огонь —
и не останется тогда времени
для разговора о проблемах,
останется
острая необходимость
спешить, лететь,
требовать людей и технику —
короче,
тушить пожары,
вновь и вновь проявляя
«героизм
в экстремальной ситуации».

Восемь месяцев длится сезон таежных пожаров. Весь этот период в напряжении живут подразделения десантников авиалесоохраны. Их работа, их профессия — бороться с огнем, рисковать жизнью... Но какова эффективность этих действий, ведь в такой борьбе далеко не всегда побеждает человек? В прошлом году в Хабаровском крае было зарегистрировано 1125 лесных пожаров. Огонь уничтожил 45 тысяч гектаров леса! Убытки составили многие миллионы рублей. Стоит заметить: статистика учитывает только так называемую таксовую стоимость — погибшей на корню древесины. И даже по этим подсчетам, которые есть основания считать заниженными, согласитесь, цифры потерь велики. Теперь плюсуйте к ним потери Приморья и Амурской области, Якутии и Сибири, для которых минувший пожарный сезон был особенно тяжел... Лесные пожары лихорадили даже городскую жизнь. Из-за задымленности не работали аэропорты, выбивались из графиков поезда, по Лене запрещалось движение судов...

Что за огненные беды навалились на дальневосточников и сибиряков? Кто и когда остановит огонь, гуляющий по тайге?

— При сегодняшнем отношении — никто,— отвечает Любякин.— Потому что мы вступаем в поединок с огнем чуть ли не с голыми руками. Основным оружием остаются топор да лопата. И не какая-нибудь, а та самая, что покупают дачники в хозмагах. Так и мы покупаем по нескольку сот лопат каждой весной. Меня могут поправить: у десантников есть еще наспинные ранцы с гидропультами и мотопомпы. Да, есть двадцатилитровые ранцы и слабомощные помпы с двигателями от мотопил. Есть и льняные пожарные рукава, давно снятые с «вооружения» пожарных МВД. Есть у нас и бульдозеры на базе стареньких тракторов. Такой агрегат упирается в пенек — и замирает. А ведь в борьбе с лесным пожаром многое решает время — в иных ситуациях считанные часы и даже минуты. В тайге при сильном ветре огонь продвигается за сутки на десятки километров. И не сделанная своевременно защитная полоса выпускает «зверя» из «клетки»...

Слушая Любякина, я подумал о других пожарных, сирены которых мы часто слышим на городских улицах. О том, какая у них техника пожаротушения: мощные насосы, легкие удобные шланги, эффективные установки пенообразования, у каждого из бойцов — удобный шанцевый инструмент. Так же хорошо обеспечены и укротители огненных фонтанов на нефтяных и газовых промыслах. Они тушат пожары пушками-пламяподавителями, которые стреляют двухсоткилограммовыми зарядами специального порошка. Используются там и турбореактивные установки, выдающие в секунду до ста литров основанной на воде смеси. И ведь эта техника не где-то там «у них», а у нас же, в Союзе. Правда, техника ведомственная, принадлежащая министерствам, что побогаче Минлесхоза РСФСР, на плечах которого лежит сегодня борьба с огнем в лесу. Иначе говоря, промышленность от лесных пожаров попросту отвернулась. А наука? За годы своего существования Дальневосточный НИИ лесного хозяйства «порадовал» десантников, изобретя ручной набор: магазинный топор, пила, лопата и собственной конструкции мотыга под крышкой одного ящика. Было и еще одно изобретение — вездеход ВПЛ-6. Этот плод многолетнего труда ученых до сих пор поминается среди пожарных недобрым словом.

— Обидно, что с каждым годом дела у нас не улучшаются, а усложняются. Как на земле, так и в небе. Летаем на машинах АН-2 рождения сорок девятого года. С «Аннушки» и десантируемся, и патрулирование ведем. В пожароопасный период каждый летчик-наблюдатель проводит в воздухе по 7—8 часов ежедневно...

Вот тут прерву рассказ Александра Любякина. Самолет АН-2 и вертолет МИ-8 созданы для перевозки грузов и пассажиров. Летные экипажи на них — два-три человека. Сколько же денег «улетает», если такие машины изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год «катают» одного человека — летнаба? Это над лесом, а, например, над морем, в рыбной разведке, летнабам подают ИЛ-18 (раньше были ИЛ-14). Представляете, какая громадина кружит над рыболовными флотилиями? И сколько стоит та рыбка?

КИНОЗАЛ

ЗА ФАСАД... ПРЕСТ...

Эта статья родилась неожиданно для меня самого. Во время международного фестиваля короткометражных фильмов в Кракове я вел записи, в которых все чаще стало появляться слово «Москва». Размышления о краковской программе, содержании и атмосфере тамошнего фестиваля постоянно уводили меня в мыслях к нашему международному киносмотру, перегруженному множеством конкурсов и, несмотря на это, все менее удовлетворяющему в творческом плане и зрителей, и кинематографистов.

В Кракове мы увидели программу лучших фильмов кинофестиваля в Оберхаузене, сумели познакомиться с подготовленной группой студентов из Ньюкасла ретроспективой британских социальных кинодокументов от киноклассики — картин Грирсона и Кавальканти до фильмов, снятых в наши дни. В Кракове я стал свидетелем беседы члена отборочного комитета кинофестиваля в Оберхаузене с ректором Лодзинской киношколы, программу которой пригласили в Оберхаузен на следующий год. А до того там демонстрировалась программа нашего ВГИКа.

Хочу задать несколько вопросов руководителям тех подразделений Госкино СССР, которые отвечали тогда и отвечают сегодня за международные связи нашего кинематографа. Начну с самого простого на первый взгляд. Почему в Кракове наряду с программой Оберхаузена не были показаны фильмы-лауреаты нашего Московского фестиваля? Разве не заслужила этого советская картина «Пирамида», единодушно удостоенная Золотого приза? А почему мы в Москве уже который год не видим в программе короткометражного конкурса лучшие фильмы из Кракова и Оберхаузена? Кого и чем испугала эта традиция? Конечно, в число лучших может попасть фильм, противостоящий каким-либо нашим представлениям или оценкам, с которым надо спорить. Но спорить-то трудно и надо уметь, спокойнее отказаться от программ соседних фестивалей (заметим, прогрессивных по своей направленности), в которых мы участвуем. И как результат лишаемся возможности показывать там лучшие московские программы.

Можно ли предположить, к примеру, что в рамках Московского фестиваля состоится показ фильмов Лодзинской или какой-либо другой документальной киношколы, программы группы «Эмбэр» из Ньюкасла? Видимо, нет, и прежде всего потому, что и в без того перегруженной программе фестиваля, среди бесчисленных «встреч со зрителями», которыми шифруются обильные застолья фестивальных гостей и примкнувших к ним хозяев, еле-еле находились «прокладки» для творческих мероприятий, связанных с игровым кино. Где уж там напоминать о себе документальному! А как обидно было видеть приехавших на фестиваль документалистов, порой добиравшихся в Москву очень не простым путем из стран, где за снятые ими картины грозило тюремное заключение. Как нуждаются они в творческом общении, ради него они и преодолевали тысячи километров, а не для чаепитий. Считалось, что вполне достаточно общефестивальной дискуссии, на которую, как правило, попадал один документалист — для представительства. Как тут не вспомнить содержательные симпозиумы, осмыслявшие итоги лейпцигских смотров мировой кинопублицистики. Или традиционную дискуссию по итогам польского национального фестиваля в Кракове. Не могу забыть непринужденных, но глубоких, затягивавшихся за полночь бесед после каждого дня просмотра в Пловдиве на болгарском фестивале документальных фильмов. Эти встречи помогали сообща выверять курс кинопублицистики, думать о ее будущем.

На каждой встрече документалистов в Москве раздавались предложения перенести документальный конкурс Московского международного фестиваля на другие сроки и в другое место. Это принесло бы очевидную пользу и документальному кино, и зрителям! Возражения этому предложению сводились к одному, казавшемуся их авторам решающим аргументу: «прогорит». А под крылом, мол, «большого фестиваля» может беспроблемно существовать. Был и еще один довод, правда, высказанный в особо доверительном тоне: вместе с короткометражным конкурсом уйдет значительное число флажков на фронтоне московского смотра, и, таким образом, сократится его представительность. Полагаю, что сегодня, когда учитывается реальная, а не витринная ценность каждого явления, это возражение должно самоликвидироваться. Что же касается того, стоит ли и куда перебазироваться документальному фестивалю с его флагами, то по этому поводу следует сказать следующее. Экономика фестиваля зависит от отношения и уважения к нему. Те, кто бывал в Лейпциге, видели даже днем переполненный зал «Капитолия». И никто из зрителей не ждал пресловутой «Анжелики», всех собирал интерес к документальному кино как к искусству. А я помню, как в 1975 году в Волгограде состоялся первый и, увы, больше не повторившийся международный фестиваль антифашистского фильма. Ни одного свободного места не было в огромном зале Дворца спорта. Еще тогда я подумал: можно ли предположить лучшее место для фестиваля, на котором собирались бы прогрессивные кинопублицисты мира? А разве оставил бы равнодушными такой смотр ленинградцев? В кинотеатре на Невском проспекте с аншлагом с утра до вечера в течение двух недель шли фильмы документалистов. Международный документальный фестиваль предлагают проводить у себя ростовчане, дважды сделавшие свой город местом встреч прогрессивных кинопублицистов мира. А Рига, где по полтора месяца документальные фильмы идут в переполненном кинотеатре и зрители платят за билет по пятьдесят копеек, как за игровую картину! Вспомним и Воронеж с его многолетними традициями киноклубного движения. А может быть, стоит проводить его в каком-нибудь молодом городе, как, скажем, на трассе БАМа, в котором киносмотр обогатит да, прямо скажем, преобразит духовный климат? Разве это не важная социальная задача, которую можно решить с помощью кино? Или подумать о Сочи (такие предложения были), где фестиваль сразу же обретет широкую международную аудиторию. Конечно, вопрос этот сложный, требующий серьезных организационных усилий. Придется подумать (но только всерьез, не формально) о зрителях, которые были бы действительно готовы и рады такому фестивалю.

Но подумать! А не отталкивать который год любое предложение о совершенствовании Московского фестиваля. Ведь вскоре старожилы очередного, пятнадцатого Московского в пятнадцатый раз поедут на пароходе по каналу имени Москвы и в Ленинград. Будто нет Суздаля и Владимира, Палеха и Гжели, Дубны и Пущина.

Но перемещать документальный фестиваль означает поверить в него, дать ему права. Вспомним, как по перестраховочным соображениям не

А что делать, вынуждены платить. Раньше пожарные использовали вертолет МИ-4, час работы которого стоил 260 рублей. Эту машину сняли с производства, на замену пришел МИ-8. Хорошая машина, спору нет, но тот же час работы заказчику обходится уже 530 рублей. Любякин говорит, что порой заброска продуктов работающему в тайге десанту обходится в тысячи рублей.

— Когда-то авиалесоохрана имела свою авиацию, потом нас прикрепили к Аэрофлоту. Тогда же разработали договорные условия. Эти правила никто давно уже не менял. Также не изменились и условия нашей работы, режим которой — оперативность, регулярность полетов. Но, откровенно говоря, такой режим не всегда устраивает Аэрофлот. И МГА старается вогнать нас в удобные для себя рамки, уравнять нашу оперативную службу с другими заказчиками. Основным показателем стал пассажиропоток. Перевозки мелких, невыгодных грузов Аэрофлот мало интересуют, и машины под них выделяются в самую последнюю очередь. Усложнилось и оформление: согласно последней инструкции, которая вступила в силу с февраля текущего года, заказчик обязан подать заявку в четырех экземплярах на авиарейс за две недели до выполнения полета, указав конкретно маршрут и загрузку. Можно ли представить, где и когда возникнет пожар, да еще за две недели вперед?

Осенью прошлого года на территории Ургальского отделения произошла массовая вспышка. Диспетчер авиабазы дает команду срочно перебросить группу парашютистов в Чегдомын. Командование Николаевского-на-Амуре авиапредприятия отменяет решение, запрещая вылет «по причине отсутствия заранее поданной заявки». Чтобы решить вопрос, я обращался в Дальневосточное управление ГА. Упрашивал дать разрешение нарушить инструкцию. Двое суток решали. А пожар тем временем набрал силу. Сегодня трудно подсчитать, во что обошлось государству такое соблюдение инструкции...

В другом случае самолет с десантом находился в воздухе на патрулировании одной территории, а вспышка пожара произошла на соседней. Наш диспетчер командует изменить курс и высадить десантников поближе к пожару, диспетчер Аэрофлота, действуя по инструкции, запрещает менять курс и сажает самолет в своем порту. Переоформляется заявка, и только после этого группа вылетает по заданию. Упущенное время сказалось: «взять» тот пожар нам не удалось. Вот и получается, что не Аэрофлот обслуживает нас, а мы его.

Есть и другие явные нелепости. Сегодня инструкции МГА требуют оформления наших парашютистов на общих основаниях с авиапассажирами. Спросите, для чего? Да для отчетности и перевыполнения планов... пассажиропотока. А теперь представьте, как проходят оформление и посадка наших «пассажиров». Досмотр багажа и ручной клади осуществляется на общих основаниях. Так требует инструкция. Запрещающая, кстати, перевозить огнестрельное оружие, боеприпасы, ракетницы, ракеты, ножи, топоры... Сотрудник милиции обязан потребовать вскрытия даже парашютных мешков и контейнеров. И опять я хожу по начальству с просьбами нарушить инструкции... Вот так и выискиваем лазейки в плотном заборе, ограждающем спокойную жизнь Аэрофлота, мужественно преодолевая тот формализм, что заложен в новой инструкции. Вот когда преодолеем — может быть, и остановим огненного змея, сократим убытки от лесных пожаров!

Пожары, пожары, пожары... А можно ли лес вообще оградить от пожаров? Специалисты говорят, нет. Почти треть возгораний происходит даже в тех местах, где никогда не ступала нога человека. Тайгу часто поджигают грозы и солнце. Вопрос в другом: как свести потери до минимума? Мне, например, решение этой чрезвычайно важной проблемы видится прежде всего в организации борьбы с огнем.

Авиалесоохрана должна стать военизированной службой с четкой организацией и своим уставом (ведь охраняется народное достояние!). Тогда у десантников, идущих в огонь, будут и техника, и современные средства пожаротушения. Немаловажно отладить и наземную службу лесоохраны. Сегодня, как ни странно, лесникам некогда следить за пожарами: они изготовляют по планам Минлесхоза метлы и черенки для лопат, работают на пилорамах, колотят ящики, выпускают товары народного потребления... Только в Хабаровском крае числится две с половиной тысячи работников Государственной лесоохраны, которые практически леса не охраняют!

К вылету готовы. На счету любого из этой четверки парашютистов-пожарных десятки схваток с огненными валами в сибирской и дальневосточной тайге.

На снимке (слева направо): В. Атрошенко, С. Матвеенко, А. Бабенцов и С. Федоров.

...В апреле начался очередной пожароопасный сезон в наших лесах. Какой будет «дань огню» на этот раз?

Владимир КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Огонька»
Фото автора

были включены в программу короткометражного конкурса фильм «Атомное кафе» прогрессивного американского документалиста Рафферти; картина «Война и мир», в создании которой принимал участие Генрих Бёлль; израильская картина, показывающая, как в один из маленьких городков Израиля с арабским населением каждый год съезжается еврейская и арабская молодежь, чтобы вместе построить в знак интернациональной солидарности какое-либо общественное здание, нужное этому городу.

...ОМ ...ИЖНОСТИ

Владимир СИНЕЛЬНИКОВ

А как не задаться и еще одним вопросом: по каким причинам получившую «Золотого дракона» на последнем фестивале в Кракове картину выпускника Высших режиссерских курсов И. Дыховичного «Испытатель» не представили на фестиваль в Оберхаузен, хотя об этом просили его организаторы? И предыдущие короткометражки И. Дыховичного тоже определялись в Госкино как «нефестивальные», «невыездные». Точно так же, как замечательная таджикская лента «Адонис XIV». Хотелось получить ответы на эти вопросы и узнать конкретных авторов этих решений, услышать сегодняшнюю оценку их деятельности.

Фестиваль, оправдывающий ожидания зрителей, должен быть на уровне лучших фильмов своего времени. Их надо знать, выискивать. В документальном киносмотре это задача сложнейшая, требующая постоянного труда, связей, доверия, компетентности. Комплектация программы только по переписке с официальными правительственными организациями приводит к тому, что ряд капиталистических стран представлен на нашем экране лишь туристическими или видовыми фильмами, в то время как в Лейпциге, к примеру, мы видим ленты тех же стран, раскрывающие социальную и политическую жизнь народа.

Впрочем, поиск интересных фильмов для Московского фестиваля надо начать с Москвы. Давно пора, отрешившись от ведомственных пут, перестать пренебрегать теледокументальным кино. Пока лишь кинорынок на Московском фестивале прибегает к видеопоказу.

Просматривая список гостей фестивальной гостиницы «Краковия», я увидел много знакомых фамилий. Среди них — постоянные директора фестивалей, которые неизменно приезжают и на наш Московский, например, «вечный» Триш из Лейпцига. Замечу, что постоянного директора Московского фестиваля нет вообще. А вот Жан-Пьер Броссар из Швейцарии, кинокритик, генеральный секретарь Международной федерации киноклубов, председатель совета кино и телевидения ЮНЕСКО, автор книг о кино Швейцарии, ГДР, Болгарии, Польши, Кубы, приглашался членом жюри в Лейпциг, Оберхаузен, Краков, Тулон, Роттердам, Рио-де-Жанейро, Гавану... но не в Москву. Почему? Да потому, что принципы отбора другие. Большей частью предпочитается не специалист, а «представитель региона» или человек, с которым можно поладить, или просто громкое имя. К слову сказать, и по этой причине организаторы «соседних» фестивалей в Лейпциге, Кракове и Оберхаузене не настаивали на показе у себя фильмов-лауреатов нашего Московского киносмотра — далеко не все из них заслуживали это высокое звание. Да и крупные имена, масштабные личности, известные деятели культуры на последних фестивалях редко встречались. А ведь когда-то членами жюри короткометражного фестиваля в Москве были и Володя Тейтельбойм и Тур Хейердал, и немало других крупных общественных деятелей и мастеров культуры. Не только фильмы, но и люди поднимают уровень и престиж любого киносмотра.

Вспомним, как на нашем Московском фестивале появился интербригадовец, сражавшийся за республиканскую Испанию, американец Эйб Ошерофф. Его подпольно снятую во франкистской Испании картину впервые показал Лейпциг. Там во время фестиваля с ним встретился Роман Кармен и добился приглашения Ошероффа сначала на фестиваль антифашистского фильма в Волгоград, а затем на фестиваль в Москву. Лейпциг «открыл» Джейн Фонду с ее документальным фильмом о борьбе вьетнамского народа с американским агрессором, «открыл» Ванессу Редгрейв с ее лентой о необходимости справедливого мира на Ближнем Востоке.

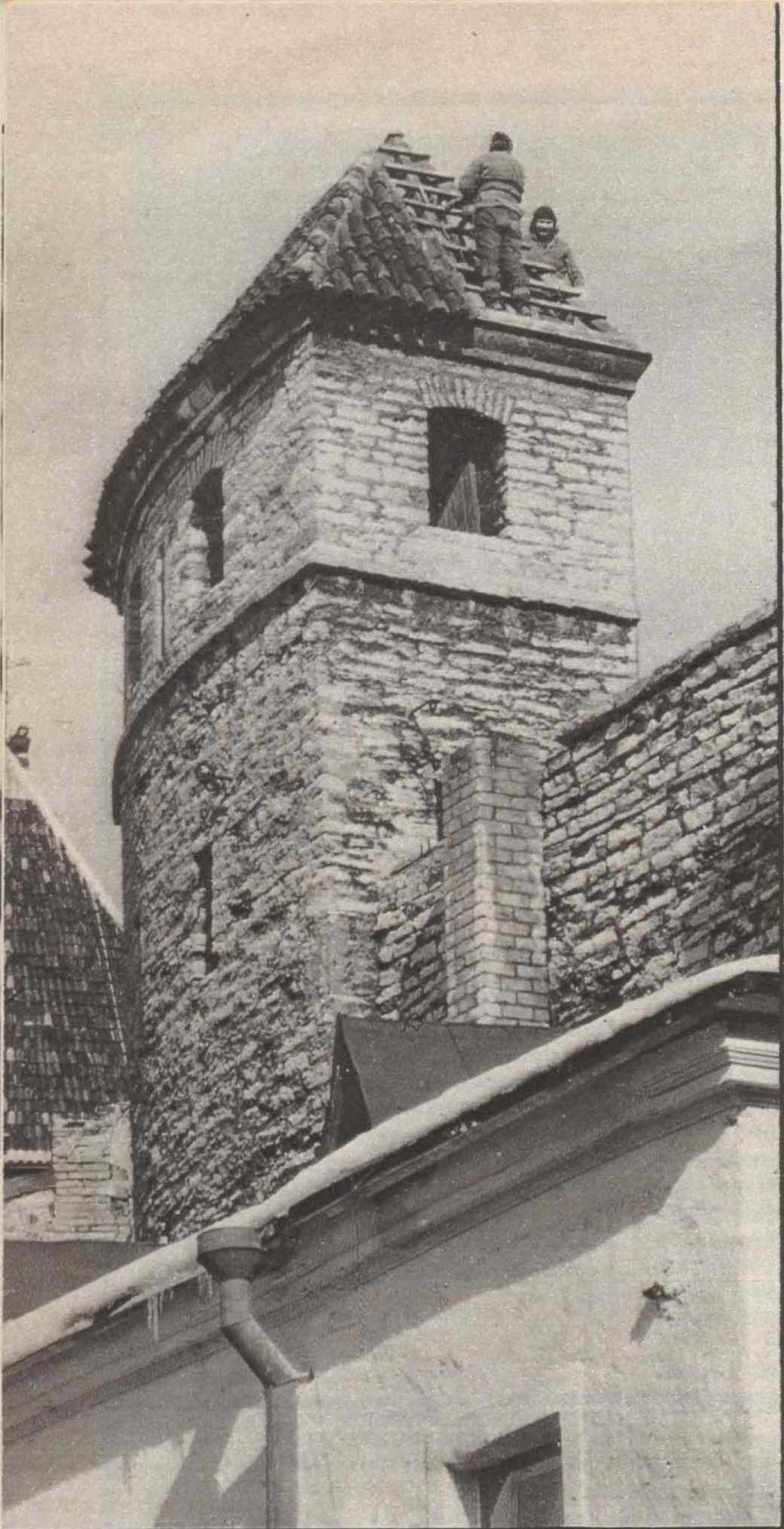
Вот такой поиск не ощутим в Московском конкурсе короткого метража. Нет у него осознания своего престижа, все в нем — и творческий уровень программы, и состав участников — подобрано по закону умеренности.

Скажем, на протяжении последних лет в Латинской Америке начали появляться документальные фильмы, с помощью которых делаются попытки переписать историю фашизма в гитлеровской Германии. Ясно, что это «социальный заказ» укрывшихся за океаном от возмездия недобитков второй мировой войны. Там же, в Латинской Америке (как ответная реакция на эти ленты), стали выходить истинно антифашистские картины. Родилась политическая кинодискуссия, которая пока еще не нашла отражения на экранах Лейпцига, Оберхаузена, Кракова. Кому, как не московскому документальному конкурсу следовало ее увидеть и обсудить? Общественное самосознание — очень важная характеристика кинофорума. Вспомним, как в разные годы собиравшиеся в Лейпциге прогрессивные документалисты мира принимали обращения к мировой общественности по актуальным политическим вопросам, как весь Лейпцигский фестиваль по призыву Дина Рида сдавал кровь для раненых вьетнамских патриотов...

Одним из первых реальных шагов для нас должно стать выведение из рамок существующего Всесоюзного кинофестиваля конкурса документального кино, где он занимает точно такое же положение, как и на Московском международном. Для его проведения тоже можно назвать много городов, где его будут радостно ждать и где он будет реально способствовать созданию духовного климата, формированию своей аудитории. Поинтересуемся поучительным опытом друзей: национальные фестивали документального кино уже много лет проводятся в ГДР, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Польше. Можно ли не обращать на это внимания?

Сокращение числа призов, отменившее для грядущего XV Московского принцип «всем сестрам по серьгам», который сводил к бессмысленности принцип творческого соревнования фильмов из-за желания никого не обидеть, а вернее, всем угодить,— один из конкретных, но лишь один из первых шагов. Энергия и воля, компетентность и новый взгляд на общественную функцию кинопублицистики и, наконец, готовность дать сегодняшнюю оценку вчерашней практике — вот что определит последовательность взятого курса.

Как-то мне довелось увидеть явно полемическую западногерманскую картину. Она делает зрителей участниками двух недалеко отстоящих по времени событий: торжественного открытия роскошного кинотеатра и момента, когда бульдозеры рушат за ненадобностью его недавнее великолепие. Авторы назвали свой фильм «Конец». Озорным, но горьким актом площадного самоубийства предстает этот фильм. Я решительно возражаю против такого взгляда на будущее документального кино и короткого метража, на их роль в общественной жизни. Но остановить бульдозер могут только действия. Вот к ним-то и надо решительно приступить.

Задолго до нынешнего мая в Таллине легализовалась прежде полузапрещенная деятельность: извоз в собственных автомобилях, присмотр за малышами в квартирных мини-детсадах, распродажа кустарных изделий, например, варежек и открыток, украшений и хозяйственных мелочей. Постепенно на бригадные и личные подряды стали переходить парикмахерские и кафе. К индивидуальной деятельности потянулись фотографы, автослесари, сапожники, часовщики, ремонтники... Значительно расширился предлагаемый населению перечень услуг: от консультаций по программированию до проведения ритуальных обрядов — свадеб, похорон. Появились десятки новых форм обслуживания населения.

ПЛЮС ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Светлана говорила спокойно, как о давно пережитом, хотя забыть такое невозможно. Старшая сестра Людмила несколько лет назад трагически погибла. Осталось двое ребятишек, да своих у Светы с Юрой двое, а вместе четверо: Володя, Костя, Женя, Витя. Если к этому добавить, что незадолго до гибели сестры умер отец (строитель, инфаркт в сорок шесть лет), что матери, не дотянувшей до пенсии, пришлось уволиться, чтобы заняться ребятишками, то ясно: вопрос семейного бюджета стал проблемой значительной.

Светлана была мастером-модельером по женским прическам. В городе ее знали, имела свою клиентуру. Юру тоже ценили как мастера: парикмахером он решил стать уже в солидном возрасте, лет в тридцать, перебрав до того несколько профессий. Заработки у каждого были неплохие. И все-таки мечтали обособиться — открыть свой салон. В большом коллективе работают мастера разного класса, неодинаковой энергии. «Противно, когда работаешь, видеть тех, кто сидит сложа руки. Расхолаживает...» — мнение одной стороны. «Во гребут! Все мало...» — мнение другой. Отсюда и косые взгляды, и зависть, и склоки.

Короче, Светлана и Юрий Трошины стали искать возможность открыть свою мастерскую. К такой же мысли пришла Ирина Лавриненко, участница городских, союзных и даже международного конкурсов: открыть мастерскую, и чтоб в ней никого лишнего. Никаких штатов ради штатов. Сами стричь, сами подметать, сами делать план, если таковой окажется. И начался поиск. В городе нужно было отыскать нежилое помещение, добиться разрешения на него, оборудовать. Мастера понимали: расположение салона не может быть случайным. Если он окажется в стороне от людных улиц, идея провалится. Искали два года, зато нашли подходящий подвал в центре: котельная со старыми котлами. С помощью друзей разгребли мусор, выбросили хлам, отремонтировали помещение, потом на фабрике заказали мебель. Когда все было готово, Светлана договорилась с «Юнором» — комбинатом бытового обслуживания, с которым заключался подряд,— о выделении необходимого инвентаря—и вперед.

В ноябре прошлого года открылись. И за прошедшие полгода насчитали у себя более двух сотен гостей! Нет, не тех, кто приходил стричься, а всех, кто приходил познакомиться с необычайной парикмахерской.

В гостях были и министры, и журналисты, и делегации. Лица, официально интересующиеся и неофициально любопытствующие. Хотя, казалось бы, чему особенно дивиться? Обыкновенный подряд, даже не кооператив. Условия строгие, но приемлемые. Вот некоторые выкладки. Работающих четверо: кроме названных, еще маникюрша Любовь Трошина, жена Юриного брата. Как видим, явная тяга к семейному объединению. Хотя каждый работает по подряду индивидуальному. Вместе за аренду помещения платят в квартал 168 рублей, дополнительно оплачивают электричество и телефон. Каждый парикмахер должен отдать комбинату «Юнор» по 285 рублей. За что? В этой сумме и подоходный налог, и гарантия того, что никто не будет обойден ни больничным листом, ни трудовым стажем, ни пенсией, когда до нее дойдет дело. Еще расходы на стирку белья, материалы, рекламу...

Но и доходы неплохие. Считать деньги в чужом кармане не слишком благородная задача, да мы и не станем этим заниматься. А плюсы вот в чем. Комбинат «Юнор» свое с мастеров имеет, и — прямо скажем,— без хлопот, тем более без мытарств. Клиенты получают свое — качество! Иначе «фирма» прогорит. И — твердые прейскурантные цены (что, впрочем, не мешает желающим давать на «чай»). Мастера имеют право заработка. Принцип — работай, сколько сумеешь. Но не перерабатывая рабочих часов. Почему? Вот скользкий момент: а вдруг кто-то из четверых пожелает работать по двадцать четыре часа в сутки? А подоходный налог за сверхзаработком не угонится? Как тут быть? Я не знаю. Но, может быть, приемлемое решение есть у финансистов?.. В любом случае я все-таки думаю: тщательно выслеживая каждый заработанный рубль, не теряем ли мы больше на оплате труда контролеров и прочих многочисленных бдительных органов! Может, в каких-то случаях пойти по линии более упрощенных решений?

Когда-то слышал байку о кавказском (почему кавказском?) методе обслуживания пассажиров. Ты берешь автобус — государству привозишь план. Больше начальство знать ничего не знает. Кого возишь, где ремонтируешься — дело твое. Тебе автобус — государству план... С точки зрения всех ныне действующих законов, правил, инструкций — вопиющий грабеж. С точки зрения здравого смысла... То, что положено с автобуса, государство получает. Пассажиры тоже получают свое, ибо автобус работает для них, пассажиров, и в том режиме, в котором услуги наиболее необходимы. Да, государство, может быть, теряет неучтенных пассажиров, которых перевезет ловкач. Но «неучтенные» не стали бы пассажирами из-за неспособности государственного предприятия удовлетворять гибкие, все время меняющиеся потребности людей по части разъездов и перевозок. Понятно, сразу возникают вопросы. А кто и как учтет «левый» (помимо плана) доход? А где водитель возьмет запчасти, бензин, прочую шуру-муру?.. Купит! Купит на свои кровные.

Так что же это получается? Подряд. То есть инициатива. И хозрасчет, и самофинансирование... Не время ли переходить на подобные индивидуальные подряды? Мы, мол, тебе, инициативная душа, поможем, а уж ты расстарайся! Не стучи лишние полчаса в домино, верти баранку да будь поласковее с пассажирами!.. А доход? А вдруг мы его не сумеем учесть до копейки? Уж лучше пусть все останется в старых рамках...

Раньше господствовал принцип: чтоб не нарушали — не разрешать. Ничего. Знаете, есть восточная притча. Пришел к человеку некто всемогущий и сказал: «Проси что угодно, все дам. Но учти — соседу дам вдвое больше». Подумав, человек ответил: «Вынь мне глаз»... И заставляли мы вынимать глаза соседям, хотя никакой пользы для себя не получали. Сейчас дело постепенно выравнивается.

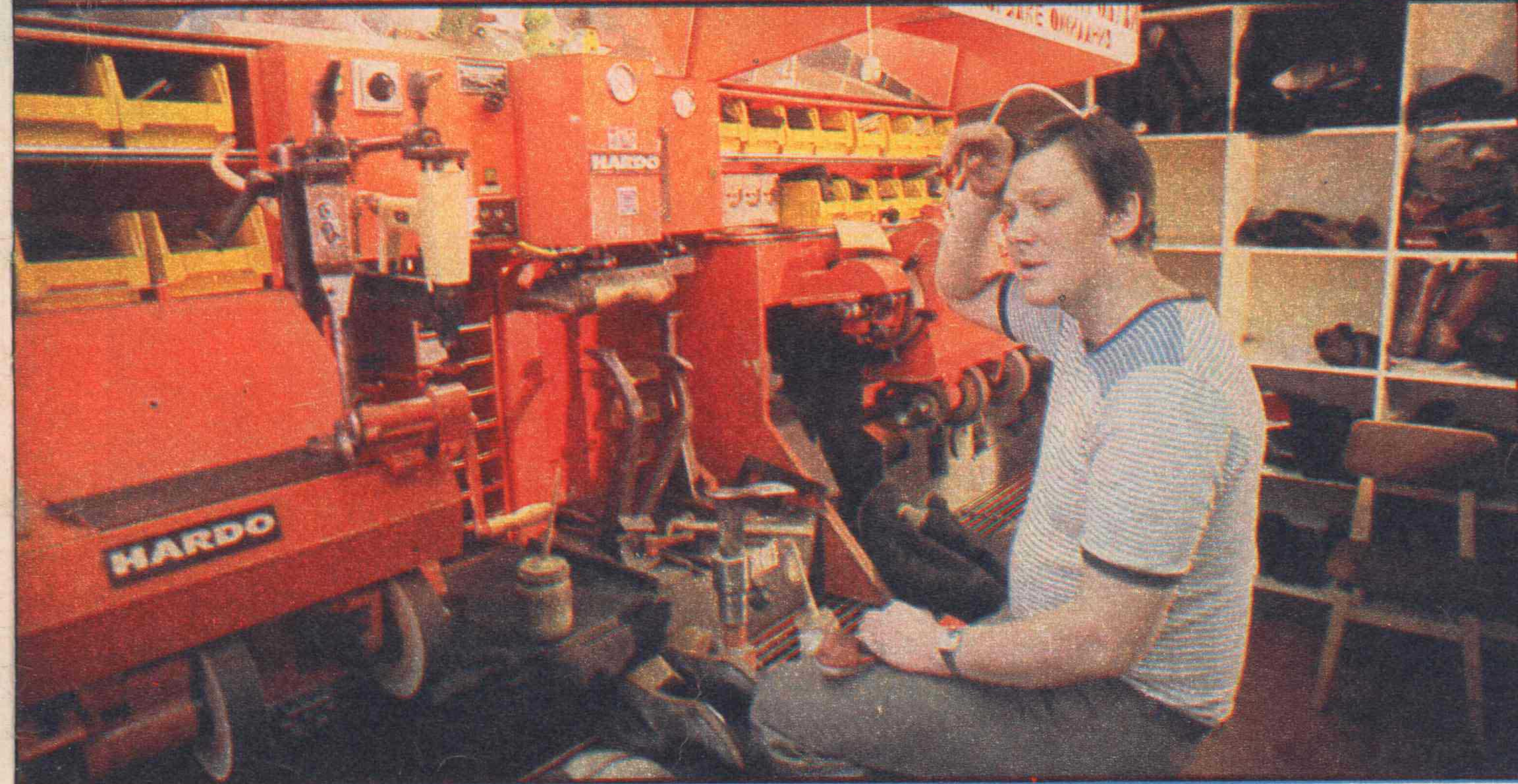
Сколько личных автомобилей в таком городе, как Таллин? Специально не интересовался, но уверен: десятки тысяч. Содержать автомобиль нелегко, тем более на зарплату. А ездить хочется. Таллинцы решили проблему. Уже не одна сотня «частных» такси (под вывеской «такси-экспресс») вышла на улицы города. Это что же — в пику государственным? Хотя бы и в пику. Чтоб те шевелились, поменьше бы шугали невыгодных пассажиров и не носились бы, вытаращив зеленые огоньки в поисках «купца». Конечно, ни о какой конкуренции речи нет. Ну, а если возникнет соревнование, всем будет лучше. Государственным таксистам тоже. Чтоб их удержать на работе, придется усовершенствовать работу таксопарков, наладить беспроблемный ремонт, заинтересовать работников бытовыми условиями. И разумеется, заработком. И, может быть, тут-то и восторжествует «кавказский» метод: я тебе машину — ты мне план! ты мне два плана! ты мне три!.. Только работай, дорогой. Подряд — это когда и ты не в обиде, и руководство не в прогаре, и государство не внакладе.

Нужен не просто работник, а хороший работник, то есть тот, кто делает лучше, продуктивнее. Если один человек может работать за троих — это хорошо, а не плохо. В каждом из нас таится невостребованный труд. Когда вчерне будут удовлетворены потребности в рабочих руках, еще резче встанет вопрос о мастерстве. Нужен будет один хороший портной, а не ателье посредственных.

В Таллине, одном из наиболее посещаемых туристами городов страны, явно недостает точек общепита. Больше того, в имеющихся точках не хватает персонала. Есть выход: бригадный подряд. Двое работают за троих, пятеро за восьмерых, на каждого приходится бо́льшая доля труда, но и зарплата растет соответственно. Растет и мера ответственности. От руководителя теперь зависит, будет ли его коллектив с заработком...

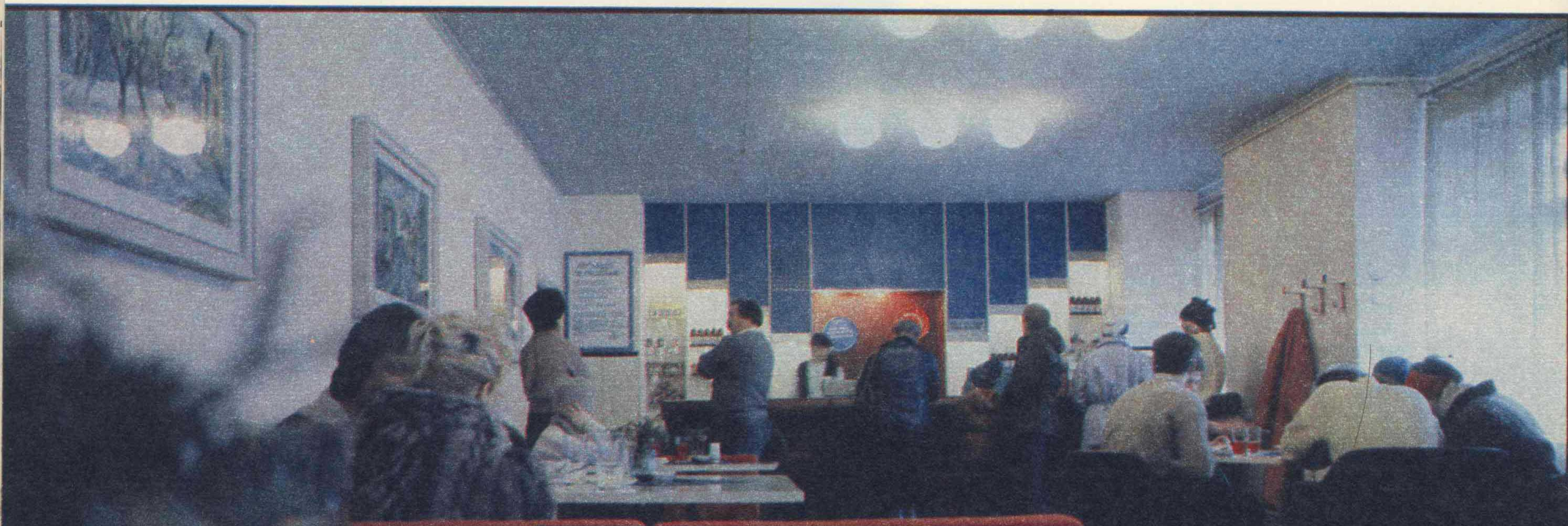
В самом центре Таллина есть пирожковая. Она первой перешла на бригадный подряд. Придумали там жарить чебуреки, или, как их тут называют,— «кармашки с мясом». Дело пошло — от посетителей нет отбоя: все рвутся, все хотят. «Кармашки» аппетитны и недороги. Попробовали и мы. Но толкаться в очереди, попадать в тесное и неуютное помещение, подвергаясь риску быть замаранным горячим салом или кого-то измазать, брать отнюдь не фирменный, к тому же

Юрий Трошин (на снимке) и его коллеги из салона на улице Ратаскаэву хорошо понимают: во взаимоотношениях с клиентом не должно быть равнодушия. Этот принцип — основа экономической стабильности салона.

В том же дворике — дверь в дверь сапожная мастерская, в которой посменно работают на договоре два мастера. Алар Мардла (на нижнем снимке) справедливо считает: «Потерянное время — потерянные деньги».

Чтобы бар «Пельгулинн» держался на плаву, нужно приложить немало труда и изобретательности. Шеф-повар Валерий Балдин и буфетчица Нина Сапоцкая помнят об этом постоянно.

А это мини-детсад в квартире Лилиан Тийк. Заниматься с малышами, конечно, хлопотно. Но это и удовольствие. Дочь Лилиан, пятиклассница Пилле, в свободную минуту тоже не прочь повозиться с малышами.

несъедобный бульон из «кубика» — все это не показалось тем удовольствием, которое хочется повторить. А вокруг пирожковой ажиотаж! В нее направляется делегаций не меньше, чем в парикмахерскую. Тележурналисты берут интервью. Снимают подсобки, которые, прямо скажем, не являют собой образца санитарии и гигиены. Что же за чудо тут творится? Может быть, люди, работающие здесь, зарабатывают огромные деньги, к ним едут поучиться? Заработки весьма умеренные: 140—160 рублей. Так вокруг чего ажиотаж? Со стороны посетителей, думаю, потому, что просто надо же где-то поесть. Очереди и так везде. А тут и недорого, и чуточку экзотично. Со стороны же делегаций желание уяснить, в чем суть изменений.

В Таллин со мной поехал четырнадцатилетний сын, и вопрос питания, как говорится, передо мной стоял. Мы облюбовали гриль-бар «Пельгулинн». Он тоже на бригадном подряде, но находится в стороне от центра, от скопления людских масс. И одно это выявляет в работе ряд проблем.

Бар специализируется на куриных блюдах. Мы отстояли небольшую очередь, расположились в симпатичном зале человек на двадцать. Съели обед: две порции бульона, две пожарские котлеты, два сухих пирожных, бутылочка «Пепси-колы» и порция кофе — все это обошлось в пять рублей с мелочью. В другой раз, ничуть не больше шикуя, мы заплатили семь рублей с мелочью (оказалось, на полтинник с лишним вздорожали пожарские котлеты — по более дорогой цене завезли кур). Потом мы послушали рассказ шеф-повара бара Валерия Балдина.

На месте, где находится «Пельгулинн», всегда что-то подобное было: то закусочная, то пивная, и даже в буржуазной Эстонии хозяин дома что-то тут содержал. Когда запретили продажу спиртного, общепитовская точка стала прогорать. Валерию предложили занять освеженное ремонтом помещение, подобрать подрядную бригаду. Теперь здесь работают восемь человек, по четыре в смену. Главное лицо—повар, он готовит все, что поедается за столами. Буфетчица принимает заказы, обслуживает за стойкой. Одна девушка собирает использованную посуду, следит за залом, еще одна посуду моет и помогает на кухне. Никакой администрации, нет и уборщиц — никого лишнего. Принцип прост, как мир: работа на общий котел, не считаться с тем, кто больше сделает, кто меньше. Друг другу помогать. И это понятно. Заработок исчисляется от прибыли бара. Чтобы она была, надо трудиться. И потому шеф-повар в свободную минуту может и посуду помыть, и любому помочь. Я записал: за январь сумма зарплаты на восьмерых составила 922 рубля 44 копейки, за февраль — 936 рублей 4 копейки. Никакого труда не стоит подсчитать, что каждому в среднем пришлось менее чем по сто двадцать рублей. Значит, пообедать в собственном баре как обыкновенные посетители они не имеют ни финансовой возможности, ни морального права. А ведь это бар не для привилегированных. Здесь не развлекают ни пением, ни танцами, не предлагают «горячительного». Какой же можно сделать вывод?

«Фирма» должна прогореть. Зарабатывать столько или почти столько же, что и в обычной общепитовской точке, где не слишком-то болит голова о выручке и где не надо трудиться (и думать, кстати) и за себя, и за других — это значит либо стать обычной общественной столовой, либо искать какой-то другой выход. Доход бару приносит только кухня, а кухне — прежде всего заказные блюда (те же «пожарские»). В бар, особенно в необеденное время, приходит молодежь. Взяв бутылку «Пепси», шестнадцатилетние парень с девушкой могут просидеть весь вечер (а прибыль от «Пепси» меньше пятака). Что же делать? Превратить бар в заведение питейное? Тогда и оборот кухни увеличится, и заработки станут расти. Но нам, посетителям, нужно прежде всего место такое, где бы мы могли вкусно и недорого поесть! А может быть, установить видео и устраивать сеансы? Скажем, рубль за просмотр, а два за оплаченный вперед заказ? Но если я хочу поесть, почему я должен платить деньги и за сеанс? Ведь это же не ресторан, куда я пришел развлечься... И то, и другое для посетителя, желающего поужинать, — не выход.

— Ну, а если организовать кооператив?

— На это я не пойду, — отвечает Валерий. — Во-первых, чтоб на такое решиться, нужно иметь деньги на первое время. Вдруг дело не пойдет? Не сразу же кооператив будет прибыль давать... Второе — это добывание продуктов. На рынке покупать? Там дорого. Да и ненадежный рынок поставщик... Третье...

О третьем задумался я сам и задал вопрос Норе Петровне Каземаа, заместителю председателя Таллинского горисполкома. В примерном уставе кооператива общественного питания говорится, кто может быть принят в кооператив. Это «в о с н о в н о м (выделено мною.— **Л. Ш.**) граждане, не занятые в общественном производстве: пенсионеры, домашние хозяйки, студенты и учащиеся. В кооперативах могут работать по трудовому соглашению работники предприятий, организаций и учреждений в свободное от основной работы время». Но кому не ясно: чтоб наладить рискованное дело, организаторам и двадцати четырех часов в сутки мало!..

— Как же выхóдите из положения?

— Никак. Строго согласуясь с положением. У нас уже зарегистрированы кооперативы. Один будет специализироваться на шашлыках, которые будет продавать в зонах отдыха, другие кое-что выпекать... В режиме совместительства... А как, допустим, понимать категорию «домашние хозяйки»? — задает Каземаа вопрос мне.— Если не работает мужчина при работающей жене, ясно, он тунеядец. Конечно, если не инвалид и не в возрасте. А женщина? Когда она домашняя хозяйка, а когда тунеядка?.. Инструкции на эти вопросы не отвечают...

Все это говорит о том, что есть непродуманные места в положениях. Надо думать, со временем они обкатаются, прояснятся. А пока...

— А пока,— продолжает Нора Петровна,— кооперативы — это не панацея. Стоимость блюд здесь будет относительно дорогой. А где поесть, скажем, старику с пятидесятирублевой пенсией? Каждая копейка у него рассчитана. Общепит тоже не в состоянии его хорошо накормить. Дешево, вкусно может быть только в столовых, которые поддерживает предприятие, доплачивая каждому за обед, то есть когда блюда продаются по себестоимости, а то и ниже ее. По-моему, в таком виде, в котором открытая столовая существует, она никому не нужна. Нужно переходить на крупные рестораны, а мелочевку отдать индивидуальному сектору. Подряд нужен не для населения, а чтобы большую работу могло выполнять меньшее число людей, чтобы сократить дефицит рабочих рук...

Правда, вопрос, кто будет кормить пенсионеров, и в этом случае остается открытым. Но возвращаясь мысленно к «Пельгулинну», к разговору с Валерием Балдиным, вспоминая, как в часы пик приходится там всем крутиться, невольно думаешь: может, потому там низки заработки, что слишком много надо отчислять денег на прокорм вышестоящего аппарата? А может, есть еще какие-то щели, в которые утекают лишние копейки и рубли? Нет сбалансированности цен между блюдами собственными и чужими товарами? Той же водой в бутылках, соками? Кстати, обращали вы внимание, что вам редко общепит предлагает соки, а старается подсунуть напитки, приготовленные из этих соков? Ответ простой: от продажи сока прибыли никакой, а от продажи напитка — значительная (сам приготовил, смешал сок с водой и с сахаром). И это при том, что все сделано честно. А если нечестно?

Почему одни куриные котлеты 1 р. 75 к., а другие, такие же, 2 р. 30 к.? Не то сырье завезли, для других шла курица более дорогая. Но я-то ведь получил в итоге то же самое, не отличимое ни по цвету, ни по запаху, а раскошелиться пришлось... А вдруг в следующий раз котлета станет еще на полтинник дороже по каким-то малопонятным для меня причинам? Конечно, наведываясь раз в месяц или реже, я могу пойти на такой «удар». Но обедая здесь каждый день, я не захочу иметь такого ненадежного партнера. Делясь личными впечатлениями, я не хочу бросать ни малейшей тени на Валерия и на его коллег! Они трудятся в поте лица своего.

Мне о многом хотелось бы еще рассказать: и о детском садике Лилиан Тийк, расположенном в обычной квартире, и о художнике Энделе Саарепуу, который, не таясь, продает открытки — труды своих рук, и о сапожниках Аларе Мардла и Энне Ярвамяги, работающих на договоре в небольшой, но хорошо оборудованной мастерской, и о «частниках»-таксистах... Рассказать, порадовавшись тому, что дело стронулось с места. И поразмышлять о неизбежных сложностях, которые сопровождают новое дело. А их немало. Например, надо ли искусственно ограничивать количество «частников»? Или предоставить возможность каждому попробовать силы и дать возможность убедиться, что такое не каждому по плечу? Мне думается, регламентация излишня. Отсев в результате естественного отбора и без того будет велик. Начальник управления бытового обслуживания Таллинского горисполкома А. Роос в городской «Вечерке» тоже пишет: «...чрезмерное регламентирование времени и места работы машин «Экспресса» (личные такси.— **Л. Ш.**) было бы неверным. Наилучший выход—саморегулирование». В той же статье: «У работников службы быта, находящихся на хозрасчете, производительность труда значительно выше среднего показателя. Человек знает, что чем больше он сделает, тем больше заработает».

Как повысить наше благосостояние? Трудиться. И не забывать: каждый, кто берет на себя труд бóльший, поднимает не только свое благополучие, но и благополучие общее. Наше с вами. Значит, не препятствовать, а содействовать. Устранять препоны, которые могут возникать и не по злому умыслу, а потому, что дело новое. И еще помнить: все, что делается, делается не ради пресловутого мелкого предпринимателя, а ради всех нас, заинтересованных в улучшении жизни. Только бы освободиться от бюрократических тенет, бессмысленных и недобрых в силу своей бессмысленности запретов! Социалистическая предприимчивость — наше завоевание, но его еще отстоять надо.

ПОСРАМЛЕННЫЙ ПЯТАК

Монолог униженной монеты в ответ на письмо читателя, опубликованное в № 9

Ну вот, опять в правах ущемили. Сложно я, звонкий денежный знак, утвержденный ГОСТом, по закону не имею хождения по всей территории Советского Союза. Обидно, знаете ли, считать себя ровней убогому абонементному талону. Я ему не эквивалент! На него не то что в метро не войдешь — квасу не выпьешь. Да и куда ему до моей универсальности. Любой талон годен ведь только в пределах города. Сунься с ним из Киева в Минск — оштрафуют.

Теперь и до Москвы докатилось — ввели бескассовую оплату в троллейбусах, трамваях, автобусах. Я хоть и небольшая монета, но тертая. И в финансах единица не последняя, а потому в коммерции кое-что смыслю. Могу объяснить, кому выгодно мое исключение из обращения в городском транспорте. Но сначала вслушайтесь в стереотипное объявление водителя:

«В вагоне введено бескассовое обслуживание. Оплата проезда производится путем погашения абонементных талонов в компостере. Имеются в продаже абонементные книжечки. Продажа разовых талонов не производится».

В этом безупречном с точки зрения канцелярско-бюрократической лексики объявлении, по моему пятаковому разумению, и зарыт клад. Сущий клад для транспортного ведомства. Пассажира насильно заставляют оплатить сразу десять поездок. Один талончик погашается, а сорок пять копеек чистого навара попадают в транспортную казну как бы авансом. Использует ли человек остальные — неважно. Материальное благополучие Управления пассажирского транспорта Мосгорисполкома обеспечено. Так сказать, хозрасчет за чужой счет. Причем с полной гарантией и страховкой — контролером. Представьте человека после работы. В кармане — двугривенный. Книжечку на него не приобретешь. Значит, надо, смирив гордыню, попросить талон у окружающих. И хорошо, коли найдется сердобольная душа, выручит. А то ведь и справедливо откажут — талоны дефицитны. Да еще изволь рассчитаться до первой остановки — иначе станешь жертвой контролера. Хорошо, если домой штраф пришлют. А то ведь и на службу просигналят — ославят как «зайца».

Москвичи приняли новшество без восторга. Но это не только московская проблема. Чего только не услышишь, кочуя из кармана в карман в качестве платы за талон, вокруг которого всякий раз возникает в салоне троллейбуса или автобуса нездоровая суета. И прежде всего потому, что у многих горожан сложились устойчивые маршруты. Отклоняются от них люди нечасто и обходятся при нужде пятаками. Во что обратится тонкая книжечка с квитками из непрочной бумаги от одной редкой поездки до другой, представить нетрудно. А вот вообразить, что москвичи стройными рядами встанут в очереди за пресловутыми книжечками, наоборот, нелегко. А продажа разовых талонов на остановках, по существу, возвратит транспорт к работе с кондукторами. Только уличными.

Но ведь Москва еще и город приезжих, которые исчисляются миллионами. Им, случается, и требуется всего-то пара поездок туда и обратно. Не слишком ли большими окажутся прибыли транспортников? Допустим и другой вопрос: вправе ли они такими способами обеспечивать свое финансовое благополучие? Нельзя загонять в угол пассажира. Ведь трамвай-то для него, а не он для трамвая.

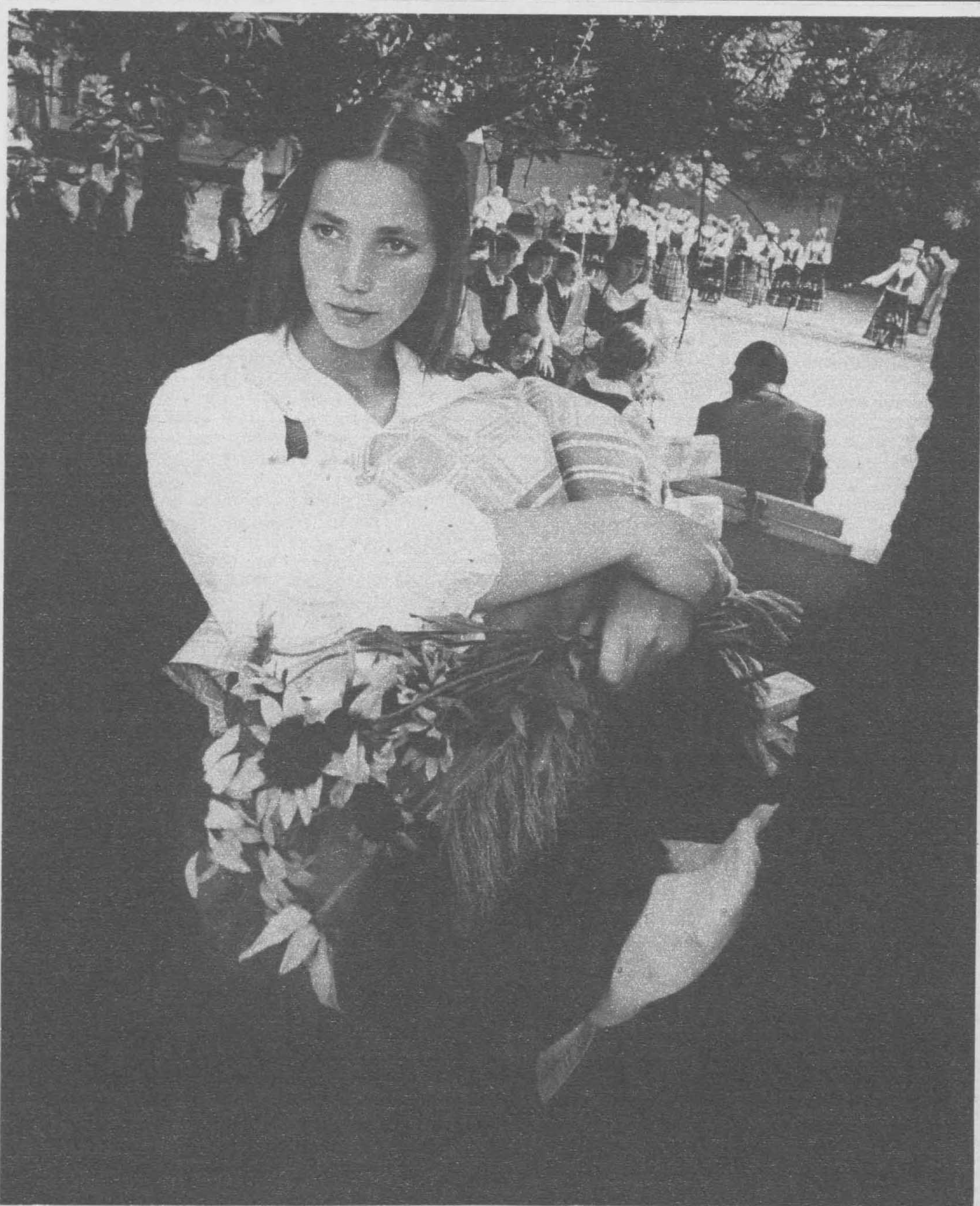
* * *

Несколько коротких интервью по просьбе оскорбленного пятака дали пассажиры троллейбусов.

Ирина Воронова, машинистка: — Обычно езжу домой на электричке. Талончики имею на всякий случай, но посмотрите, в каком они виде — свернулись в трубочку и обветшали...

Степан Хромчук, слесарь: — Очень неудобное новшество. По-моему, транспортники перемудрили.

Монолог униженной монеты
и мнения пассажиров
записал Борис РЯЗАНЦЕВ.

Ромуальдас РАКАУСКАС

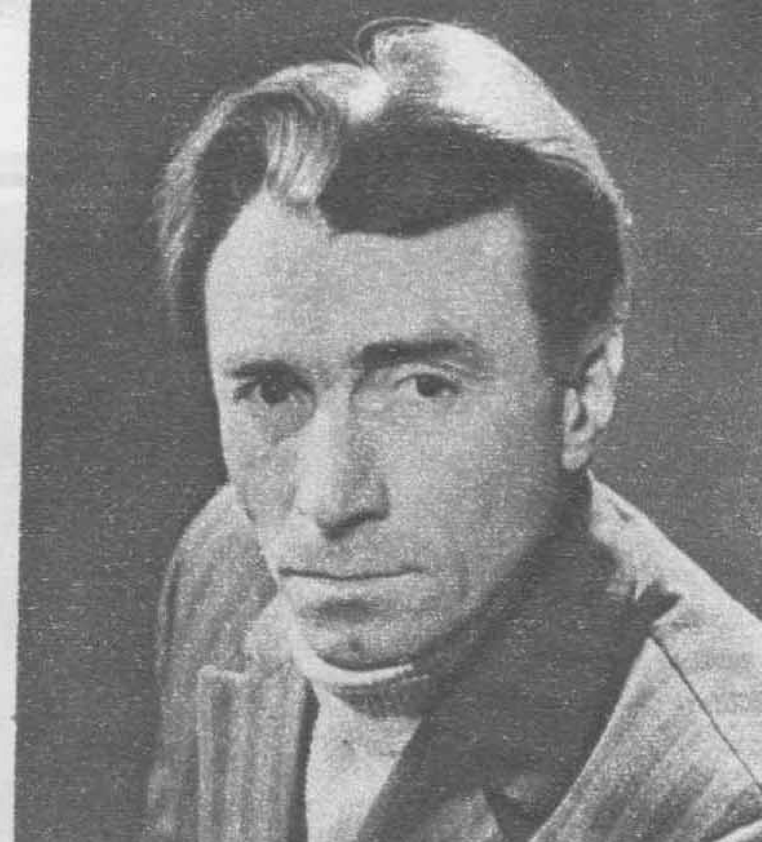

ФОТОВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Наибольшую известность этот фотограф, участник и лауреат многих республиканских, всесоюзных и международных фотовыставок, приобрел как автор поэтичного цикла «Цветение», над которым работал около десяти лет. Фотографии его полны искреннего оптимизма и радости жизни. Для них характерно праздничное, иногда даже несколько идиллическое настроение. Красота человека, земли и жизни — таково ядро лирической поэмы Ракаускаса. «Пора цветения земли коротка, у человека же она может продолжаться всю жизнь» — это положение, словно своеобразный лейтмотив, пронизывает почти все работы выставки. По своей художественной натуре Р. Ракаускас — лирик, поэт, чутко воспринимающий жизнь людей и природы.

ОПУБЛИКОВАВ В АВГУСТОВСКОМ НОМЕРЕ «ОГОНЬКА» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД РАССКАЗЫ ВИКТОРА КОНЕЦКОГО, МЫ ПОЛУЧИЛИ ОГРОМНУЮ ЧИТАТЕЛЬСКУЮ ПОЧТУ. ВИДИМО, ЭТО И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ. ИНТЕРЕС К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В. КОНЕЦКОГО РАСТЕТ ГОД ОТ ГОДА, ВЫХОД КАЖДОЙ ЕГО НОВОЙ КНИГИ ВСТРЕЧАЕТСЯ С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ. В ОТВЕТ НА ПИСЬМА «ОГОНЕК» ОБЕЩАЛ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ ПОЗНАКОМИТЬ ИХ С НОВЫМИ РАССКАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ. СКАЗАНО — СДЕЛАНО. СЕГОДНЯ ВИКТОР КОНЕЦКИЙ СНОВА ВЫСТУПАЕТ НА НАШИХ СТРАНИЦАХ.

Виктор КОНЕЦКИЙ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ЛЕДОВЫЕ БРЫЗГИ»

КАК Я ПЕРВЫЙ РАЗ КОМАНДОВАЛ КОРАБЛЕМ

«Секретно.
Командиру СС-4138
лейтенанту Конецкому В. В.
капитан-лейтенанта
Дударкина-Крылова Н. Д.

РАПОРТ

Настоящим доношу до Вашего сведения по пожарной лопате № 5. При обследовании пожарной лопаты № 5 мною установлены нижеследующие отклонения от Приказа Главнокомандующего ВМС СССР.

1. Черенок лопаты короче стандартного.
2. Насажен плохо, качается.
3. На конце черенка нет бульбы.
4. Трекер лопаты забит тавотом.
5. Щеки лопаты ржавые, не засуричены.
6. Лопата не совкового типа.
7. Черенок лопаты не входит в держатели на пожарной доске.
8. Лопата на пожарном стенде вследствие этого не закреплена, а держится черт-те как.
9. Лопата не окрашена в красный цвет.
10. На лопате нет бирки о последней проверке.
11. На лопате отсутствует инвентарный номер.
12. Лопата не учтена в приходно-расходной книге.
13. Лопата не включена в опись пожарной доски.
14. Лопата висит не на штатном месте. Далеко от места будущего пожара.
15. При опробовании лопата сломалась.
16. Сломанная лопата не была внесена в акт списания.
17. Лопата не исключена из описи пожарной доски.
18. Нет административного заключения о причине поломки лопаты.
19. Нет приказа о наказании виновника поломки лопаты.
20. Лопата и до поломки превышала по весу норматив на 11 кг 250 г.
21. Лопата не была закреплена за конкретным матросом боевого пожарного расчета.
22. В процессе эксплуатации лопата неоднократно использовалась не по прямому (пожарному) назначению. Дознанием установлено: в зимних условиях ею чистил снег на палубе боцман — старшина I статьи Чувилин В. Д. Тогда же ею были нанесены побои боцману — старшине I статьи Чувилину В. Д. А 08 марта пожарная лопата использовалась на демонстрации для несения на ее лотке портрета женского исторического лица.

Вывод. Ввиду окончательной поломки лопаты — заводской № 15256 (корабельный № 5) — признать дальнейшее использование ее для боевых и пожарных нужд невозможным. Стоимость шанцевого инструмента списать за счет боцмана — старшины I статьи Чувилина В. Д.

Для определения стоимости лопаты (черенок, тулейка, наступ, лоток) создать комиссию в составе 3 (трех) офицеров, включая начальника медико-санитарной службы старшего лейтенанта Захарова А. Б.

Борт СС-4138.
Июля 08 дня 1953 г.

Поверяющий: капитан-лейтенант
Дударкин-Крылов Н. Д.».

С автором этого секретного документа я и собираюсь познакомить вас ближе.

1

Все вышли в экспедицию
(считая и меня),
Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его семья.
Винни-Пух

«16 июня 1953 г. СССР. СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ. УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ.
Тов. лейтенант, на Ваше письмо от 09.06.53 г. сообщаю, что оснований для перевода Вас на Тихоокеанский флот нет. В дальнейшем по вопросу прохождения службы прошу обращаться по команде в соответствии со ст. 5 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР. ВРИО НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СФ КАПИТАН 2 РАНГА ЕВСЕЕВ».

Самый не освещенный в мировой прессе (по причине личной скромности) период моей светлой жизни — военная служба на СФ.

Есть срок давности. Прошло больше тридцати лет. Можно кое-что вспомнить. Я служил на военных спасателях, но серьезные аварии случаются редко. Их главная работа — буксировка или судоподъем, то есть извлечение из морских глубин затонувшего железа.

Безнадежно скучно было летом. Стоишь в какой-нибудь удаленной от цивилизации бухточке на якоре. Без связи с берегом. За бортами десятки понтонов — ржавые железные бегемоты, опутанные пуповинами воздушных шлангов.

Под килем — когда-то погибшее судно.

О том, кому на этом судне не повезло, не думаешь.

Работают водолазы и такелажники, а ты занимаешься боевой и политической подготовкой, то есть талдычишь матросам про лесополосы и коварство академика Марра. А матросы у тебя настырно интересуются причиной самоубийства Маяковского.

Коли я уж так с ходу расхристался, то объясню все-таки, почему написал тогда письмо в кадры Северного флота с просьбой о переводе на Камчатку.

Конечно, кромешная скука от теоретических занятий с матросами и монотонность судоподъемных работ свою роль сыграли, но истинные причины были серьезнее.

Поднимали мы австралийский транспорт «Алкао-Кадет» возле мыса Мишуков. В сорок втором году австралиец затонул, получив прямо в дымовую трубу полутонную немецкую бомбу.

Поднимали его трудно. Транспорт хотел покоя и не желал возникать обратно на свет божий из тишины и мягкого сумрака морской могилы.

Наконец, все-таки наступил волнительный и торжественный момент продувки понтонов. И из бурлящих вод, обросший водорослями, занесенный илом, в гейзерах воды и струях травящегося из понтонов воздуха возник потревоженный от вечного сна пароход — огромное морское чудо-юдо. Защелкали фотоаппараты, заорали «ура», вскинули над головами чепчики; матросики летом на Севере именно чепчики носят. Выждали положенные мгновения и полезли на утопленника мародерствовать. Спасание на водах всенепременно связано с таким постыдным фактом — такое было, есть и будет, ибо спасателям извечно кажется, что они имеют чистой воды моральное право «на некоторое количество сувениров»,— так скажем для приличия.

Я пробрался в штурманскую рубку транспорта и обнаружил среди ржавого железа какие-то черные и мерзко-скользкие кипы. Пхнул сапогом одну, она развалилась, и в середине проглянула прилично сохранившаяся бумага. Оказались австралийские навигационные пособия, вахтенные журналы, лоции, слипшиеся, спрессованные тяжестью морской воды, как бы обугленные по краям страницы. Тут я и забыл про то, что хотя любопытство не порок, но все-таки большое свинство. Набил полную пазуху мокрыми документами и вдруг услышал сперва гудок, а потом аварийные тревожные свистки и ощутил под ногами дрожь металлического покойника.

Всех спасателей мгновенно сдуло с этого «Алкао-Кадета».

Хорошо помню, как наш боцман волок на родной спасатель шикарный австралийский стульчак, но вынужден был бросить добычу на полпути.

Под брюхом транспорта начали рваться-лопаться понтонные полотенца, на которых он висел.

Минуту или две «Алкао-Кадет» полусонно чесал в затылке, затем вздохнул и нормально булькнул обратно в могилу, оставив за собой такую бурунную воронку, что в нее затянуло рабочую шлюпку. А звучок австралийский транспорт издал пострашнее и, уж во всяком случае, погромче того, с которым сыплется земля на гробы в братских сухопутных могилах.

Еще минут тридцать над затонувшим гигантом вылетали из воды четырехсоттонные понтоны, наполненные воздухом. К счастью, ни один из них не вмазал в днище нашего корабля. Если бы такое произошло, то поднимать с грунта возле мыса Мишуков пришлось бы уже два парохода.

Когда все утихло, я занялся разборкой, как говорят в романах, «немых свидетелей» жизни и работы австралийских моряков: записные книжки штурманов, карты Ямайки и «Рапорты об атаках за июль 1942 года».

Потом разложил свою бумажную добычу сохнуть в световом люке машинного отделения, нимало не заботясь о том, что ее кто-нибудь сопрет: кому нужны мокрые, грязные, в ржавчине бумажки? Да еще на английском языке! Я-то в те времена пытался его учить, и любопытные австралийские документы могли бы стимулировать усидчивость.

Но вышло вовсе нелепо и неожиданно. Бумажки попали на глаза особисту. На «Рапортах об атаках» он обнаружил английское слово: «Секретери». Меня вызвали кое-куда и дали такую взбучку, что до сих пор икается. Оказывается, я должен был все эти документы немедленно сдать в соответствующий отдел.

Среди десятилетней давности австралийских секретов бдительные товарищи обнаружили и бумажку с русским текстом, которая принадлежала лично мне и попала туда случайно. Вот ее текст: «Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью. Благодаря рабству произошел расцвет древнегреческого мира, без рабства не было бы Греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима, а без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма».

Такой текст показался некоторым начальникам подозрительно загадочным. Пришлось долго доказывать, что автор не я, а Фридрих Энгельс. Такие уж были времена!

Вот и решил, что лучше будет, если я сменю скатерть, то есть сменю место службы с европейского Севера на азиатскую Камчатку.

За обращение с письмом к высокому начальству не по команде я получил добавочную взбучку от командира корабля капитана 3-го ранга Зосимы Семеновича Рашова и продолжал тянуть лямку на вторичном подъеме «Алкао-Кадета».

Однако ничего на этом свете не проходит бесследно.

26 июня 1953 года меня катером сняли с корабля и привезли в штаб части, где я получил командировочное предписание:

«УПРАВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА. 30 ИЮНЯ 1953 г. С получением сего предлагаю Вам отправиться на Белое море в г. Н-ск для выполнения специального задания в распоряжение кап. 2 ранга Рабиновича Я. Б. Срок командировки 01 дней, с 30 июня по 01 июля 1953 г. Об отбытии донести. Основание: мое распоряжение. Для проезда выданы требования на перевозку, за №№ ф. 1, № 142002. Начальник АСС СФ кап. 1 ранга Блинов».

Блинов мне нравился, и, кажется, я ему тоже. Сейчас вспоминаю, как он пришел ко мне в каюту,— капитан 1-го ранга, аварийно-спасательный Цезарь и падишах. И вот этот падишах заглянул в каюту к мальчишке-лейтенанту, чтобы поинтересоваться, как я себя чувствую в самостоятельной роли на корабле после училища и не слишком ли мне грустно.

Вроде бы мелочь, а не забывается.

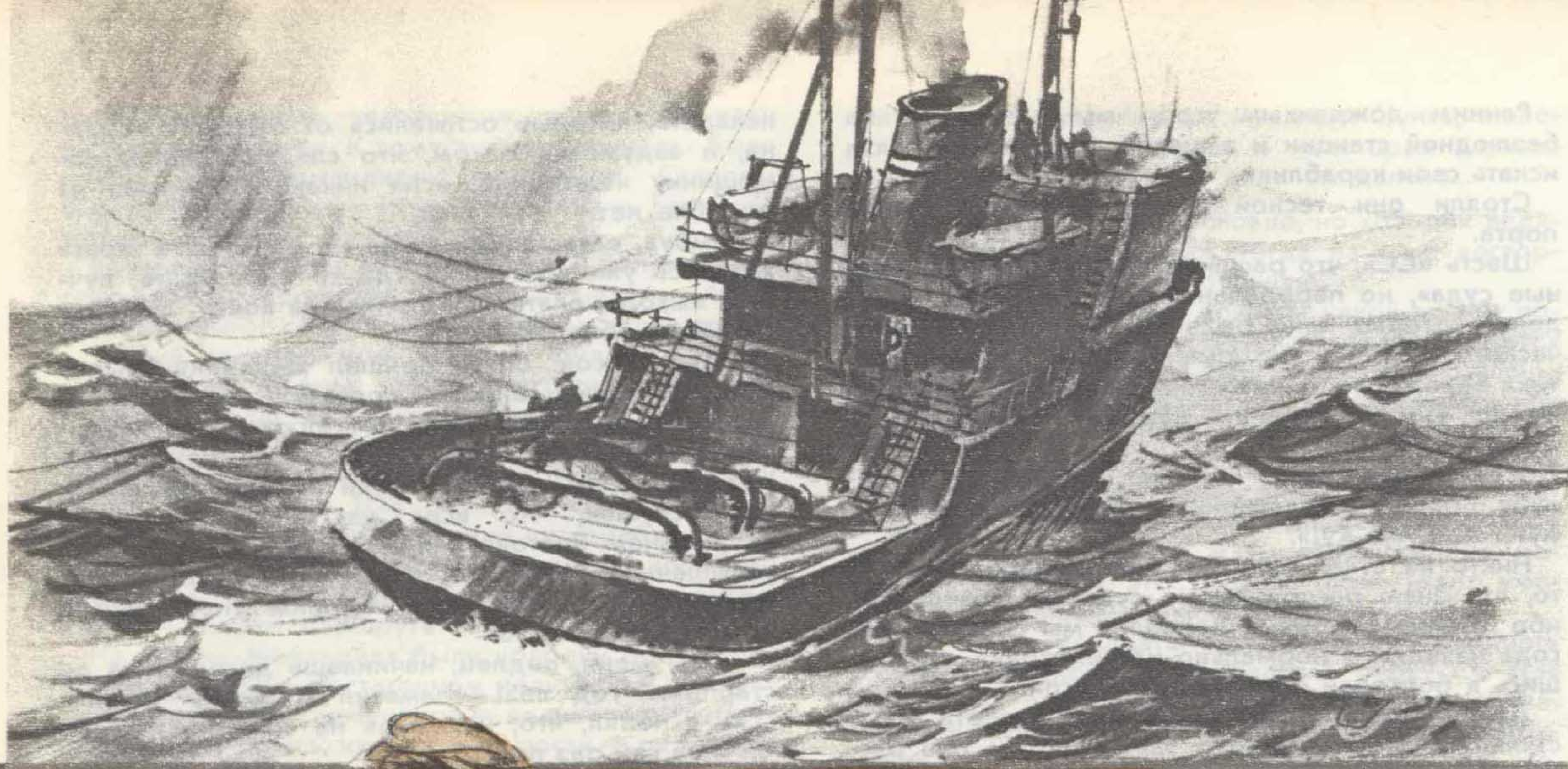

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

Блинов сделал тогда замечание. Вернее, дал дружеский совет. Я был назначен на «Вайгач» временно — на один месяц, ибо вообще-то был утвержден на другой корабль, который находился в море на спасании. И потому в каюте, куда поселился, никакого уюта наводить не стал.

— Почему, лейтенант, у вас нет на столе фотографий? — спросил Блинов.— Где фото вашей девушки или если ее нет, то мамы?

Я объяснил, что нахожусь здесь временно.

А он объяснил мне, что моряк должен быть дома в любой каюте и на любом корабле, ибо каюта офицера — это не казарма, где люди отслуживают свой срок. И каюту следует обживать сразу, тем более что собрать в нужный момент чемодан — дело нехитрое.

И этому правилу я следовал потом неукоснительно.

За одним исключением: фотографию любимой девушки никогда не ставил на стол и не вешал на переборку. Не хотелось, чтобы ее кто-нибудь посторонний разглядывал. Ну, а мама терпеть не могла фотографироваться и никогда фотографий не дарила. Она вручила мне — офицеру и члену ВКП(б) — миниатюрную иконку покровителя всех моряков Николы Чудотворца. И наказала никогда с ней в морях не расставаться. И ныне эта иконка плавает со мной, хотя и побаиваешься то бдительного таможенника, а то и собственного первого помощника.

30 июня 1953 года я убыл для выполнения специального задания бесплацкартным вагоном из Мурманска, имея с собой портфель, в котором были бритвенный прибор, пара белья и подшивка старых «Огоньков», украденных с какого-то катера. Убыл, одетый во все летнее, без продаттестата, без денежного аттестата, без шинели, не сдав никому дела, имущество и обязанности.

Анекдотический срок выполнения специального задания — одни сутки — объяснялся тем, что в г. Н-ске мне следовало сразу же явиться на некий кораблик, заступить в должность штурмана и перегнать кораблик вокруг Кольского полуострова в родные пенаты. А командировочные деньги флотскому офицеру полагаются только за время пребывания на суше.

Со мной вместе ехал капитан-лейтенант, старше меня всего года на два, шатен с густой шевелюрой, высокого роста, жилистый и подвижный, глаза стальные, в правом на радужной оболочке — кусочек черного. Раньше я с ним никогда не встречался.

Когда оформляли документы, капитан-лейтенант вызывающе-безмятежно напевал лихую песенку американских моряков с союзных конвоев:

Вызвал Джеймса адмирал,
Джеймс Кеннеди!
Вы не трус, как я слыхал,
Джеймс Кеннеди!
Ценный груз доверен вам,
Джеймс Кеннеди!
В СССР свезти друзьям,
Джеймс Кеннеди...

На тот момент отношения с бывшими союзниками очередной раз были аховыми, песенки их были не в моде, и я как-то неуклюже, но все же попробовал намекнуть об этом капитан-лейтенанту.

— Эту бравую песню написал Соломон Фогельсон,— сказал капитан-лейтенант.— Он еще автор стихов для музыкальной комедии советского композитора Соловьева-Седого «Подвески королевы». Теперь ты успокоился?

Я успокоился, но выпучил глаза, ибо мы десять лет распевали эту песню, твердо веруя в ее американское происхождение.

Вещей у капитан-лейтенанта было побольше, чем у меня: и чемодан, и шинель, а в кармане шинели — затрепанный соблазнительный томик с «ятями».

Мы сидели друг против друга на жестких полках, поезд уносил нас в глубины Кольского полуострова, и надо было знакомиться. Для затравки я спросил у капитан-лейтенанта про старинную книжку в кармане его шинели. Обратился, конечно, на «вы» и, кажется, даже начав с уставного: «Разрешите обратиться, товарищ капитан-лейтенант?»

— Брось, зови меня Колей. Можешь даже на «ты». Фамилию запомнишь сразу: Дударкин-Крылов. Я правнук дедушки Крылова. Про лебедя, рака и щуку еще не забыл? Прабабушка служила у баснописца кухаркой, а старик любил пошалить между баснями.— И капитан-лейтенант залился в приступе почти беззвучного смеха. А передохнув, закончил: — Пушкина-то хоть знаешь, лейтенант? «Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины я хотел запастися книгою...» — и опять беззвучно засмеялся.

Своим тихим и лукавым весельем нравился мне Дударкин-Крылов с каждой минутой больше и больше.

Его книжка оказалась мемуарами графа Витте — довольно странная литература во глубине кольских руд. Каплей (так для экономии звуков на флотах называют капитан-лейтенантов) заметил мой интерес к произведению графа Полусахалинского и подмигнул тем глазом, где была у него черненькая отметина.

— Слушай, лейтенант, сейчас внимательно. С намеком буду говорить. Когда Витте ехал в Америку подписывать мирный договор с японцами, то задержался на денек в Париже. Там в одном кафешантане президент Французской республики сказал ему, что России, вероятно, придется выплатить Японии контрибуцию, и в астрономическом масштабе, ибо война проиграна совершенно гениально. Витте хладнокровно отметил, что за все время существования Российская империя никогда никому контрибуций не платила и платить не будет. На это французский президент заметил, что, к сожалению, бывают мерзкие ситуации, при которых и такое делать приходится. Например, им, французам, пришлось раскошелиться, когда боши подошли к Парижу. «Ну, вот,— ответил Витте,— и мы контрибуцию заплатим, когда япошки подойдут к Москве». Так вот, есть у меня, лейтенант, странное предчувствие, что нам с тобой предстоит пройти тот самый путь, который японцы не прошли. Правда, в обратном направлении.

— В каком году вы окончили училище и какое? — спросил я.

— Еще раз «вы» скажешь, не дам Витте читать. А демократизм мой проистекает из одного сказочного приключения. Назовем его «Золотая Рыбка», а эпиграфом возьмем: «Все по блату, все не так, вот где истый кавардак!» Училище закончил в прошлом году, артиллерист.

— И уже капитан-лейтенант?

— Сам до сих пор удивляюсь,— сказал Коля и рассказал следующее, время от времени заливаясь беззвучным хохотом.

Коренной москвич. Первый после училища офицерский отпуск проводил дома в столице. Где-то на Арбате из моряцкой солидарности высвободил из лап сухопутного патруля какого-то заблудшего старшину второй статьи. Когда опасность для старшины миновала, тот спросил у новоиспеченного офицерика фамилию и название флота, на котором Дударкину-Крылову предстояло служить. Затем, вежливо попрощавшись, заблудший старшина второй статьи загадочно сказал: «Дударкин, сегодня ты выпустил на свободу Золотую Рыбку!»

Назначен был правнук кухарки дедушки Крылова на гадчайшую должность — командиром мелкого зенитного подразделения эскадренного миноносца. На военно-морском языке — «командир пульно-вздульной группы», масса подчиненного личного состава, то есть масса неприятностей за каждого загулявшего на берегу матросика, и никакой реальной возможности эффектно продемонстрировать начальству свои таланты. За полгода получил десяток взысканий, после чего приказом главкома ему было досрочно присвоено звание старшего лейтенанта. Поудивлялись, пообмывали, начальство продолжало лепить Коле взыскания еще щедрее. А через полгода приходит приказ о присвоении ему звания капитан-лейтенанта, хотя даже должность-то его такому званию не соответствовала. Тут уж не только на-

чальство озадачилось и обозлилось, но и корешки стали отчуждаться — блатует парень без стыда и совести. Дударкин и сам не рад и чувствует себя в ирреальности, от которой с ума сходят: нет у него нигде никакого блата и никакой руки! Бах! Получает письмо, подписанное: «Золотая Рыбка». Заблудший старшина пишет из столицы, что, к сожалению, присвоить Коле капитана третьего ранга пока не может, так как это уже старший офицерский состав, а он, старшина, сидит в Москве писарем ВМС на младшем офицерском составе и вставить фамилию Дударкина в списки очередного представления пока невозможно, но не все потеряно; и когда его, старшину, переведут за хорошую службу на старший офицерский состав, то он обещает довести Дударкина до капитана первого ранга за оптимально минимальный срок.

Приказы главкома, как известно, не обсуждаются, исполняются беспрекословно, точно и в срок. И Дударкину подыскали должность, соответствующую званию.

— Отправили меня на «бессрочное исправление», как выразился кадровик,— сквозь беззвучный смех и посверливая меня неулыбчивыми стальными глазами, продолжал каплей рассказывать,— на плавбазу «Тютюнск» издания одна тысяча девятьсот пятого года, знаешь такую?

— Нет,— сказал я, ибо на Северном флоте такой плавбазы не было и нет. И, кроме того, я все никак не мог уловить: врет все это каплей или нет. Очень было правдоподобно, но и фантастично.

— Плохо, что не знаешь, лейтенант! Знаменитая база. Она простояла без движения восемь лет. И вот, с величайшими предосторожностями и бесконечными докладами о готовности к любому бою и походу, разрешили нам самостоятельное плавание — пять верст до девиационного полигона. И мы туда дошли! Правда, не обошлось без досадных мелочей. Так, например, у нас вдруг сама собой выпалила сорокапукалка, то есть, как понимаешь, сорокапятимиллиметровая зенитная пушка. Стрельнула она, когда какой-то разгильдяй начал возле нее прикуривать и чиркнул спичку, а боевой патрон в пушчонке, оказывается, оставался еще со времен Отечественной — забыли его тогда обратно вытащить. От удивления, что наша зачехленная уже восемь мирных лет сорокапукалка вдруг взяла да и выпалила по береговому посту СНИС, где вахтенные сигнальщики играли в «козла», мы, командиры, немного растерялись, и дальше плавбаза начала действовать самостоятельно. Врубила полный ход и понеслась с девиационного полигона в Баренцево море. Когда мы проносились мимо навигационного буя, командир Гришка Бубенец, наконец, пришел в себя и молодецки скомандовал, чтобы буй зацепить и стать на него, как на рейдовую якорную бочку. Плавбаза зацепила буй и потащила его за шею, как гуся с колхозного рынка. В этот момент из океанского плавания вернулся крейсер, на борту которого находился командир флота. Вот эта встреча нам была уже совершенно лишней. В результате я и еду с тобой на какие-то диковинные плавсредства в порт Н-ск.

Дальше рассказывать Коля не смог, так как впал в очередной припадок беззвучного хохота, показав тем самым, что не является настоящим юмористом. Ибо последние, как широко известно, никогда сами над смешным не смеются, а, как правило, плачут.

— У тебя жена есть? — поинтересовался я.

— А! Тебя небось первая любовь мучает и лирика типа:

Лейтенант молодой и красивый
Край родной на заре покидал.
Были волны спокойны в заливе.
И над морем луч солнца сиял...

Такая лирика меня мучила, но я не собирался в этом признаваться.

— Лирики впереди не будет. Только если на уровне: «Приди, приди, мой милый, с дубовой, пробивною силой!» А жена есть, люблю ее. Сыну четыре с половиной. Как-то заболел, подлец, и говорит мне: «Ты у нас балаболка!» — А потом: — Я устал от тебя жить!» Женился еще на третьем курсе. А после того как мы на «Тютюнске» чуть не гробанулись, супруга ужасно испугалась, что без алиментов останется. И теперь, кажется, меня тоже полюбила. Ученая, работает в почтовом ящике. После многолетних исследований они открыли воду в арбузе. Но, оказывается, вода бывает сорока разных видов. И Сталинскую премию им пока придержали. Сейчас супруга уточняет, какая именно вода в арбузе. А должность мою на отряде логгеров назовем для темности так: «Военный советник». Теперь, если тебе, лейтенант, про меня все ясно, давай спать.

Ранним дождливым утром мы высадились на безлюдной станции и зашлепали по н-ской грязи искать свои кораблики.

Стояли они тесной грудой в глухом уголке порта.

Шесть «СС», что расшифровывается «спасательные суда», но переделанные из рыбачков (переделка которых явно была не доведена до логического конца) и которых пригнали сюда с Балтики Беломорско-Балтийским каналом. Я пошел на номер 4138, а правнук дедушки Крылова — на номер 4139.

У трапа вахтенного не было. Я поднялся на палубу, прошел в надстройку и несколько раз крикнул: «Ау! Ау! Ау!».

Никто не откликнулся. Я поблагодарил бога за то, что знаю расположение судовых помещений, ибо именно подобный кораблик мы спасали полгода назад, и я нормально на нем тонул, вцепившись в бортовой отличительный огонь.

Дверь командирской каюты была заперта. Я постучал. В двери щелкнул замок, потом она распахнулась, и на пороге возник мужчина в нижнем белье с пистолетом «ТТ» в руке. Это оказался капитан-лейтенант Мерцалов, с которым мы были шапочно знакомы по совместной службе в отдельном дивизионе аварийно-спасательной службы.

Я доложил, что назначен на СС-4138 штурманом.

— Вам в предписании к кому приказано явиться? — спросил командир, пряча пистолет под подушку.

— К капитану первого ранга флагштурману Рабиновичу, товарищ командир!

— Вот к Рабиновичу и являйся, а потом стань на вахту к трапу, а то временные экипажи уехали, и я здесь один кукую. Какая-то сволочь уже пожарную лопату сперла.

Якова Борисовича Рабиновича, который в данный момент проживает в Ленинграде, руководит Обществом книголюбов, является владельцем лучшей в СССР личной морской библиотеки и всегда готов подтвердить каждое слово в этом рассказе, я нашел на флагманском СС-4132.

Никогда и нигде больше не встречал флотского офицера с такой шикарной адмиральской, макаровской, бородой. Нервно дернув себя за адмиральскую бороду, флагштурман спросил:

— Лейтенант, вы на своем корабле уже были?

— Так точно, был.

— Ну и, гм... как там Мерцалов? В полную сиську?

— Никак нет, товарищ капитан первого ранга! Как стеклышко! Только на борту нет ни одного матроса и потому одну пожарную лопату уже украли!

— Вы здесь плавали, лейтенант? — поинтересовался каперанг.

— Никак нет. Первый раз увижу Белое море и Онежский залив!

— Гм,— сказал Рабинович и задумался, посасывая клок своей адмиральской бороды.— Но на спасении рыболовного траулера «Пикша» в Кильдинской салме это вы были в должности штурмана?

— Так точно!

— Ну, я вас помню, помню еще на барже какой-то аварийной. Это могло быть?

— Так точно!

Рабинович решительно выплюнул кончик бороды и сказал:

— Отправляйтесь на свой корабль. И постарайтесь ничему из того, что с вами может в ближайшем будущем случиться, не удивляться. Можете идти!

В малюсенькой, с иллюминатором над самой водой, темной и сырой каютке штурмана на СС-4138 я, свято исполняя приказ-совет начальника АСС Блинова, сразу навел марафет и уют, повесив над столом вырванную из старого «Огонька» «Данаю» Рембрандта. Затем перешвырял в иллюминатор, в близкую воду, пустые лимонадные бутылки, оставшиеся от предыдущего хозяина каюты. Забортная вода была так близко, что бутылки и не плюхали.

Через час пришел Коля Дударкин и сквозь беззвучный смех сообщил, что я уже не штурман, а помощник командира СС-4138.

Я ему не поверил и пошел к Мерцалову. Тот прорычал, что это действительно факт, а не реклама.

Я взял портфель с бритвенным прибором, парой белья и зубной щеткой и перебрался в каюту помощника, которая была расположена выше и выглядела повеселее. Там, свято исполняя приказ-наказ Блинова, навел уют, повесив над койкой «Маху обнаженную» Гойи и перекидав за борт энное количество пустых бутылок из-под боржоми. Бутылки плюхали в мутную воду довольно гулко. Я добавил к ним целый ящик каких-то лекарств, которые оставались от бывшего хозяина, и задумался о том, что следует делать помощнику командира, если никакого экипажа на корабле нет.

Камбуз, естественно, тоже не работал, а жрать хотелось уже ужасно. Когда хочется жрать, лучший выход — спать. И я прилег на койку, любуясь на «Маху обнаженную».

Через часок опять пришел Дударкин-Крылов и под большим секретом сообщил, что поплывем мы вовсе не в Мурманск, а в Порт-Артур и вернемся к родным пенатам не раньше, нежели через пять-шесть месяцев, если вообще вернемся; есть слушок, что всех нас оставят служить на Дальнем Востоке. Пока я пытался осмыслить услышанное, Коля добавил, что пришел приказ о назначении меня уже старшим помощником командира СС-4138.

— Ты меня, подлец, начинаешь догонять: я до старпома год лез! — заметил Дударкин-Крылов.

И я понял, что, несмотря на смешки, говорит он и на сей раз правду.

И, свято исполняя приказ-наказ капитана 1-го ранга Блинова, перебрался в каюту старпома, где навел уют, повесив на переборке «Бой при Синопе» Айвазовского и выбросив в иллюминатор энное количество пустых бутылок из-под кефира. Звука от их падения в каюте старпома уже почти и не было слышно.

Коля оставил мне мемуары Витте, банку тресковой печени, пачку печенья и ушел. (По приказу ВМС № 58 от 30 июня 1949 года офицеры на Севере получали ежемесячно добпаек: 1200 граммов сливочного масла, 600 граммов печенья и 300 граммов рыбных консервов.)

Ночь я спал беспокойно.

Утром вызвал командир. Лик у Мерцалова тоже был утомленный. Командир сказал, что видел разные там Порт-Артуры и Дальние Востоки в гробу, что он не мальчишка, что у него трехстороннее воспаление легких, что он не такой дурак, как кое-кто в кадрах думает: что он выезжает в штаб флота, а пока есть приказ мне принять от него командование кораблем.

И я поставил автограф на следующем уникальном документе, копия которого сейчас перед моими глазами:

АКТ

«02 июля 1953 года.

порт Н-ск.

Нижеподписавшийся — командир СС-4138 капитан-лейтенант Мерцалов В. Н. по приказанию начка АСС СФ, капитана I ранга Блинова сдал корабль лейтенанту Конецкому В. В.

Техническое состояние корабля хорошее. С кораблем сдано все полностью имущество согласно ведомостей снабжения и приемочного акта от 14.06.1953 г. от перегонной команды, за исключением пожарной лопаты.

Шкиперское имущество, полученное в Ленинграде, на корабле полностью. Акт от 29.06.53 г. № 0155 с картами и книгами тоже сдан.

Сдал: кап. л-т Мерцалов.

Принял: л-т Конецкий».

Сочинял всю эту чушь я, а не Мерцалов, ибо по причине воспаления легких он был в таком состоянии, что и расписался-то с трудом.

Но вот не помню: упомянул ли я пожарную лопату со скрытым черным юмором или на полном серьезе? Кажется, без всякого юмора. Когда принимаешь на лейтенантские плечи траулер водоизмещением 318 тонн, длиной 38 метров, мощность двигателя 400 сил, средняя осадка 2,5 метра, ширина 5 метров, скорость на полном ходу 10,5 узла и когда ты до этого командовал лишь шестивесельными шлюпками, то юмор улетучивается.

Мерцалов тщательно спрятал во внутренний карман кителя акт с моим автографом и ушел на поезд.

Я перебрался в каюту командира, и, тщательно исполняя приказ-наказ... ничего я исполнять не стал. Командирская каюта и так была шикарная — шагов десять по диагонали, ковер! Полог на койке! Шторы из темно-вишневого панбархата! — логгер строили немцы в Ростоке, и наши голубчики еще не успели все растащить и испохабить, кое-что оставалось.

2

Вся наша икспедиция
Весь день бродила по лесу.
Искала икспедиция
Везде дорогу к полюсу.

Винни-Пух

На спасатель с полдороги был возвращен балтийский экипаж, который перегонял корабль в Н-ск. С одной стороны, это было мое счастье и спасение — офицеры, матросы, мотористы уже знали корабль. С другой стороны, эти люди были обозлены донельзя: вместо питерских и крон-

штадтских родных квартир им предстояло идти на Дальний Восток. К тому же все офицеры были старше меня, командира, по званию. Старпом был старшим лейтенантом, а механик — даже инженер-капитаном третьего ранга.

Вечером флагман великой армады капитан второго ранга Морянцев, мужчина меленький, но решительный, собрал комсостав на совещание.

Этакий своеобразный совет в Филях.

Морянцев объявил, что на подготовку к выходу в море нам дается десять часов. В 07.00 третьего июля мы снимаемся на Архангельск, где будет происходить дальнейшая подготовка к переходу через Арктику на ТОВ. Всякая связь с берегом прекращается. За употребление на корабле спиртных напитков — трибунал. Командиры кораблей сейчас же получат личное оружие. Никаких писем домой о нашем маршруте быть не должно.

На кителе Морянцева были колодки боевых орденов во вполне достаточном количестве.

Решительность командира — великолепная штука. Сразу сжались кулаки и челюсти — раз такое дело, пройдем и Арктику, и Тихий океан!

— Вам, лейтенант Конецкий, обеспечивающим назначаю капитан-лейтенанта Дударкина-Крылова. До Архангельска вы пойдете головными. Одновременно, по представлению капитана первого ранга Рабиновича, ваш корабль назначается настоящим аварийно-спасательным на время всего перехода на Дальний Восток.

Я получил тяжеленный «ТТ» с полной обоймой патронов, расписался за него, затянул пояс потуже и почувствовал себя Нельсоном перед Трафальгаром. Коля засунул пистолет в чемоданчик. И мы с ним вышли в белые сумерки н-ской ночи.

На причале поджидал флагштурман Рабинович.

— Гм, Виктор Викторович,— сказал Яков Борисович и зачем-то надел очки. Может быть, затем, чтобы я лучше видел его насмешливые глаза.— Какие у вас есть поручения в штаб а-эс-эс?

Я попросил ускорить высылку продовольственного и денежного аттестатов.

— Обязательно,— пообещал Яков Борисович, наматывая на указательный палец клок макаровской бороды.— Счастливого плавания, товарищи офицеры. В душе я вам завидую. И вашей молодости, и предстоящему вам делу.

Замечательный миг моей жизни. В душе, сердце и печенке все пело:

Лейтенант, не забудь, уходя в дальний путь,
По морям проплывая вперед...

Дударкин шагал рядом довольно угрюмо. Наконец, сказал:

— Слушай, ты, конечно, свершил карьеру, которая даже мне не снилась, но...

— И без всяких Золотых Рыбок, Коля! — не удержался я.

— Между нами, девочками, Витя, у этих корабликов обшивка толщиной с ноготь, а к арктическим льдам они имеют такое же отношение, как я к турецкому султану,— заметил Дударкин.

Какая мелочь! Я не испытывал никаких страхов, готов был схватить за шкирку Полярную звезду и перекинуть ее из Малой Медведицы в Южный Крест.

— Мне не нравится твое жеребячье настроение. Морянцев, конечно, боевой мужик, но неужели ты не понимаешь, зачем и почему он поставил тебя головным на переходе в Архангельск?

— Ну поставил и поставил.

Он объездил заморские страны,
Совершая свой дальний поход,
Переплыл все моря-океаны,
Видел пальмы и северный лед...

— Вся армада — балтийцы, а мы — североморцы. Только ты и я — североморцы. Балтфлот списал сюда тех, от кого желал избавиться. Они все обозлены перспективой службы на дэ-вэ-ка, потому что это нормальная ссылка.

— Ну и черт с ними!..

...И не раз он у женщин прелестных
Мог остаться навеки в плену,
Но шептал ему голос невесты...

— На наших лайбах допотопные механические лаги да паршивые магнитные компасы — и это все, Витенька. А здесь и летом такие туманы, что их ножом режь. Если мы — головные — обыкновенно и нормально подсядем на какую-нибудь баночку, то следующие за нами в кильватер бравые балтийцы на меляку уже не сядут. Товарищ Морянцев шлепнет якорь и будет смотреть интересное кино: как СС-4138 сидит на меляке и какие действия предпринимает во спасение... И вообще, понимаешь ли, кто толком не знает, в какую гавань плывет, для того нет попутного ветра. Эту сентенцию не я изрек. Это изрек Сенека. Когда я своими словами пересказал древнего философа Морянцеву, он так обозлился, что откусил мне пуговицу на мундире. Учись, молодой и красивый лейтенант, в некоторых случаях любить ближнего только пока он далеко...

Конечно, все это не дословно, но холодок ледяного душа, пролившегося тогда на мою восторженную душу, и сейчас ощущаю.

Есть азбучная истина: пока ты какой-то там помощник командира, собственный корабль кажется тебе маленьким, прямо-таки ничтожно маленьким по сравнению с разными там лайнерами или танкерами, и ты за него — малютку — стесняешься. Но как только вознесло на мостик в роли командира, так сразу замухрышка роковым образом начинает увеличиваться в размерах. И у тебя руки дрожат со страху, и ты абсолютно не можешь понять, как это раньше твой гигант умещался у развалюхи-причальчика?

Мне было двадцать четыре года и двадцать восемь дней, когда я поднялся в рубку СС-4138 и кораблик под моими ногами стремительно начал удлиняться и расширяться—точь-в-точь дирижабль, который надувают газом на стапеле. Но, к сожалению, взлететь кораблик никуда не мог — он был рожден плавать, а не летать.

В глазах у меня десятерилось, и — ужас какой! — я осип. Надо: «Отдать кормовые!», а я хриплю: «О-о-о!.. Ые!»

— Эй, пираты! — заорал правнук кухарки дедушки Крылова.— Слушайте сюда! Отходим на носовом шпринге! Отдать кормовые! А вы, товарищ командир, будьте любезны, если вас, конечно, не затруднит, пихните, когда доложат, что корма чиста, вот эту штучку на самый малый вперед. Штучка, кстати говоря, рукояткой машинного телеграфа называется — это-то вы еще не позабыли?.. Право на борт! Товарищ командир: если вас не затруднит, поставьте ручечку обратно на стоп, а теперь чуток назад ее пихните! Так! Очень хорошо, ребята! Отдать носовой! Товарищ командир! Разрешите доложить, что мы на данный момент куда-то поехали, но не забывайте, пожалуйста, что мы пока задним ходом едем!.. Стоп! Стоп машина! Малый вперед! Цель в дырку из бухточки!

И мы поплыли.

Никаких вам гирокомпасов, радиопеленгаторов, радаров. Никаких прогнозов погоды на факсимильных картах. Ну, и кроме Луны, тогда у Земли еще не было никаких других навигационных спутников.

Только мы вышли в залив, как флагман Морянцев вызвал меня по УКВ и сообщил, что у них на борту лишний матрос и матрос этот принадлежит мне, и потому надо всем лечь в дрейф, а я должен подойти к нему, Морянцеву, и забрать этого чертового матроса к едреной фене. Фамилия матроса была Мухуддинов. Он был знатный чабан где-то в альпийских лугах, имел орден Красного Знамени за трудовую доблесть и смертельно рассорился с боцманом Чувилиным В. Д., который недвусмысленно пообещал спихнуть знаменитого чабана за борт, как только мы окажемся на достаточно глубоком месте. Такая перспектива Мухуддинова не устраивала, и он с моего судна удрал на флагманский.

Естественно, Морянцев еще поинтересовался тем, как, почему и каким образом я умудрился не проверить перед выходом в море наличие на борту экипажа.

— Давай, Витя, швартуйся к нему сам,— сказал Коля.— Начинай привыкать.

Итак, первая в жизни швартовка. И не к причалу, а к другому кораблю на открытой воде. Правда, штиль был мертвый, но все равно другой корабль — это вам не твердый неподвижный причал. И я крепко поцеловал Морянцева левой скулой в правую.

Без тебя, Витька, я умру, а с тобой тем более! — одобрил маневр Коля, покатываясь в очередном приступе беззвучного смеха.

Знаменитого чабана перекинули к нам на борт, и я довольно удачно отскочил от Морянцева полным задним.

Белая ночь — будь она трижды неладна! В белые ночи маяки не горят и опознать их по световым характеристикам: проблесковый, группо-проблесковый и так далее — нет возможности. Надо маяки знать визуально или сравнивать натуру с рисунком лоции, а ракурс лоцманских изображений вечно не тот...

О! Сколько пота я стряхнул со лба в эти белые волны! И как занятно сейчас — пожилому и умудренному — рассматривать «Записную книжку штурмана» тех времен, которую я вел, согласно правилам штурманской службы, но не совсем по правилам.

На первом развороте:

«Строй кильватера, дистанция между кораблями 2 кабельтова».

«Обязательно прочитать «Огни» Чехова, 1888 г.».

«Вечер перистых облаков и усиление зыби указывают на приближение шторма».

«В Тихом океане странная медно-красная окраска неба после заката и увеличивающаяся продолжительность сумерек — признак урагана».

«У Жижгинского маяка могут встретиться плоты в большом количестве — обязательно выставить впередсмотрящего».

«Рандеву, если все растеряются в тумане,— Куйский рейд».

На следующей странице, сразу после строгих «ПРАВИЛ ВЕДЕНИЯ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ШТУРМАНА», где указано: «З. К. Ш. является официальным служебным документом, по которому можно в любой момент проверить, откуда получены данные, послужившие для тех или иных расчетов»,— следует такая моя официальная запись: «Лицо — серое, как истрепанная обложка книги. В конце рассказа он напьется».

Дальше идут уже серьезные расчеты.

До Архангельска доплыли нормально и ошвартовались в Соломбале.

«Соломбала, 15.07.1953 г. Здорово, дорогие ребятки! Я все-таки гремлю в направлении Камчатки. Ледовые прогнозы хорошие. Вообще настроение бодрое, но отсутствие шинели и кальсон немного угнетает мой флотский дух.

Сейчас принимаем на пароход годовые запасы продуктов и пр. Бедлам грандиозный.

Что умоляю сделать? В мой майдан уложить вещи, перечисленные на обороте. Майдан зачехлить, отвезти на вокзал и сдать проводнице какого-нибудь поезда, который идет из Мурманска в Архангельск. Проводнице объяснить, что по прибытии ее встречу и она получит семьдесят пять рублей за перевозку чемодана и шинели. Фамилию и номер проводницы записать — для устрашения.

Ребятки, сделайте это в день получения письма!! Иначе мне хана.

Перечень шмуток: логарифмическая линейка (в центральном ящике каютного стола), справочники штурмана малого плавания, стаканчик для бритья, «Этюды по западному искусству» Алпатова и свисток (обязательно!). Он висит на иллюминаторе за занавеской. Все остальное барахло, особенно: кортик, облигации, оружейная карточка, книги — уложите в ящике над моей койкой и закройте на ключ. Пакет с тетрадями и письмами заверните получше и тоже уберите куда-нибудь подальше от глаз начальства.

Сообщите, пожалуйста, за кем числятся мои альпаковые штаны, канадка и сапоги. Не помню, за кораблем они или за мной? Свитер, который входит в этот спасательный комплект, будет возвращен, если я сам когда-нибудь вернусь.

Привет командиру, всем нашим матросикам. Спасайте меня,— жду телеграмму о высылке вещей. Виктор».

«Уважаемая Любовь Дмитриевна! Здравствуйте! Насчет Вашего сына могу сообщить, что в июле он находился в Архангельске. Дальнейшее пребывание его пока неизвестно. Куда, зачем, на чем он пойдет, тоже неизвестно. Если что узнаю, обязательно сообщу. Вы не беспокойтесь, все будет хорошо и в конце 1953 года он будет у вас дома. ВРИО командир в/ч ст. л-т Басаргин».

Не думаю, чтобы это письмо сильно вдохновило мать и улучшило ее настроение, ибо как раз в те времена выяснилось, что комната, в которой я проживал в Ленинграде, оказывается, нам не принадлежит и ее изымают, ибо с апреля 1942 года (момента эвакуации из блокадного Ленинграда) я нигде никогда не был прописан.

15 июля 1953 г. Порт Архангельск

АКТ

Сего числа нами: капитаном-наставником Арктического пароходства капитаном Северного Мор. Пути 2 ранга Панфиловым, штурманом экспедиции капитаном 3 класса Мироновым, начальником военно-морской Инспекции капитаном 3 ранга Терезниковым произведен осмотр кораблей отряда на предмет их перехода в Арктику.

Комиссия считает необходимым произвести следующие работы для обеспечения перехода: 1). На всех кораблях изготовить и завести носовые браги из стального троса. 2). На аварийно-спасательном судне № 4138 (мое!!!) иметь стальной буксирный трос длиною 250—300 метров, заведенный через траловые роульсы на лебедку. 3). Произвести корпусные работы по заварке иллюминаторов ниже главной палубы...»

Старомодность ощущаете? Давным-давно уже нет никаких «капитанов Сев. мор. пути 2 ранга», нет и «капитанов 3 класса».

Арктика только осталась прежней.

И вот я крутился среди браг, буксирных тросов и сварщиков, ибо командовал аварийно-спасательным кораблем! И гордыня распирала меня, и я своротил горы. Игра стоила свеч!

Горы я своротил до 28 июля — черный день, в который на корабль прибыл капитан 3-го ранга Кравец с приказанием мне сдать, а ему принять СС-4138. Таким образом, я сваливался обратно в замухристые штурмана. (Кравца выкопали аж на Черноморском флоте. Это был унылый тип с душой из растопыренных пальцев и солидным брюшком. И с этим типом мне пришлось идти первый раз в жизни в Арктику.)

В тот же черный день убывал из отряда капитан-лейтенант Дударкин-Крылов Н. Д. Он летел в Порт-Артур для подготовки там нашей встречи.

Два удара одновременно — какое зияющее сиротство!

На прощание он подарил мне книжку Витте, и мы обнялись за штабелем соломбальских досок, и я сказал Коле, что полюбил его как брата.

— А я тебя обожаю, как ласточку, улетающую осенью! — заверил меня правнук кухарки дедушки Крылова.

В Порт-Артур мы не дошли — сдали корабль во Владивостоке.

Последующие два года меня так швыряло на пространствах от Дальнего Востока до Северного

моря и от Северного моря до Петропавловска-Камчатского, что книжку Витте я, конечно, потерял. Однако фантастические секретные рапорты на мое имя Коли Дударкина сохранились.

Сов. секретно
Бывшему командиру СС-4138
лейтенанту Конецкому В. В.
Капитан-лейтенанта Дударкина Н. Д.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Настоящим доношу до Вашего сведения, что секундомер 1931 года выпуска № 11522475 бис 4 потерял способность использоваться по назначению.

28 июля 1953 года стоявшим на вахте мною, капитан-лейтенантом Дударкиным, было совершено действие, повлекшее к непреднамеренной утрате секундомера № 11522475 бис 4. Дата последней проверки — май 1936 года. Суточный ход секундомера — в соответствии с амплитудой килевой качки.

В 14 часов 00 минут местного времени я навел цейсовский бинокль на стоявших на причале в порту Архангельск женщин приблизительно 1940 года рождения. Одна была ничего, но, показывая в сторону нашего корабля тупым предметом, нецензурно смеялась. Возмущенный таким ее поведением и длительным разглядыванием, уже будучи на боевой службе в море в течение четырех дней, я совершил резкое движение вместе с биноклем, которое и привело к выпадению из кительного кармана измерительного прибора, который упал за борт, но в двух метрах от воды остановился, так как был мною привязан к шнурку, что согласовано с приказом начальника ГО СССР.

Между прочим, бинокль тоже упал за борт и утонул, но, поскольку он за кораблем не числится, списанию не подлежит. Попытка же извлечь секундомер за веревочку из-за борта не удалась, так как за него ухватился прыгнувший за биноклем матрос Курва Ф. Ф. и неумышленно оборвал его. Это привело к еще большему наклону моего тела, и из него (из кителя) в воду выпало:

1) Грузовиков для карт — 08 штук.
2) Транспортиров — 02 штуки.
3) Звездный глобус.

Все это имущество я держал при себе, так как в сумку вахтенного офицера оно уже не влезало.

Спасая матроса Курву Ф. Ф., за борт пытался броситься боцман, старшина I статьи Чувилин В. Д. и при этом сбил проходившего мимо с пробой обеда матроса Мухуддинова. С подноса Мухуддинова за борт упало:

1) Чайный сервиз.
2) Вина тарного — 14 бутылок.
3) Столовая мелочь — 8 наименований.

Вся команда, сгрудившись на борту, создала опасный крен, что отрицательно повлияло на запасную мотопомпу. Мотопомпа сломала бак с десятью килограммами спирта-ректификата. От спирта, попавшего в ЗИП, вышли из строя:

1) Молотки разные — 25 штук.
2) Кусачки-бородавки — 08 штук.

Часы морские «в металлическом корпусе» упали на морские карты, и все это высыпалось на карту и далее в ватервейс.

Судьба всех предметов аналогична судьбе секундомера.

Для спасения матроса Курвы Ф. Ф. за борт было выброшено несколько брезентовых рубах. Плавая на этом номенклатурном гидрографическом имуществе — ввиду отсутствия спасательного круга,— матрос Курва Ф. Ф. свою фамилию полностью оправдал и все вещи утопил.

На основании изложенного прошу вышеуказанное имущество списать за государственный счет с лицевого счета нашей в/ч, а на виновных наложить различные взыскания, особенно на Курву Ф. Ф... Счастливого плавания, Витя!»

Вероятно, за всю свою жизнь Чехов пошутил неудачно единожды. Послал издателю Марксу телеграмму с обещанием прожить не более восьмидесяти лет, а по договору гонорар за новые произведения Чехова постоянно возрастал и через сорок лет должен был составить около 2000 рублей за лист. Посчитав, что при благоприятных условиях писатель может строчить 30—50 листов в год, и помножив 2000 на 50, Маркс откинул лапти в глубоком обмороке. Впоследствии выяснилось, что шок Маркса проистекал из чьих-то нашептываний, будто в обычае русских писателей под конец своей деятельности сходить с ума и выпускать «переписку с друзьями» или переделывать евангелие в таком роде, что цензура может запретить не только поданное произведение, но и самого подавателя.

Если бы не тот факт, что «переписку» издал Гоголь, баловался с евангелием Толстой, а так опасно пошутил Чехов, то я бы все это дело отнес до себя и стал опасаться за здоровье директора издательства, ибо собираюсь рано или поздно напечатать даже свою переписку с правительством.

Переписывался я с Председателем Совета Министров СССР.

Дело шло о желании демобилизоваться из рядов Военно-Морских Сил. К 1955 году я твердо решил, что никаких войн в ближайшее столетие не ожидается, а тянуть военную лямку под безоблачным, мирным небом—занятие бессмысленное.

И Председатель Совета Министров СССР пошел мне навстречу — приказом министра обороны СССР я был уволен в запас ВМС.

Из этого следует, что уже в возрасте неполных двадцати шести лет я ушел глаголом прожигать сердца очень даже высокопоставленных читателей.

Окончание следует.

ЖЕЛЕЗНЫХ УЗОРОВ ПЛЕТЕНЬЕ

Леонид ШИШКИН.

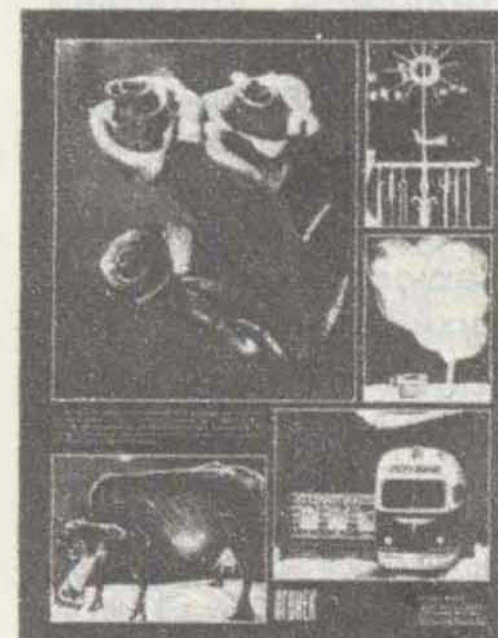

Фото автора.

«Надоело это нытье: вот раньше делали, вот раньше было... Да, было раньше, такие проявления духа, мастерства, умения, перед которыми я на колени встану. Ну, а что же мы-то?

Меня всегда восхищало, мучило: как это раньше умели, как они оковывали лошадей, повозки, кошевки всякие?.. Теперь это меня меньше мучает, потому что я сам это все делаю. Просто сам делаю и понимаю, что я такой же, как они. Это такое счастье...»

Александр Лысяков живет на Урале, в Свердловске. Он кузнец. Занимается художественной ковкой. На четвертой странице обложки можно видеть выкованные им розы. Как удивительно красивы они, еще не остывшие, только что вынутые из горна,— вершина кузнечного мастерства! А рядом репродукции с его картин. Они интересны, самобытны. Искренность и простодушие сочетаются в них с большим вкусом. Для журналиста такой материал — находка. Наковальня и мольберт, кувалда и кисть — удивительное сочетание. Так и просится сам собой заголовок: «Картины кузнеца». Но вот незадача, он картин не пишет с тех самых пор, как построил кузницу и стал кузнецом.

Начинал он фотокорреспондентом молодежной газеты. Его снимки печатались в центральных изданиях, получали призы на международных конкурсах. Но однажды на областной художественной выставке — это было в 1975 году — появилась его картина. Он делал репортаж о молодых живописцах, и встреча с ними так подействовала на него, что он взял и с ходу написал картину, которая сразу была замечена и зрителями, и критикой. После этого его фотолаборатория в подвале стала постепенно превращаться в мастерскую художника, заполняясь холстами, картонами, кистями, тюбиками с краской. Писал он много, неистово, ушел в конце концов из редакции. Печатался в газете все реже, зато живописных работ становилось все больше. Однако на выставках они больше не появлялись — слишком уж не вписывались в привычный зрительный ряд официальных вернисажей тех лет.

Работы его нравились многим и во множестве раздаривались друзьям и знакомым. В уютную тесноту и загроможденность подвала, где вкусно пахло деревом и масляными красками, они любили приходить, разглядывать новые работы, вести долгие беседы.

В его картинах часто повторялся сюжет с рыбой. Этот мотив появился в первой же работе. Представьте: посреди луга с диковинными цветами, огромными бабочками, какие бывают только в детстве, по пояс в траве стоит желтоволосый мальчик с травинкой в губах. Стоит, словно завороженный, взгляд обращен во что-то неведомое, к плечу склонился подсолнух, а чуть поодаль плывет над лугом большая, с печально-задумчивым взглядом рыба. Картина будила в памяти что-то забытое из детства и одновременно тревожила, вызывала беспокойство.

В последующих работах эта странноватая рыба все больше теряла конкретные черты, как бы наполняясь неким символическим смыслом. Каким же? По словам Лысякова, эта рыба была для него образом того молчаливого, неизъяснимого, что есть в каждом из нас. У древних рыба — символ души, а еще знак воды, а вода считалась матерью всего живого...

Прошло семь лет после той первой выставки. От фотографии он совсем отошел. Стал своего рода «неформальной» городской достопримечательностью. Он хорошо делал то, чем занимался,— писал картины. Но у него не было прочного места в жизни. Не было, наконец, заработка, но была семья, две дочки. И он понимал, что тот единственный способ самовыражения, который бы дал ему окончательно почувствовать себя человеком на своем месте, им еще не найден. Нужен был еще какой-то один шаг. Вскоре я услышал, что он пошел в кузнецы. Почему?

«Я и сам не очень хорошо понимаю, это происходит где-то глубоко внутри. Я люблю топор, дерево, все кованое, вообще все, сделанное руками. Мне нравится огонь, очищающее действие огня. Хотелось своими руками почувствовать силу металла, его напряжение. А еще была уверенность в том, что эта из железа кованная красота должна вернуться в нашу жизнь».

Все, кто строил лысяковскую кузницу, не могут вспоминать это событие без улыбки и некоторого недоумения: самовольно возвели кузню за два дня в центре города из ничего...

Ходил накануне по друзьям и знакомым Лысяков и говорил:

— Приходи завтра кузницу строить.

— Какую кузницу?

— Ну, ты что, не понимаешь? Кузницу. Надо тебе штихеля, молотки какие или еще чего, я тебе сделаю. Еще медаль памятную выкую, если будешь работать.

Полушутя-полусерьезно, но собрались человек пятнадцать. Рядом с мастерскими Художественного фонда ломали старый дом. Там Лысяков заготовил заранее половинки, четвертушки кирпичей. Купил цемента, песку. От Лысякова шла такая энергия, такая сила, что никакие препятствия остановить его уже не могли. Горн трудно и на машине привезти, он его на руках принес.

«Так гудел, думал, что взорвусь. В голове одна мысль была — разожгу горн, нагрею металл, раз стукну и скажу: все. Теперь отнимайте, ломайте — я знаю, что могу сделать то, что я задумал. Очень хотелось во что бы то ни стало довести дело до конца. Не из-за себя только. Ведь у всех забот полно. А тут ребята побросали свои дела, лица стали открытыми, атмосфера веселая, радостная, никто не верил, а мы построили. И вот надо первый раз горн зажечь, а ни у кого спичек нет. Вышел на улицу, смотрю, идут два парня. Говорю: «Дайте, пожалуйста, спичек». Один отвечает: «Не курю». Ну, думаю, и второй. А он: «Сейчас дам». Я пошел, зажег, горн загорелся, и я стал отмякать».

Лысяков никогда не строил и точно не знал, как делается кузница, но сила наития была так велика, что он все сделал правильно. Оборудование добывал с миру по нитке. Из оставшихся своих картин аукцион устроил, отдавал почти задаром.

— А разве никакая организация не могла вас взять под свою опеку?

— Мы же не могли куда-то прийти, сказать: «Вот я бывший фотокорреспондент, а Володя — инженер-энергетик, и мы хотим быть кузнецами».

Владимир Виткин — его подручный и напарник. В кузнице без третьей руки не разогреешь, не раскатаешь, не отрубишь — можно только вдвоем. Виткин жил устроенной жизнью, была хорошая работа, да, видно, и в самом деле огонь в горне имеет притягательную силу — пришел как-то помочь Лысякову, да так и остался в кузнице.

А в организацию они все-таки потом сами пришли, когда уже кое-что научились делать. Явились в местное отделение экспериментально-производственного объединения «Росмонументискусство» к начальнику Ю. В. Борисову.

«Мы кузнецы,— говорим,— у нас есть небольшая кузенка, хотим у вас работать». А он: «Буду рад и счастлив».

А вскоре и новое помещение дали, райисполком помог, со всех сторон поддержка: поняли, видно, что городу такие чудики нужны.

Урал всегда славился своими мастерами по камню и металлу. Но вот стали архитекторы возводить стандартные коробки, и надобность в кузнецах отпала, кузнечное дело стало умирать. Потом спохватились. Оказывается, это красиво — балконные решетки, ограды, жалюзи, фонари, окованные двери,— да выполнить работу уже некому. Нет мастеров.

Заказы им посыпались сразу. Сделали балкон для строившегося художественного музея, частью которого стало здание бывшей Екатеринбургской гранильной фабрики. Подоспел большой заказ для Оренбургского музея изобразительных искусств. Туда изготовили люстры, бра, рамы под зеркала, камин и его принадлежности — все это станет частью экспозиции.

Работают они точно по старой технологии: нет механического молота, нет сварки — все вручную. Может, чуть-чуть медленно, излишне дотошно, но это гарантирует качество, а значит, по их мнению, и перспективу. Работы много, архитекторы придумывают оформление зданий, интерьеров, рассчитывая на их возможности. По-хорошему в Свердловске, считает Лысяков, надо кузнецов двенадцать — пятнадцать, быть может, большую кузницу с учениками...

Вот поди ж ты: огромный рабочий город, всевозможные металлообрабатывающие заводы, прессы и молоты в сотни тонн, а нужна небольшая кузница, где человеческими руками сплетается железо в узоры, радующие глаз...

РОМАНТИКИ С БЕРЕГОВ РЕЙНА

Эдуард Юлий Фридрих БЕНДЕМАН. 1811—1889.
ДВЕ ДЕВУШКИ. 1833.

Иван ПОДШИВАЛОВ

В начале этого года в Москве в залах Государственной картинной галереи прошла выставка художников так называемой Дюссельдорфской школы. На ней было представлено сто девять работ пятидесяти двух художников. Основная часть экспонированных картин находится в собрании Дюссельдорфского музея искусств. Картины также предоставили семь музеев земли Северный Рейн — Вестфалия и владельцы частных собраний из ФРГ.

Наши знания о художественной жизни Германии XIX века довольно скудны и неизмеримо уступают осведомленности об искусстве того же времени других европейских стран, скажем, Франции. Поэтому выставка «Художники Дюссельдорфской школы» представила значительный интерес для искусствоведов и знатоков живописи.

XIX век. В это время живут выдающиеся философы, поэты, композиторы — Гете, Гейне, Бетховен, Вагнер, Шопенгауэр, Шеллинг, Фихте — величайшие деятели мировой культуры, составляющие гордость немецкой нации. Несмотря на то, что изобразительное искусство в Германии не поднялось в то время до таких же высот, Дюссельдорфская школа живописи была одной из самых влиятельных в Европе.

Основание художественной школы как таковой связывают с реорганизацией Дюссельдорфской императорской академии художеств, начавшейся в 1819 году, когда ее директором стал Петер Корнелиус (1783—1867), мастер фресковой живописи, который занимался весьма плодотворной педагогической деятельностью. Однако основателем школы стал Фридрих Вильгельм фон Шадов (1788—1862), назначенный директором Академии в 1826 году и остававшийся на этом посту на протяжении тридцати трех лет. Вместе со своими учениками — художниками Хильдебрандтом, Хюбнером, Лессингом и Зоном — фон Шадов решил создать в Германии национальную школу живописи. Это была довольно непростая задача, поскольку во всем западноевропейском искусстве господствовало преклонение перед итальянской школой.

Теоретически сформулированной целью живописцев — фон Шадов был не только художником, но и писателем-теоретиком — было смиренное, отрицавшее чисто художественные эффекты воплощение избранного сюжета. В период своего зарождения объединение художников, впоследствии ставших «столпами» Дюссельдорфской школы, носило название «назарейцы», или романтики. Стремление к романтизму вообще характерно для второй четверти XIX века, когда увлекаются средневековьем, пишут рыцарские баллады и драмы (вспомним Вальтера Скотта, его знаменитые романы были написаны как раз в это время), художники обращаются к христианским легендам. В картинах назарейцев — трогательно рассказанные истории Ветхого и Нового заветов, причудливые мистические переживания, аллегории, духовные и рыцарские легенды. Главенствует сюжет, никаких живописных эффектов.

Примерно в то же время фон Шадов и его ученики возрождают совершенно забытое к началу XIX века в Германии искусство фрески. Известны восемь фресок из жизни Карла Великого, исполненные Альфредом Ретелем (1816—1859) в императорском зале в Аахене. Эти росписи отличаются грандиозностью замысла и силой исполнения, столь свойственными эпико-героическому германскому духу тех времен.

Поставив своей целью создание национальной школы, немецкие художники тем не менее никогда окончательно не порывали связей с итальянским искусством. Особенно они почитали выдающихся мастеров Проторенессанса и Высокого Возрождения, творчество которых и поныне является для художников образцом. Это своеобразное единство Италии и Германии выразил в своей картине-аллегории «Две девушки» живописец Э. Бендеман.

Дальнейший путь развития Дюссельдорфской художественной школы довольно сложен. Периоду ее расцвета соответствует апофеоз в Германии стиля «бидермайер», господствующего вплоть до буржуазно-демократических революций 1848 года и сохранившего влияние и после них. Собственно, «бидермайер» нельзя назвать стилем, это было лишь проявление в какой-то мере обывательского вкуса. Но так или иначе художники Дюс-

сельдорфской школы испытали ощутимое влияние «бидермайера», из-за чего впоследствии их творчество пытались определить как «упадочное» и даже «реакционное». Идиллические сцены из бюргерской и крестьянской жизни, сентиментальные сюжеты присутствовали в картинах Л. Кнауса, Б. Вотье...

Однако главная особенность Дюссельдорфской школы заключается не в этом. Мир, в понимании художников, утратил высшую целесообразность, в их картинах присутствует ощущение бесцельного трагизма бытия в бесконечной повторяемости поколений. Такова была философская концепция последователей фон Шадова. Видимо, в немалой степени на ее формирование повлияли пессимистические идеи Артура Шопенгауэра, высказанные им в середине XIX века и широко распространенные среди деятелей искусств как в то время, так и впоследствии. Технически эти идеи «закладывались» в картину при помощи особого сценического построения пространства, расчетливо выбранного ракурса, сюжета: любили изображать суровую и неприступную природу — надвигающуюся грозу, подавляющие величием горы, глухой темный лес.

На пейзаже, хоть он и являлся доминирующим жанром, не замыкались интересы немецких романтиков. Они охотно и много писали портреты, на которых изображался человек вне сословий, человек одухотворенный, активно проникающий в жизнь. В своих натюрмортах художники использовали традиции великих голландских мастеров XVI—XVIII веков. Приверженец Дюссельдорфской школы Карл Фридрих Лессинг (1808—1880) писал исторические картины—«Лютер, сжигающий папскую буллу», «Крестоносцы», «Пленение папы Пашалиса II».

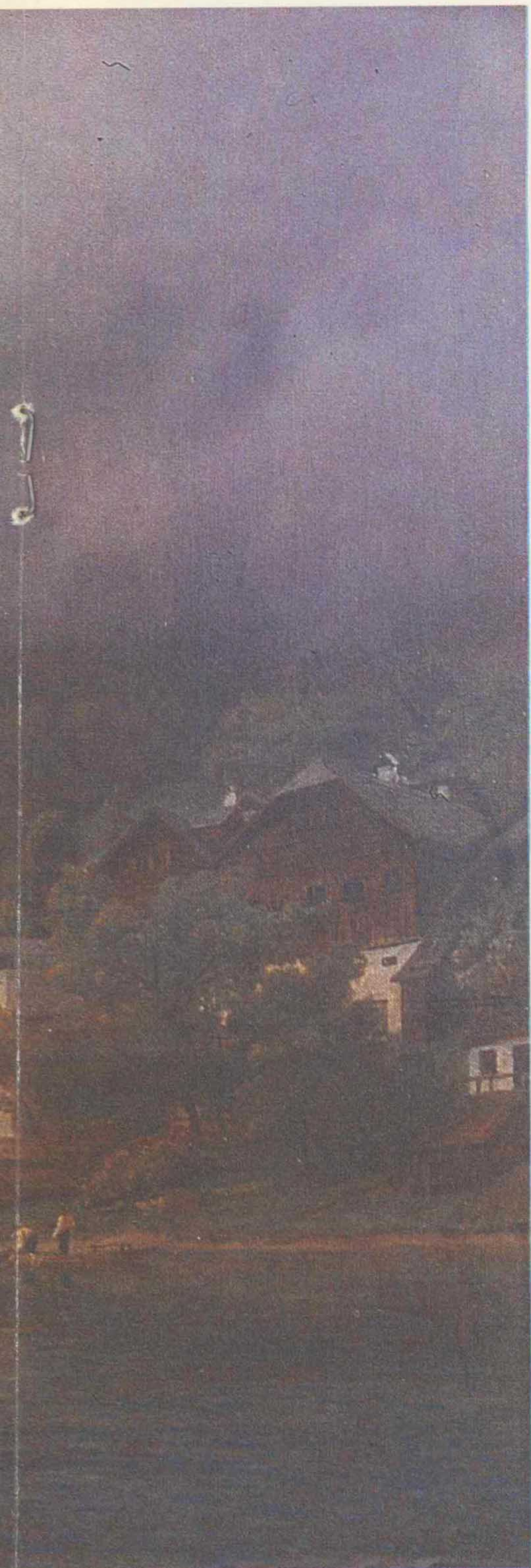
Буржуазная революция, охватившая в середине века всю Европу, приходит и в Германию. В мае 1849 года в Дюссельдорфе рабочие строят баррикады, требуют создания республики... Именно тогда художник И. П. Хазенклевер пишет картину «Рабочие перед членами магистрата». Другой живописец, К. В. Хюбнер, также создает полотна, в которых предпринимает попытку социального анализа,— «Силезские ткачи», «Немецкие переселенцы». Но после подавления революции социально-критическая тема в работах мастеров Дюссельдорфской школы больше не появлялась. Романтики остаются романтиками до конца XIX века.

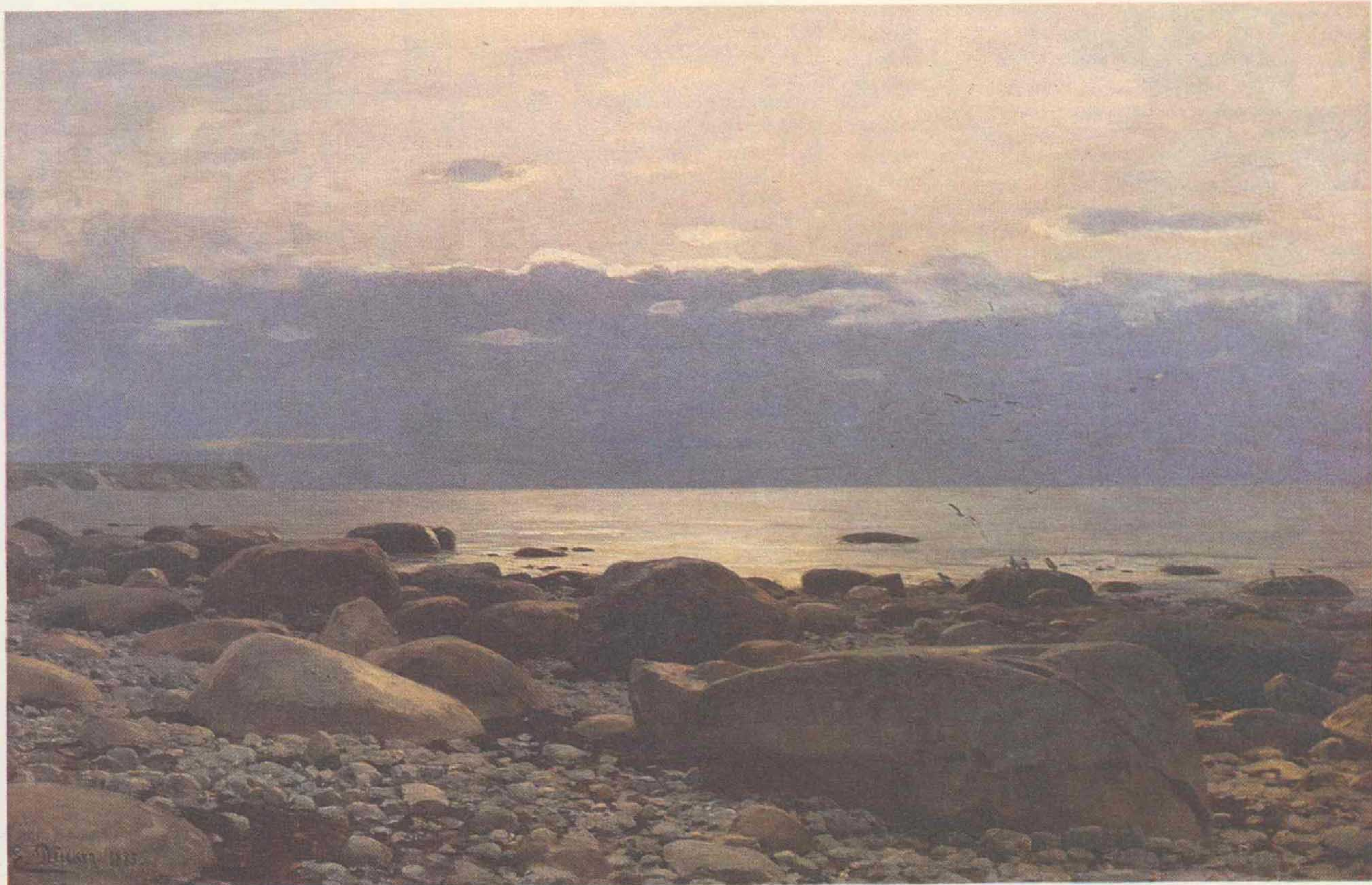
Настроения немецкой литературы того времени, тоска по прекрасному и неосуществимому идеалу были близки немецким художникам. Еще в самом начале века Петер Корнелиус создал двенадцать рисунков к «Фаусту» Гете. Сам поэт отзывался об этих графических листах не особенно одобрительно, но благодаря иллюстрациям Корнелиус приобрел известность. Вслед за ним многие из дюссельдорфцев обращаются к литературным произведениям. Среди особенно любимых авторов — Гофман, Гельдерлин, Гейне, гейдельбергские романтики, Сервантес, Шекспир, Торквато Тассо...

Большую роль в общественной жизни Германии в начале прошлого века играл театр, которому также отдали дань мастера, вышедшие из стен Дюссельдорфской академии художеств.

Как мы видим, круг интересов необычайно плодовитых последователей фон Шадова широк, он охватывает все мыслимые сферы приложения художественной деятельности. Постепенно школа завоевывает всеевропейское признание. Уже в 1827 году в Берлине открывается выставка, на которой художники Северного Рейна выставляют свои работы с колоссальным успехом. Интерес берлинской молодежи неподделен — популярность завоевана почти мгновенно. Вскоре известность школы романтиков и мыслителей становится международной. Сюда приезжают учиться из стран Скандинавии, из Прибалтики, именно здесь зарождается «поэтический реализм» — австрийская живопись второй половины XIX века, начавшаяся с германского «бидермайера».

Помимо эстетических воззрений, в Дюссельдорфской академии блестяще велось преподавание рисунка и живописи. В Петербургской Академии художеств весьма ценили это и регулярно направляли туда своих стипендиатов для усовершенствования в живописи. В 1864 году в Дюссельдорф приезжает Иван Иванович Шишкин. Он нанимает мастерскую и много работает. Занятия Шишкина настолько успешны, что в 1865 году за картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» он получает звание академика. Вслед за Шишкиным в Германию едут учиться многие русские художники, кажется, что сама атмосфера там способствует искусствам. Живописец и рисовальщик Н. Д. Дмитриев-Оренбургский пишет из Дюссельдорфа в 1872 году: «Право, ка-

Ганс Фредерик ГУДЕ.
1825—1903.
УХОДЯЩАЯ ГРОЗА
НА ХАЛЬШТЕТСКОМ ОЗЕРЕ.
1871.

Эжен Густав ДЮККЕР.
1841—1916.
БЕРЕГ МОРЯ. 1885.

Йоханн Вильгельм ПРЕЙЕР.
1803—1889.
НАТЮРМОРТ С БОКАЛОМ,
ФРУКТАМИ И БИСКВИТОМ.
1836.

жется, в Дюссельдорфе нет ни одной комнаты, ни единого ресторана, ни одной пивной, где бы не красовались в золоченых рамах уважаемые здешней публикой труды нашего брата художника; так что о покровительстве искусства нет и речи; дело идет само собой».

Картины художников охотно покупаются, несмотря на довольно высокие цены, и местными меценатами, и заезжими путешественниками. Одним из первых русских собирателей немецкой живописи того времени был поэт Василий Андреевич Жуковский, ставший коллекционером по совету своего тестя, известного немецкого живописца Рейтерна, хорошо знавшего искусство Германии и дружившего со многими художниками. Вслед за Жуковским многие русские коллекционеры с удовольствием стали приобретать полотна с изображением лесов, горных кряжей, евангельских сюжетов и сцен из народной жизни. Многие из тех покупок теперь хранятся в советских музеях.

Последняя четверть XIX века принесла мировой культуре расцвет импрессионизма во Франции. Художественная жизнь бурлила в Париже. Дюссельдорфская же школа, лишенная какого бы то ни было влияния со стороны других европейских школ, практически не двигалась вперед, не развивалась. Многие из тех, кто учился, а затем преподавал в Дюссельдорфской академии художеств в период ее расцвета, закончили свой творческий и жизненный путь в начале двадцатого века, когда во Франции уже буйствовал кубизм, а в России формировались художники русского авангарда, потрясшие впоследствии мир своей дерзостью... Романтики с берегов Северного Рейна тихо канули в небытие. Остались их картины. Осталась страница в истории мирового искусства.

Йоханн Адольф ЛАЗИНСКИ.
ЭРКЕР СТАРОЙ РАТУШИ
В КОБЛЕНЦЕ. 1830.

Освальд АХЕНБАХ.
1827—1905.
КАПРИ. 1880.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

(1897—1962)

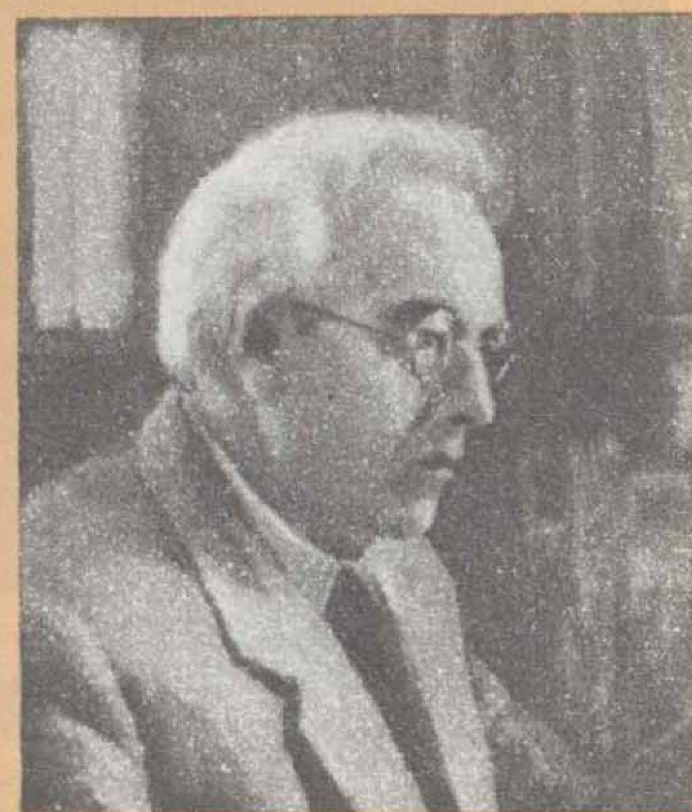
Один из основателей имажинизма, следовавший сначала влиянию раннего Маяковского, а затем — Есенина. Самое известное, что написал Мариенгоф,— это воспоминания о дружбе с Есениным «Роман без вранья».

Каждый наш день — новая глава Библии.
Каждая страница тысячам поколений будет
Великой.

Мы те, о которых скажут:
— Счастливцы в 1917 году жили.
А вы все еще вопите: погибли!
Все еще расточаете хныки!
Глупые головы,
Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь
Автомобилем,
Бешено выпрыгнувшим из гаража?!

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

(1894—1956)

Г. Шенгели был последовательным классицистом, входя в группу «Лирический круг». С 1925 по 1927 год являлся председателем Всероссийского союза поэтов. Резко выступал против Маяковского, как якобы подрывателя классических основ. Автор книги «Техника стиха», сыгравшей существенную роль в развитии русского стиховедения. Переводчик Гюго, Бодлера, Верхарна, Леконта де Лиля.

А Вихрь гудел по всем меридианам.

Романовы, что взять корону вышли
Из закоптелых стен монастыря
Ипатьевского, кончились в подвале
Ипатьевского дома. Гогенцоллерн
В Голландию бежал. Отрекся Габсбург.
В лесу Компьенском Клемансо терзал
Германских делегатов. Возникали
Республики. В Баварии, визжа,
Советский флаг топтал кровавый Носке.
В чаду чумном голодный Будапешт
Последними штыками отбивался.
В Аравии престолы создавал
Полковник Лоуренс. Вокруг Багдада,
Вокруг Тавриза шла резня. В Китае
Шла бойня.

И никто на всей земле
Не знал, куда прибьет эпоху буря.
Но был один, кто, глаз лукавый щуря,
Все понимал, пером водя в Кремле.

И, верные словам его коротким,
Его декретам, точно горный ключ,
Из недр идущим, дерзким и гремучим,
Шли миллионы.

Приходилось туго.
Заводы стыли. Прятал хлеб кулак.
Сыпняк блуждал, вокруг измена зрела,
Вздуваясь гнойниками.

Старый мир:
Бесхлебье, бессапожье, бездорожье,
Изнеженность, истрепанность, измор,
Невежество, неверье, неуменье,—
Все пыжилось, хрипело, упиралось,
Дрожало, ныло, ляскало зубами,
Брело на цыпочках, ползло на брюхе,
Из-за угла высовывало нос,
Ухмылку, заносило нож, дубину,
Мешая жить, мешая создавать...

Кулак двужильный с ястребиным глазом;
Пьянчуга портовой — сивушье сердце;
Статистик земский, что привык торчать
Перед отчизной с укоризной; врач —
Поклонник Милюкова и сторонник
Абортов и аннексий; радикал
От бормашины; меньшевик с изрядным
Пакетом акций (от отца! что делать?);
Эсер — сынок жандарма — с рефератом
«О нравственных воззрениях Лаврова»;
Сожженный кокаином прапор — помесь
Грушницкого и Держиморды; мистик,
Вздыхающий с кухаркой о втором
Пришествии и вздорожаньи масла;
Домишко приобретший метранпаж
Или портной; заштопанная дева
Из лазарета баронессы Дрэк;
Партийные зазнайцы; доктринеры;
Угрюм-Бурчеевы от коммунизма
Непонятого; Раззудись-Плечо;
Головотяпы; рукосуи; накипь
Махизма и махновщины,— а дальше
Кровавый **банщик** Рябушинский; кроткий,
Как змий, и мудрый, как голубка, Тихон;
Кай Юлий Савинков и Аввакум
Бердяев, и Савонарола-Кишкин,—
Все вперемежку, врастасовку, скопом,
В чаду, в бреду, в кликушестве, в оргазме
От силы, славы, злобы, страха, мести
Висели у России на ногах.

Но шла Россия. Шел литейщик, пахарь,
Боец, подвижник. Тяжко, трудно шел.
Неодолимо шел! К социализму!

МАТЬ

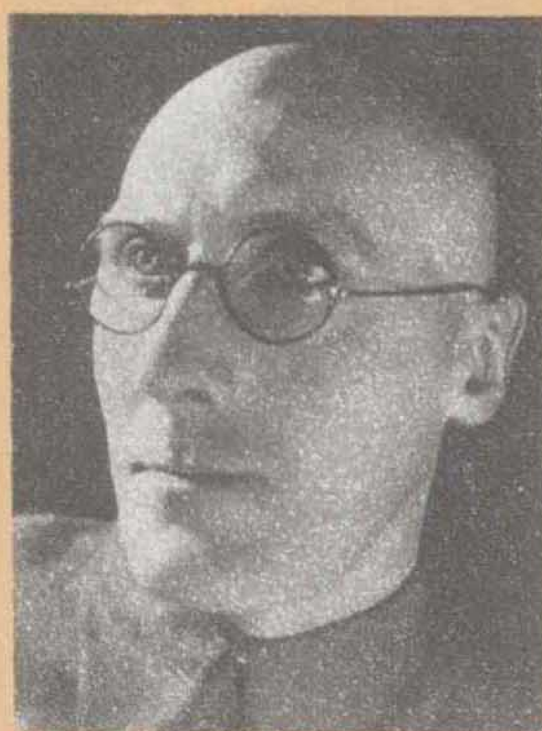
Был август голубой, была война.
Брюшняк и голод. Гаубицы глухо
за бухтой ухали. Клоками пуха
шрапнельного вспухала тишина.

И в эти дни, безумные до дна,
неверно, как отравленная муха,
по учрежденьям поползла старуха,
дика, оборвана и голодна.
В ЧК, в ОНО, в Ревкоме, в Госиздате
рвала у всех, досадно и некстати,
внимание для бреда своего.
Иссохший мозг одной томился ношей:
«Сын умер мой... костюм на нем хороший...
Не разрешите ль откопать его?»

1920.

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

(1892—1939)

Входил в группу московских эгофутуристов. Как драматург, сотрудничал с Эйзенштейном в Театре Пролеткульта, а затем с В. Мейерхольдом. Антиколониальная пьеса Третьякова «Рычи, Китай» (1926) обошла сцены всего мира. После ухода Маяковского из ЛЕФа редактировал журнал «Новый Леф». Был первым переводчиком и пропагандистом Б. Брехта. Незаконно репрессирован. На творчестве Третьякова лежит некоторый отпечаток прямолинейной агитационности, однако это было искренним желанием служить революции.

АТАКА

Кусаются ружья.
За каждым бугром — солдат.
В поле так пусто, как в зале дворцовых палат.
Люди — камни, сырые и неуклюжие.
Может быть, умерли? Может быть, нет их,
В полушубки одетых?
Вдруг это комья земли
Легли
И смертельно иззябли?..
Взмах рук
Вдруг.
Скачок неуклюжий.
Зык сабли.
Ляскнула тысяча ружей.
Рванулись шинели
Под благовест звонкой шрапнели.
Шепот. Суконный потоп...
По блеску, крику, знаку
В атаку!
Сердце настежь. В атаку! Упрямо
В атаку! Все ближе. В атаку!
Лоб расколот... Мама!
К ружейному звяку
Рвота пушек.
На глину, скользя на штыки
Под пенье свинцовых мушек.
Зрачками в зрачки.
Телом на тело. Ладонью в красное...
Ликованье последнее, страстное,
Звонкое, цепкое, липкое...
Злоба каплет с штыка под сопение шибкое,
Под пудовый удар кулака...
Отходили, упорствуя.
Кусались, клубились в кустарнике.
Стала теплою глина черствая,
Как хлеб из пекарни.
Тепловатым причастьем насытили
Отощавший желудок полей.
И опять каменея
На шершавой ладони земли
Залегли
Победители.

ТОБОЛ

Тобол болотами облатан,
У Тобола весна в волне взболтана,
Сипит змеюкой.
Расстилается,
Гложет яра краюхи,
Сосет берегов топкое маслице,
Холстом под худущим солнцем белится,
У Тобола подол островьем заплатан,
Что портки земледельца.
Из суглинья желтого
Еле ноги выволакивая,
От крутогорий западных
Идет, половодий суставом скрипя,
Тобол — старичина — лапотник
По неба по лаковые,
Где туши тундр-прабабок
В ожерелья из клюквы
На лишайной перине
Завалены набок,
И на лихое время шипом злюк
Выпечалываются Ледовитой Серебрине.
Качка кочек. Что ни холм, то болячка.
Серы воды. Небо лаптем выхожено.
Сивы веси, а со станций так же тихо же нам
Туес масла меновует тоболячка.

1922.

Валентин РУШКИС

К 100-летию со дня рождения Игоря Северянина

Я ВЕРЮ В ЖИЗНЬ РОССИИ

К ВЕРШИНЕ

За несколько десятилетий мы так научились забывать, словно стали гордиться короткой памятью. Надолго забыли и поэта Игоря Северянина. А какой шум вокруг него и его творчества был поднят лет семьдесят назад! Отчеты о его вечерах, дифирамбы поклонников, критические статьи хулителей его «поэз», споры, даже — редкий случай! — сборник таких противоречивых статей, изданный в 1916 году.

В те годы каждый любитель салонной поэзии повторял северянинские строки:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

И стихи о шампанском. С цветами: «Шампанское в лилию, шампанское в лилию, в бокале цветка святеет вино!..» И с ананасами. Третья книга его стихов называлась «Ананасы в шампанском», а так как Северянин именовал свои сборники и сборнички «томами», открывалась она «Увертюрой к тому III»:

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!

Объявив себя эгофутуристом, он поставил свое «эго» — «я» — в центр мироздания и в 1912 году без ложной (и вообще без всякой) скромности написал:

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

Что это было? Позерство? Озорство? Один из модных в те годы «вызовов обществу»? Или... искреннее заблуждение?

Валерий Брюсов писал: «Да, Игорь Северянин — поэт, в прекрасном, в лучшем смысле слова». И в той же статье многократно оговаривался: «Доброго вкуса недостает в стихах Игоря Северянина», а «ошибки против вкуса, безвкусие обезобразят самое вдохновенное художественное создание». «Не всегда легко различить, где у Игоря Северянина лирика, где ирония. Не всегда ясно, иронически ли изображает поэт людскую пошлость, или, увы! сам впадает в мучительную пошлость».

А еще Брюсов упрекал Северянина в «неумении мыслить», в недостатке знаний, грехах страшных, ибо «только культура ума делает возможной культуру духа. Поэт, умственные интересы которого ограничены, роковым образом обречен на скудость и однообразие тем, и вместо бесконечности мировых путей перед ним всегда будут лишь тропки маленького садика».

Горький в 1913 году поминает Северянина в своей переписке: «Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт-демократ и романтик, ибо мы, Русь,— страна демократическая и молодая».

Тем временем книги Северянина издавались и переиздавались.

Начинал-то он свой литературный путь со стихов «ко дню», газетных, семнадцати лет от роду писал о русско-японской войне — о гибели «Рюрика», подвиге «Новика», бое при Чемульпо и т. д., с первой журнальной публикации в феврале 1905 года. Затем за семь лет — 35 брошюр «от 2 до 24 страниц», как насчитал сам автор. И в 1913 году — шумный успех сборника «Громокипящий кубок» — Северянин считает его своим «томом первым». За следующие четыре года этот «том» выдержал десять изданий. Второй том — «Златолира» — семь изданий; третий — «Ананасы в шампанском» — пять и т. д., всего по «библиографии», теперь приводившейся автором в конце его томов, с 1913 по 1917 г. с учетом переизданий 31 сборник общим тиражом 92 138 экземпляров!

Дарование? Да. А еще стиль, манера письма, темы, рассчитанные на «салонную публику». Дразнящая поза. И подчас достаточно дерзкие высказывания. Только один пример: в сборнике «Ананасы в шампанском» читаем датированное тем же предвоенным 1913 годом:

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив.
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе;
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.
Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Поза «эгофутуриста»? Разумеется. Но разве не превосходно найдено это «тусклые Ваши Сиятельства»? Титулование сиятельных князей и графов вдруг опрокинуто одним словом: «тусклые»!

На лето он часто выезжал в Эстляндскую губернию, в поселок Тойла, близ Нарвы. И в годы первой мировой войны. «Я — вне политики!» — провозглашал он; но год-то шел 1917-й! И в «Поэзе строгой точности» он несколько растерянно сетует, что искусство «затмила война», спрашивает: «Что делать в разбойное время поэтам, поэтам, чья лира нежна?»

Дни розни партийной для нас безотрадны,—
Дни мелких ничтожных страстей.
Мы так неуместны, мы так невпопадны
Среди озверелых людей.

Это датировано 13 июня 1917 года! Вот уж подлинно — и неуместно, и «невпопадно»! А написано — на даче, «на мызе»...

До этого он приветствовал свержение самодержавия. А вот его «Поэза последней надежды», написанная в Петрограде уже после Великой Революции, 17 ноября 1917 года. Поэт сообщает о своем недавнем выступлении: «Я только что вернулся из Москвы, где мне рукоплескали людиильвы...» Приведу начало этой «поэзы»:

Не странны ли поэзовечера,
Бессмертного искусства карнавалы,
В стране, где «завтра» хуже, чем «вчера»,
Которой, может быть, не быть пора,
В стране, где за обвалами — обвалы?

«Но не странней ли этих вечеров идущие на них?» — спрашивает Северянин. И заканчивает:

Проводы поэта. Сараево, 1931 год.

...Верю в вас,
Глаза крылатой русской
молодежи!
Я верю в вас, а значит — и в
страну.
Да, верю я, наперекор стихии,
Что вал растет, вздымающий волну,
Которая все-все сольет в одну,
А потому — я верю в жизнь России!

27 февраля 1918 года состоялось его последнее, двадцать шестое выступление в Москве. Примечательное. На этом вечере в зале Политехнического музея слушатели избирали «короля поэтов». Участники вечера читали стихи, затем публика «голосовала». За Северянина высказалось большинство; пожалуй, это было закономерно: Северянин вкусам тогдашней публики потрафлял. Как бы то ни было, выборы состоялись; футуристы объявили их недействительными, обложка коллективного сборника «Поэзоконцерт» (1918 г.) была украшена фотографией Игоря Северянина, его автографом и новым титулом. Раздосадованный Маяковский написал в рецензии: «Шесть тусклых строчил, возглавленные пресловутым «королем» Северяниным, издали под этим названием сборник ананасных, фиалочных и ликерных отрыжек».

И еще раз — перед долгим замалчиванием — имя Игоря Северянина появится в сборнике «Стихи 1918» (издательство «Современные проблемы», Москва — Одесса, 1919) рядом с Ахматовой, Буниным, с блоковским «Соловьиным садом». В своем «Разоружении» поэт призывает: «Не разрешайте спора кровью», встает в привычную для него позу первооткрывателя:

Начальники и рядовые,
Вы, проливающие кровь,
Да потревожат вас впервые
Всеоправданье и любовь...

«Впервые»! Как знать, может быть, он и впрямь думал, что его пацифистские строки 1918 года впервые ставят вопрос о разоружении...

Но самого «короля поэтов» уже давно не было среди его избирателей: он жил в Тойла. На даче.

Чудесный уголок на побережье, где «ёловые леса», «шпроты и лососи», «где что ни местность — то кургауз»... Но ведь неподалеку в Финский залив впадает река Нарва, не раз становившаяся кровавым рубежом. На ней — два десятка километров — город Нарва, до которого во всех войнах столько раз докатывались войска...

Мы празднуем день рождения Советской Армии 23 февраля: в этот день 1918 года молодая Красная Армия впервые дала отпор немецким оккупантам под Псковом и Нарвой.

27 февраля 1918 года Северянин «избирался» в Москве.

В начале марта—легкомысленность поразительная! — он едет в Тойла. Но кайзеровские солдаты...

Из стихотворения «По этапу», Ревель, 14. III. 1918 г.:

Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв...

Сначала его больше всего огорчало путешествие в товарном вагоне, где арестованные — «нас было до ста человек» — «коченели» и «все время слушали про шнапс». Но уже в концовке этого стиха он добирается до сути:

Въезжаем в чуждую страну.
Бежать нельзя: вокруг — винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

И все. Конец. Россия осталась за Нарвой.

Плен? Да, однако уютный и недолговременный. Вскоре его отпустили в Тойла. Неподалеку шли бои; под защитой иноземных штыков буржуазное правительство провозгласило Эстонскую республику, которая лишь 2 февраля 1920 года заключила мирный договор с РСФСР. В 1940 году пришло восстановление Советской власти, в 1941-м — гитлеровская оккупация... А «король поэтов» оставался в Эстонии. Двадцать три года.

Сначала-то он, вероятно, боялся «красных»: как-никак, Лотарев, Игорь Васильевич, писавший под псевдонимом «Игорь Северянин», мог причислять себя к аристократам: внук «предводителя дворянства Щигровского у. Курской губ.».

Сначала-то и в Эстонии Игорю Васильевичу посвящают стихи, а один из эстонских поэтов-декадентов так расшифровывает его королевский титул: «величайший современный русский поэт», «новый Пушкин». Наконец-то!..

Но это была уже не дача. И не родина.

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Разочарование пришло быстро. Чуждой оказалась не только страна, но и среда.

Мир для него распался на разновеликие сферы: одна огромная, не до конца понятная, где шли грандиозные потрясения, вызывавшие отклик и в стихах Игоря Васильевича. Вторая — тот самый брюсовский садик, крохотный мирок с центром в спасительной Тойла, с заботами о хлебе насущном.

И все острее «обескрыливающие лишения» и «шеломящая мозг нужда». Почему? Он потерял своих читателей и слушателей, эстетствующих воздыхателей, бунтарствующих мещан. Правда, многие почитатели его поэзии оказались рядом с ним, в эмиграции; казалось бы — и ему так казалось! — достаточно было остаться певцом ананасов и королев, и питательная (во всех отношениях) среда была бы ему обеспечена... Да и любой выпад против Советской России помог бы ему добраться до западноевропейских кормушек. От своего недавнего кумира ждали стансов утешительных, а в адрес большевиков — гневных! А он вдруг писал о Керенском:

Напрасно чванилась Самара —
Волжанин стал почти царем!
Он поднимался, как опара,
А лопнул мыльным пузырем!
(«Самарский адвокат», 1919).

Пишет о том, что у русских эмигрантов в Эстонии «интересы такие мизерные, чувства подленькие, лицемерные...». Какой уж тут контакт с белой аудиторией! Толкуя (и не раз) о белых, красных и розовых, он и сам оказывался теперь если не «красной вороной», то, во всяком случае, «розовой».

Сейчас вы прочтете несколько стихотворений поэта, найденных в сборниках, изданных малыми тиражами в Тарту (1919 г.), в Берлине (1922 г.) и в Белграде (1931 г.). Советскому читателю они практически неизвестны. Кроме того, включаем три стихотворения (помечены звездочкой) из единственного сборника Игоря Северянина, вышедшего в 1975 году в Москве.

ФЕВРАЛЬ

Февраль к апрелю льнет фривольно,
Как фаворитка к королю.
Апрель, смеясь самодовольно,
Щекочет нервы февралю.

Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый февраль,
Твердя весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Дымящиеся малахиты
(Не море ль в теплом феврале?),
Сокрыв прибрежные ракиты,
Ползут и тают в блеклой мгле.

Снег оседает. Оседая,
Он бриллиантово блестит.
И на него сосна седая
Самоуверенно глядит.

Осядет снег,— седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

Тойла, 1918.

«МЕДУЗА»

Глаза зеленые с коричневыми
искрами.
Смуглянка с бронзовым загаром
на щеках.
Идет высокая, смеющаяся искренно,
С вишневым пламенем улыбок на
губах.

Такая стройная. Она такая стройная!
Она призывная и емкая. Она
Так создана уже, уж так она
устроена,
Что льнуть к огнистому всегда
принуждена...

Вся пророкфорена, и вместе с тем
не тронута...
О, в этом самчестве ты девность
улови!
И как медуза, что присосана
к дредноуту,
Пригвождена она трагически
к любви...

1920.

ЗАКАТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Если с нею — как храм природа,
Без любимой — она тюрьма.
Я за марку улов свой отдал:
Без обеда — не без письма.

Я пишу ей, что трижды встретил
Без нее — и я жив? — закат.
Что не надо рождаться детям,
Если ждет их, как нас, тоска.

Что для счастья больной и белой,
И единственной, как земля,
Я не знаю, чего не сделал,
Но я знаю, что сделал я.

Озеро Uljaste, 1925.

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ СОН *

Мне удивительный вчера приснился
сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей
Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русый
локон...
И больше ничего мой сон
не содержал...
Но потрясенный им, взволнованный
глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно
дрожа,
О странной девушке, не позабывшей
Блока...

1927.

ГРУСТНЫЙ ОПЫТ *

Я сделал опыт. Он печален,
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идет весна к дверям моим.

Еще одна весна. Быть может,
Уже последняя. Ну, что ж,
Она постичь душе поможет,
Чем дом покинутый хорош.

Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

Таллин, 2 апр. 1936.

НАБОЛЕВШЕЕ... *

Нет, я не беженец, и я не эмигрант,—
Тебе, родительница, русский мой
талант.
И вся душа моя, вся мысль моя верна
Тебе, на жизнь меня обрекшая
страна!..

Мне не в чем каяться, Россия, пред
тобой.
Не предавал тебя ни мыслью,
ни душой,
А если в чуждый край физически
ушел,
Давно уж понял я, как то нехорошо...

Страх перед голодом за мать
и за семью
Заставил родину меня забыть мою,

А тут вдобавок роковая эта лень,
Так год за годом шел, со днем сливался день.

Домой вернуться бы: не очень сладко тут.
Да только дома мой поступок как поймут?
Как объяснят его? Неловко как-то — ах,
Ведь столько лет, ведь столько лет я был в бегах!

Из ложной гордости, из ложного стыда
Я сам лишил себя живящего труда —
Труда строительства — и жил как бы во сне,
От счастья творческой работы в стороне.

Мне не в чем каяться, и все же каюсь я:
Меня не ценят зарубежные края.
Здесь вдохновенность обрекается на склеп.
Здесь в горле застревает горький хлеб.

Я смалодушничал — и вот мне поделом:
Поэту ль в мире жить, пригодном лишь на слом?
За опрометчивый, неосторожный шаг
Уже пришиблена навек моя душа.

И уж не поздно ли вернуться по домам,
Когда я сам уже давным-давно не сам,
Когда чужбина доконала мысль мою,—
И как, Россия, я тебе и что спою?
(26 октября 1939).

ФИНАЛ

В конце 1922 года Северянин выступал в Берлине вместе с Маяковским. По свидетельству Льва Никулина, Маяковскому «захотелось взять его в охапку, проветрить мозги и привезти к нам». Но там же, выступая 15 ноября на литературном вечере, Маяковский сказал: «Быть русским поэтом, писателем можно только живя в России, с Россией. Пусть не думают въехать в Москву на белом коне своих многотомных произведений засевшие за границей авторы».

20 декабря того же года в Политехническом музее в докладе о своей заграничной поездке Маяковский скажет: «Игорь Северянин продает свое перо распивочно и на вынос за эстонскую похлебку».

Жестоко. И несправедливо.

В предисловии к своей книге переводов («Поэты Эстонии». Антология за 100 лет — 1803—1902. Тарту, 1928 г.) Северянин пишет: «Лишенный в приморской глуши своей необходимых для художественной цельности впечатления собраний стихов и даже, часто, отдельных томов какого-либо автора, я вынужден был делать переводы из случайно находимых мною у местных крестьян старых хрестоматий и плохоньких антологий. Исключение составляют только некоторые современные авторы, любезно приславшие мне свои книги. Приобрести же за свой счет все интересующие меня для моей работы книги я был лишен возможности. Этим объясняется неполный состав авторов и случайный выбор отдельных произведений».

А вот брошюрка форматом в полтетради, 32 странички стихов. На обложке: «Игорь Северянин. Адриатика. Лирика. Издание автора. Эстония. Нарва. 1932 год». В конце сборничка меленько-меленько перечислены все его книги с указанием тиража и итогом: «160 538 экз.». Еще мельче: «Эта книга отпечатана в количестве 500 экземпляров. Адрес автора с 1918 г.: «Эстония, Тойла, Северянину». Все еще поза: даже адрес «не как у всех».

Тут же новая «справка» о выступлениях: за 1919—1932 годы в Эстонии 44: в Тойла 4, но и в Ревеле 21, в Тарту и Нарве по 6 и т. д. Жил он здесь отнюдь не безвыездно: в сводке фигурируют Литва, Польша, Финляндия, многократно Латвия; в 1922 и 1925 годах Берлин, в 1930—1931 гг. Белград, Дубровник, Любляна... Париж... София, Плевна, Пловдив...

И всюду — растущая неприязнь белоэмигрантских кругов. Все сильнее ностальгия, любовь к России, мечта о возвращении:

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...

Это — еще в 1925 году. Последние строки: «И зарыдаю, молясь весне и землю русскую целуя». К слову сказать, это стихотворение вместе с четырьмя другими было опубликовано в «Огоньке» в 1962 году.

Он так и не отважился вернуться, хотя и в стихах, и в своих записях признавал «глупость своего положения».

Когда в июне 1940 года Эстония вновь вошла в строй советских республик, он приветствовал родину, уже советскую, «шестнадцатиреспубличный Союз». Его стихи — ясные и патриотичные — вновь появились в наших журналах. Он переписывался с поэтами и издательствами в Москве и Ленинграде, был полон надежд. Увы, немощный и нищий, за целый год он не нашел сил, чтобы сдвинуться с места. Может быть, сил не только физических.

22 июня началась война.

Круг замкнулся. Как и в первые дни своего отчуждения от России, поэт опять ехал из Нарвы в Таллин, на этот раз поздней осенью, опять в нетопленом переполненном вагоне, опять в оккупации — на этот раз гитлеровской. В декабре он умер.

Еще в 1910 году он написал:

Меня положат в гроб фарфоровый,
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.
(«Мои похороны»).

Не сбылось. В конце войны командированный в Эстонию, на одном из таллинских кладбищ я увидел его могилу. Она приютилась в чужой ограде, подавленная надгробьями купца второй гильдии и его супруги,— низенькая могилка с крестом плотничной работы. На перекладине оплывшая от дождей надпись, наспех, химическим карандашом: «Поэт Игорь Северянин».

Вскоре по инициативе В. А. Рождественского и В. Б. Азарова Литфонд СССР выделил небольшое ассигнование «на благоустройство могилы поэта». Мне, уже таллинцу, было поручено «выбрать из творчества поэта и представить на утверждение эпитафию». Вот тогда-то из библиотек, фондов и архивов в мои руки попал «весь Северянин». И поразила честность и реалистичность многих его стихов, написанных на чужбине. Нередко — позерство, ячество, подчас наивность и путаность мыслей и формулировок. Но это частности, вкрапленные в антимещанские, антиэмигрантские стихи, с крепнущим чувством любви к родине:

О России петь — что стремиться в храм,
По лесным горам, полевым коврам.
(«Запевка», 1925 г.)

И ведь написал же он еще в 1921 году («На смерть Александра Блока»):

Пусть варваром Запад зовет
Ему непосильный Восток!
Пусть смотрит с презреньем в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданьем очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
В с е л е н н у ю, з н а й т е, с п а с е т
Наш варварский русский Восток!

...Сейчас на могиле поэта лежит скромная каменная плита. На ней высечены заключительные строки стихотворения Игоря Северянина «Классические розы»:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.

И даты: 16 мая 1887 — 20 декабря 1941.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Дети, о которых пойдет речь, живут в столице. Хотя родители их живы, они сироты и обделены с самого детства. Вот несколько документов, это акты обследования условий воспитания несовершеннолетних.

Александра ЛАНИНА

«Семья Анисимовых занимает двухкомнатную квартиру в благоустроенном доме со всеми удобствами. Квартира содержится в антисанитарном состоянии (...). Родители оба пьяны. Кроме взрослых, дома были все малолетние дети, которые собрались в большой комнате. Вид детей вызывает жалость: они бледны, плохо одеты, располагаются кто где придется среди хаоса вещей. Воспитанием детей никто не занимается. Сказать, что дети были хотя бы накормлены, нельзя...»

«...Дети при матери находятся в крайне тяжелых материальных условиях. Детского, постельного белья нет; остатки детских вещей грязные. Воспитанием и развитием детей никто не занимается, дети целыми днями бегают в запертой квартире. Продуктов в холодильнике нет; съестных запасов нет». И эта семья жила в двухкомнатной отдельной квартире, в современном доме.

В одном из таких документов говорилось, что дети при матери страдают педикулезом (то есть, попросту говоря, завшивлены), не раз госпитализировались районной больницей «в связи с истощением и ослаблением здоровья»; в настоящее время также находятся на стационарном лечении в связи с истощением».

Такими они приходят в детские дома. В педагогических характеристиках будет отмечен печальный диагноз: задержка умственного и речевого развития.

В Москве уже не хватает детских домов. Нужно открывать новые...

Мы знаем: где-то там, на окраине или за чертой города, есть такие дома. За чертой, за оградой — и словно не нас касается.

— Вас интересуют дети? — спросила директор Нелли Яковлевна Косарева, с которой мы познакомились в дошкольном детском доме № 27 Ленинградского района города Москвы.— Тогда пойдемте.

Мы пошли, и я увидела детей, которых и теперь

помню по именам, помню способных и отстающих. Маленькие человечки не были безликой массой...

Мы сидели на занятии по домоводству. Пятилетние дети—мальчики в белых колпаках, девочки в косынках — с удовольствием и радостью в глазах показывали воспитателю только что вымытые руки: они приготовились лепить пирожки. Дома с хорошей бабушкой вот так же сидит за столом ребенок, пока она раскатывает тесто, что-то приговаривая, рассказывая. Здесь их двадцать человек. И до каждого должно дойти слово. Раскатывая тесто, Клавдия Сергеевна Кондратьева, воспитатель с двадцатилетним стажем, и сама рассказывает, и вопросы задает детям. Время рассчитано до секунды: каждого спросить, каждого похвалить, улыбнуться каждому.

Такие же дети, с такими же историями. Но что за чудо? Они смеются, реагируют на шутку, подходят ко мне свободно и обнимают, виснут на руках. «А ты еще придешь к нам? А ты будешь у нас работать?» И то же «здра-а-асте», оказывается, можно произнести с удовольствием...

Они боялись друг друга, дети из разных групп, ели, не отрывая головы от тарелки, а сейчас пьют чай и беседуют.

— Танцуйте,— говорит Нелли Яковлевна.— Танцуйте кто как хочет. Кто как хочет! — повторяет она.

На маленькой доске расположены веером три детские фотографии: «Сегодня дежурят». Детям это нравится, и они ревниво следят, чтобы не забывали выставлять их снимки. Фотографировали шефы, ребята из МАИ.

Четыре с половиной года тому назад директор Косарева пришла работать в детский дом № 27. О том, какие злоупотребления здесь застала, говорит очень деликатно. Пришлось бороться с педагогами, которые не привыкли работать, у которых, по ее словам, летом руки мерзли, потому что во время прогулок они складывали руки на груди. Она срамила таких воспитателей на педсоветах, ставила перед ними вопрос: или уходите, или работайте на совесть. Штат воспитателей сменился наполовину: остались работать люди, которые любили детей.

— Как-то воспитатели на педсовете задали мне вопрос: «Кого вы ставите на первое место? Коллектив или детей?» И у меня вырвалось: «Детей». Потом думаю: ведь могут обидеться. А они: «Правильно». Прошли годы, и мы поняли, что все должно быть ради детей, ради детей они и себя не жалеют.

Директор вспоминает, как приходила в спортзал на занятия к Валентине Степановне Власовой. За восемь месяцев ее трехлетки догнали подготовительную группу. В открытых трикотажных костюмчиках идут они, загорелые, ладные. Можно было ограничиться упражнениями с мячом и со скакалкой, простыми упражнениями. Валентина Степановна научила детей кататься на велосипеде, вертеть хулахуп. А когда шли Игры доброй воли, специально включала телевизор и показывала детям гимнастов: «Посмотрите, какие они красивые!» И детям захотелось учиться.

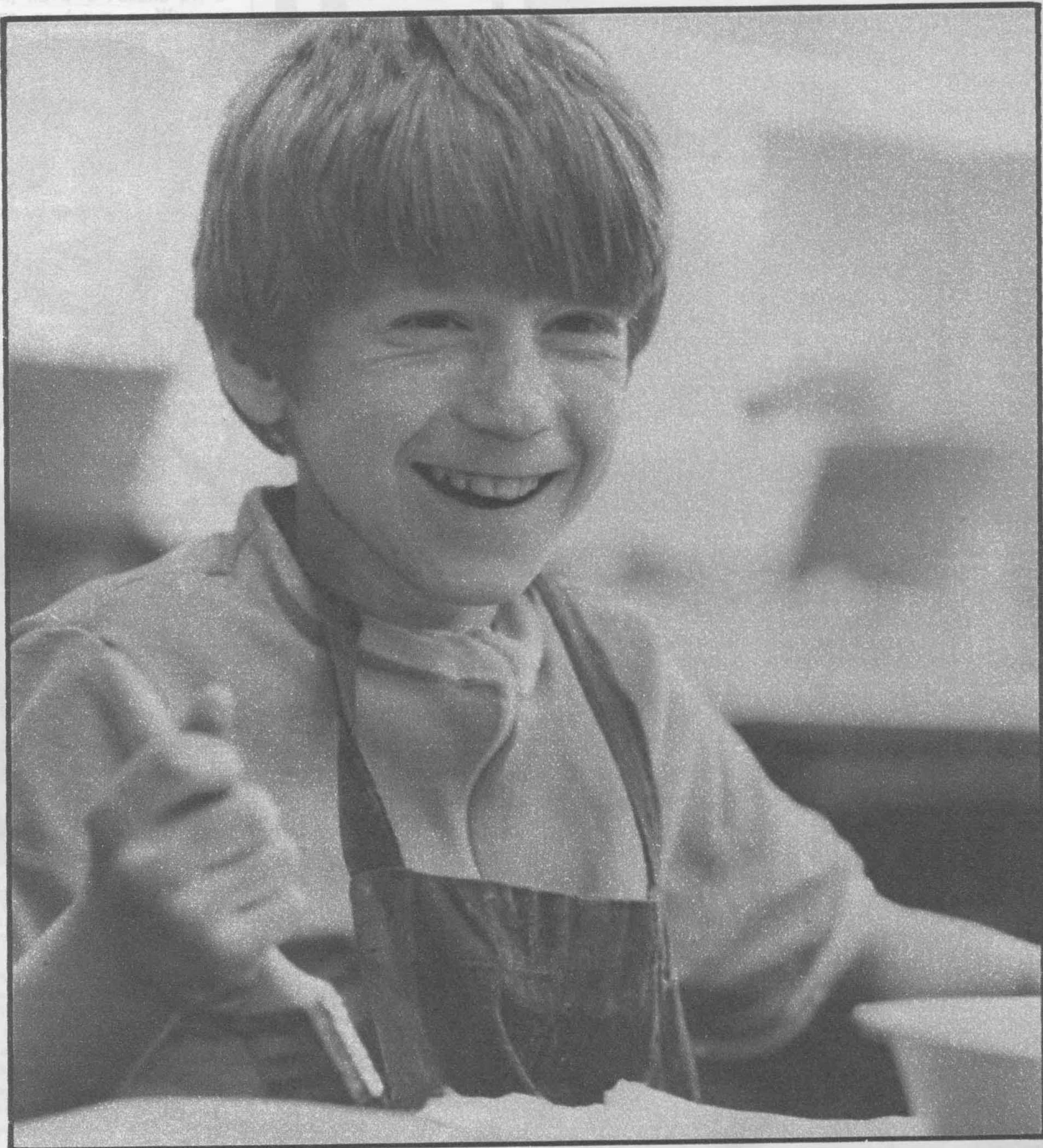
Обычные дети. Обычный детский сад. Но снова вспоминаются истории детей.

Оля Н., подкидыш. Максим К., мать лишена родительских прав, отец в тюрьме. Наташа, «отказная». Алеша, мать лишена родительских прав, местонахождение отца неизвестно. Дима, «отказной». Володя, в графе «отец» стоит прочерк. Отобран у матери. И снова диагноз: «Задержка умственного и речевого развития».

Нет, это не обычные детсадовские дети. По нервным, психическим затратам у здешних воспитателей год идет за три. Ведь нужно все начинать с нуля. Дети из Дома ребенка, из тяжелой семьи — как непросто расшевелить их, пробудить чувства, потребность говорить!

Когда в детском доме стала работать Наталья Сергеевна Попова, молодая женщина, директор поняла: детям повезло. У Поповой не было педагогического образования, ей пришлось окончить курсы подготовки воспитателей для детского сада (специальных курсов воспитателей для детского дома не существует, к сожалению). Наталья Сергеевна пришла к директору и предложила: а что если она в свободное время будет брать детей на прогулки, по два-три человека?

Нелли Яковлевна вспоминает, как ухватились они за это новое, но боязнь поначалу была страшная: воспитатель прежде всего отвечает за жизнь и здоровье ребенка. А вскоре поняли, что без таких прогулок не обойтись. Дети ездили со своим педагогом в Северный порт. Они гуляли, смотрели на теплоходы, приезжали сюда в разное время года. А потом разговаривали. Попова установила доски наподобие мольбертов, дети рисовали мелками. Педагоги увидели: у детей не только расширился кругозор, появилась потребность рассказывать, а главное — им было теперь что рассказать.

**Мальчишеская улыбка,
ребячья взаимовыручка...
Увы, этим детям
не дана родительская забота.
И потому все мы в ответе за них.**

**Фото
Игоря ГАВРИЛОВА**

Конечно, не все воспитатели могли, как Попова, забывать о себе: получив зарплату, она отвозила детей в зоопарк, покупала им мороженое, катала на пони. А однажды — молодая женщина! — купила для себя бархатный отрез, хотела жакет сшить. То ли перед праздником это было, то ли в театр с детьми они собирались... Но вдруг Наталья Сергеевна раскроила свой отрез для детей, бабочки сшила мальчикам на парадный случай, девочкам — банты.

Не все воспитатели так забывали о себе, но поняли все, что в детском доме, которым руководит Косарева, работать могут только творческие люди. Директор, принимая на работу, так и предупреждала: учтите, у нас люди творческие. И это при вечном дефиците кадров! Но важнее было, чтобы сложился единый коллектив.

Что может детский дом с его ограниченными возможностями?

Был праздник елки. Воспитатели оделись факирами, динозаврами, сшили эффектные маски, какие-то небывалые костюмы. Поставили сказку. Случилось чудо: обычно замкнутые, дети начали смеяться, подходили расспрашивать, им самим захотелось участвовать в представлении.

— Теперь мы хотим по Пушкину сделать литературный вечер,— говорит директор.— У нас оказалось очень много одаренных людей среди воспитателей. И мы уже вырастили своих ведущих актеров среди детей...

Не случайно директор так заботливо продумывает досуг детей: они убегают. Даже такие маленькие. Нелли Яковлевна рассказала об одном из побегов. Недалеко от их детского дома проходит ветка железной дороги. Туда, к поездам, сбежал мальчик. Потом его спрашивали, зачем и куда он собирался уехать. «Мой папа военный, и я поехал его искать». Но в документах у мальчика в графе «отец» стоял прочерк. Дети выдумывают себе родителей, у иных еще есть воспоминания о родственниках, о доме...

Я читала поразительные документы. Записки матерей, которые они оставляют, отрекаясь от своего ребенка. На профессиональном языке такие дети называются «отказными». Одни пишут тоном протокола, другие — сумбурно, поспешно. Но в своем бесчеловечном желании отделаться от ребенка во что бы то ни стало они едины: отказываются навсегда.

«...Не состою в браке. Установить отцовство не имею возможности. Живу с родителями. Родители категорически против того, чтобы я взяла воспитывать ребенка, так как собираюсь поступить в институт и получить профессию. От материнских прав на Диму отказываюсь навсегда. Заявление писала добровольно. Никаких в будущем претензий предъявлять не буду. Рождение сына я скрываю от всех родных и знакомых (...)».

...Когда приходят бездетные люди усыновить ребенка, детей стараются не травмировать. Будущие матери надевают белый халат и сидят на скамейке во время прогулок. Еще ничего не известно, только присматриваются. Но дети — поразительно! — дети всегда чувствуют, к кому пришли.

За четыре года работы у директора Косаревой прошло девятнадцать усыновлений.

Труднее всего разговаривать с родителями погибших детей. Уже взрослый, семнадцатилетний парень погиб от несчастного случая. Мать его приходила в детский дом, все смотрела на одного мальчика. Ходила год, беседовала с директором, думала, испытывала себя. В конце концов прямо сказала, что слишком больно ей, что не сможет. (Уже потом, по опыту, Косарева поняла: если погиб сын, нельзя брать мальчика, родители будут постоянно вспоминать своего ребенка, сравнивать.)

Женщина отказалась, а мальчик чувствовал, что приходили к нему, и ждал. Ему было пять с половиной, когда пришла другая бездетная супружеская пара. Будущая мать стала наведываться одна, без мужа. Мальчик догадывался, что это опять к нему, но даже не смотрел в ее сторону.

— Тогда я матери говорю,— вспоминает Нелли Яковлевна,— приходите с мужем. И тут, когда он увидел мужчину... Смотрю, побежал в группу. Я пошла за ним. И растерялась даже: мальчик доставал из шкафа вещи и надевал на себя все новое. Да еще так деловито, молча, быстро. Как догадался? Никто ничего не говорил ему! Спрашиваю наконец: «Ну, ты готов?» «Готов». Я обняла его за плечи, и мы спустились. Мальчик подошел к мужчине, взял его за руку: «Пап, пойдем...»

Потом забывают о нас. Это для психологии людей характерно. Да и хорошо, что забывают, значит, в семье у них наладилось. Вначале звонила благодарить эта супружеская пара: с матерью у мальчика хорошие отношения, но отец для него — все. К счастью, мать — педагог и невнимание к себе пережила и простила. Но понимаете, какие они чуткие? У ребенка так и осталось недоверие к женщине.

До недавнего времени в детском доме, которым руководит Косарева, не было ставки для врача, только полставки. Годами не могли добиться, чтобы в массовом детском учреждении был постоянный врач... У большинства детей нервнопсихическое недоразвитие, есть дети с нервными заболеваниями. Без психоневролога дошкольному детскому дому не обойтись; нужна штатная единица и для специальной медсестры, которая будет выполнять назначения. Не хватает и логопедов.

Все это вопросы давние. Говорят о том, что необходимы курсы для подготовки воспитателей детских домов, а курсов таких до сих пор нет, как не создано и специальной учебной программы для малышей-детдомовцев. И для детей дошкольного возраста, и для школьников нужны помещения, выстроенные по спецпроектам, чтобы не жили малыши по двадцать человек в одной комнате (взрослые по восемь — двенадцать). На специальных собеседованиях такие проекты уже обсуждались...

У некоторых детей невеселая получается перспектива: Дом ребенка — дошкольный детский дом — школа-интернат для детей-сирот (или школьный детский дом). Обычная фраза из педагогической характеристики: «Понимание ограничено бытом». Теми условиями, которые создали для детей педагоги, и определяется понимание мира. Другой жизни до шестнадцати-семнадцати лет у подростков не будет.

К счастью, есть подвижники. Такого насыщенного расписания, как в школе-интернате № 64 Первомайского района города Москвы, я еще нигде не встречала. Владимир Григорьевич Евдокимов, директор интерната, ввел для своих воспитанников интереснейшие дисциплины. Например, шахматы — с первого по третий класс. У детей возбудимых шахматы вырабатывают внимание, усидчивость, умение сдерживать себя. Занятия ведут специалисты на уровне кандидатов в мастера... Приходит сюда хореограф из районного Дворца пионеров. А сколько здесь секций, кружков: аэробика, хоккей на траве, фигурное катание, волейбол, баскетбол, бассейн...

За много лет до школьной реформы Евдокимов продумал и великолепно организовал трудовое обучение ребят.

— С первого по третий класс дети собирают игрушки из лавсановой пленки,— рассказывает Владимир Григорьевич.— Все это проходит в игровой форме. Работая щипчиками, пинцетами, дети начинают чувствовать эти предметы. Это важно, потому что у нас второй этаж занят заводом, где производят электронно-бытовые приборы.

Четырнадцать лет назад по инициативе Владимира Григорьевича завод при НИИ «Сапфир» развернул на площади интерната несколько своих цехов. Пошли сюда рабочие, люди молодые, которым оказалось удобно работать рядом с домом. А зарплату получают, как на своем заводе получали бы, да еще плюс 10 процентов надбавки за то, что работают с детьми. Ребята не только знакомятся с современным производством, но и приобретают профессию, оканчивают интернат электрорадиомонтажниками 1-го и 2-го разрядов.

Организовывая производство, думал директор и о том, какими вырастут эти мальчики и девочки с нелегким родительским наследством. Они должны чувствовать себя в жизни полноценными людьми.

— В год интернат стоит государству 500 тысяч рублей. А у меня с территории интерната уходит продукции в среднем на два с половиной миллиона рублей. И для меня завод выгоден,— рассказывает Владимир Григорьевич.— Во-первых, это живая профориентация, во-вторых, занятость ребят. Они работают семь лет... Хочешь не хочешь, будешь ориентирован на труд. Меня не столько интересует, что он радиомонтажник, меня человек интересует, труженик.

Воспитанники Евдокимова знают, что продукция, которая создается с их участием, поступает прямо в магазины, где буквально нарасхват. В коридоре висят фотографии детей: передовики производства. Рядом, на стенде, вещи, сделанные их руками. Это музыкальный инструмент «Электроника», на котором с помощью специального наконечника ребенок сможет сыграть мелодию, забавная электронная игрушка «Светотир» с пистолетом и мишенью, электрические звонки с птичьей трелью...

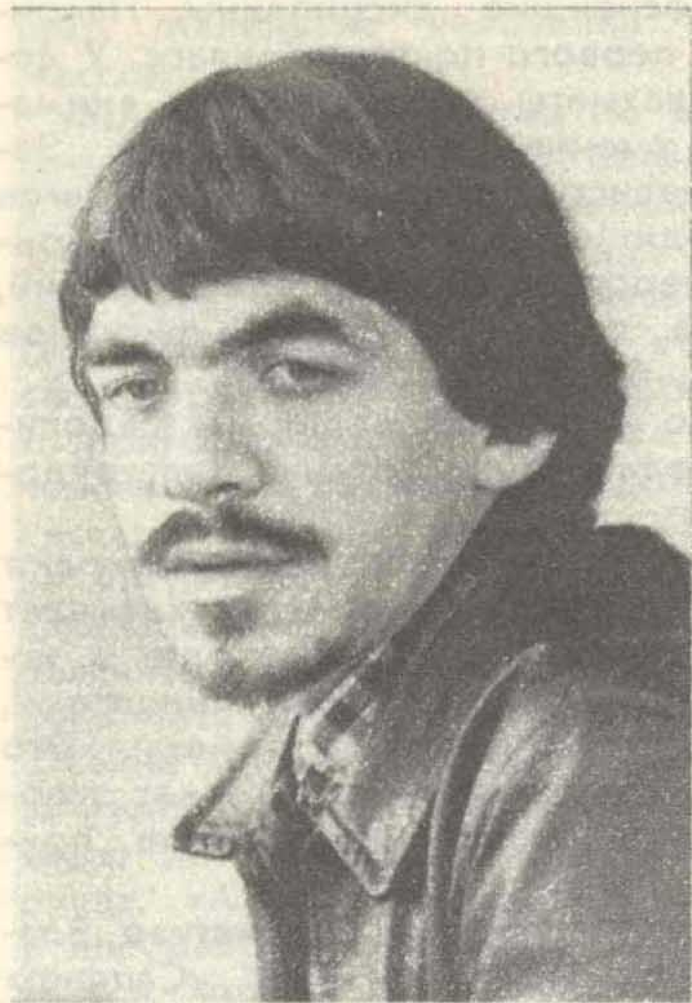
И еще в отдельном помещении двенадцать швейных машин. Работница учит девочек шить. Эту продукцию тоже отправят потом в магазин. О производстве и о других делах рассказывает директор уверенно и просто. Мне начинает казаться, что производственные проблемы не самые сложные в интернате. И Владимир Григорьевич подтверждает это глубоким вздохом.

— Ох, проблемы, проблемы... Дело вот в чем: из неблагополучных семей дети несвоевременно изымаются. Если мне ребенка отдают в два года, я могу гарантировать, что он вырастет настоящим человеком. Может, академиком он не будет, но будет тружеником. Представьте себе, что у двенадцатилетнего человека, который к нам поступает, выработался уже целый комплекс привычек а нам их приходится ломать. И воспитывать новые привычки. Это самое трудное.

...За чертой, за оградой — детское горе, одиночество. Сейчас многие люди, деятели культуры и искусства пытаются стереть эту черту, во весь голос ставя проблему детских домов. Но всегда ли и везде ли слышны их голоса? Вероятно, настала пора поставить вопрос о комплексном, общегосударственном плане мероприятий по решению проблем детских домов. А каково ваше мнение, уважаемые читатели?

Перед вами — публицистическая поэма Михаила Поздняева.
Когда человеку больно, он кричит. Боль выходит криком.
Но бывает так: человеку очень больно,
а он старается говорить сдержанно. Изо всех сил
старается.
Тогда боль клокочет внутри каждой фразы,
проверяя ее на прочность.
Боль бьется внутри слов и заполняет собой
все паузы между словами.
Именно такой кажется мне поэма «За оврагом».
Поэма в защиту памяти. И в защиту совести.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ЗА ОВРАГОМ

Бывший Храм Покрова Богородицы
на угоре,
за оврагом, поросшим терпением и быльем...
О каком тут еще, простите, немом укоре
лепетать —
видя это, схожее с кораблем,
не скажу — с ковчегом, выброшенным на берег,—
темно-красного кирпича,
в голубиных перьях
и в помёте —
здание Фабрики Вторсырья?
Бывший Храм Покрова,
на окраине пустыря,
прежде бывшего неким обширным селом
Покровским,
вдруг исчезнувшим —
вроде мыльного пузыря
или горсти пепла под легким напором ветра...
Да с какою же силой шарахнуло здесь тогда —
так что крови ни капли,
а душу как есть отшибло,—
если даже поныне в черемуховые холода
по всему району в радиусе километра
разливается
запах портвейна или шипра
и горячая прекращает идти вода?..
Лишь один соловей поет, не зная стыда.
Бывший Храм Покрова,
где двенадцать бушлатов на вате
круглосуточно в три захода в поте лица
тянут проволоку и плетут из нее кровати
госпитального и армейского образца,
а за окнами алтаря — «Не рыдай Мене Мати!» —
день и ночь идут электрички в оба конца,—
бывший Храм Покрова,
на окраине, за оврагом...
А в столице, за автострадою кольцевой,
сей динарий с волчицею и олимпийским знаком
повернется к нам стороной своей лицевой —
и зажмуримся
от прожекторного сиянья,
и прищуримся —
и уверимся, разглядев,
как на месте народной памяти о Спасенье
Промыслительном —
«благодарные россияне»
в истекающем паром плавательном бассейне
в подогретой воде
лелеют румяных дев;
и не то чтобы кануть — ладонь окунуть или же
заглянуть чревато
в дымящуюся дыру...
А еще подальше, то есть еще поближе
к середине, у края площади, на юру —
да куда же несется тройка твоя лихая?—
ломовой отель,
синим пламенем полыхая,
окружен церквами со всех четырех сторон,
будто гвозди, в железобетон забитыми,—
вроде
в пух и прах разодетых пугал на огороде,
для острастки залетных варягов или ворон...
И еще.
Ровно между Шаболовкой и Тульской,
меж обителями Даниловской и Донской —
моя Родина,
где стоит над землею тусклой
и свечами в окнах светится день-деньской

безо всякого там вольфрама или неона,
ровно на семь чистых
и на семь нечистых пар,
не скажу, чье имя носивший во время оно,
но с недавних пор
именующийся: «Гриль-Бар»...
О какой тут еще, простите, праведной мести —
а и есть у нас на потребу
только одно:
если свято место пусто — на этом месте
ничему хорошему вырасти не дано...

. . . .

Я воздвиг себе памятник,
коего не было проще
и величественней
во все былые века:
се пустырь на месте спаленной азотом рощи
и текущая вспять отравленная река...
Но потомок оценит мой век —
и в парке культуры
(да поймет меня современник мой и простит)
до небес вознесутся
две нагие скульптуры,
два лихих физкультурника,
два безумных фантома:
человек, поджигающий кровлю отчего дома...
человек, подрубающий сук, на котором сидит...
Отче милостивый,
велико же твое терпенье,
и в веках неисповедимы твои пути,
и щедроты неисчислимы твои воочью —
раз во гневе наши тела не разносишь в клочья,
наши блочные до́мы удерживаешь в горсти,
но себя и свой Дом
отдаешь нам на истребленье
в девяти, как правило, случаях
из десяти.
Он стоит, этот Дом, в дебрях терниев и
чернобыла,
принимая под кров,
сквозь который звезды видны,
будто блудного сына — маленького дебила,
молчаливого ветерана семейной войны
и прославленного инженера по землетрясеньям,
что взрывал, слава богу, еще Страстной
монастырь...
А за ними и я, простите, по воскресеньям
подгребаю в часу девятом через пустырь.
А за тем пустырем, за оврагом — дожди идут,
и снега идут, и метут день и ночь метели,
и земля к рождеству на ладонь покрывается
льдом.
А на самом краю, над обрывом — похожий дом.
Что-то в нем куют, не знаю, или плетут,
да и надо ли знать, что делают в той артели:
труд — владыка мира,
а кто не от мира сего —
не возьмет на себя труда для беседы о т е л е...
Но о чем-то я все же сказать хотел —
за дверьми,
за оврагом, где ближе к троице расцветут
мать-и-мачеха, одуванчик и повитуха,—
день и ночь в эту дверь стуча
и стеная глухо:
«Не отвержи мене от лица твоего
и духа
от мене твоего святого не отыми!»

СПАСЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Александр ЩЕРБАКОВ, соб. корр. «Огонька»
Фото Михаила САВИНА

В Бресте событие. Областной краеведческий музей показывает художественные ценности, изъятые на здешней таможне у контрабандистов, пытавшихся вывезти их из СССР. Справедливо написали в книге отзывов на выставке туристы из Петродворца: «Мы гордимся нашими пограничниками, которые не только охраняют границы нашей Родины, но и сохраняют наше достояние».

Не станем обращать внимание на чисто формальную неточность: таможенники — те же пограничники, лишь одеты по-другому. А насчет охраны достояния абсолютно верно. Что наше, то наше. В Бресте эти слова подтвердили и устроители выставки. Ведь мало достояние сохранить, им надо уметь распорядиться. Коллектив краеведческого музея сумел. И сумел в пределах возможного достойнейшим образом.

Выставка интересна, познавательна, а ценности и в самом деле большие. Картины Айвазовского и Мясоедова, эскиз к полотну Врубеля «Демон поверженный», серебряные и позолоченные оклады к евангелиям и иконам известных в России фирм Овчинникова и Морозова, великолепные тульские самовары, медальоны с изображением Суворова и Барклая-де-Толли, редкие иконы, в том числе работы мастеров Палеха и Мстёры, кавказское оружие, отделанное драгоценным металлом, старинный фарфор, портрет Тадеуша Костюшки, написанный неизвестным польским художником, декоративные блюда, «Тайная вечеря» — не разгаданного пока авторства резьба по перламутру, серебряные мужские пояса...

На выставку трудно попасть. Посетители из разных уголков области, из разных республик, не проходят мимо и оказавшиеся в Бресте иностранцы.

Долго говорим с Ириной Николаевной Тарима. Она искусствовед-контролер Брестской таможни, одновременно сотрудничает в музее. Ирина Николаевна — единственный, пожалуй, в Бресте человек, кому дано и защищать национальное достояние, и заботиться о его разумном использовании. Она рассказывает, как трудно и в то же время увлекательно заниматься переданным музею богатством (сюда, по ее словам, за пятнадцать последних лет поступило примерно две тысячи предметов антиквариата, искусства). Ведь прежде чем представить вещь в экспозиции, необходимо определить истинную ее ценность, подлинность, авторство того или иного мастера, попытаться проследить судьбу. Сложность поиска (а это поиск в полном смысле слова) еще в том, что нет под руками нужной литературы, особенно плохо без каталогов, не всегда оформишь командировку в Москву, чтобы проконсультироваться с авторитетами, посидеть в библиотеке, порыться в архивах...

А у директора музея Тамары Адамовны Слесарук, у Ирины Николаевны, их коллег уже зарождаются заманчивые планы: эта выставка сама должна стать музеем, служить средством эстетического воспитания, приблизить местных жителей к большой культуре. Вот такие мечты. Приятные и в то же время многотрудные, так или иначе уже становящиеся реальностью.

ИКОНА СПАС В СИЛАХ. XVI в.

Д. И. АНТОНЕЛЛИ. 1791—1842 гг.
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

КАВКАЗСКИЕ ПОЯСА XIX в.

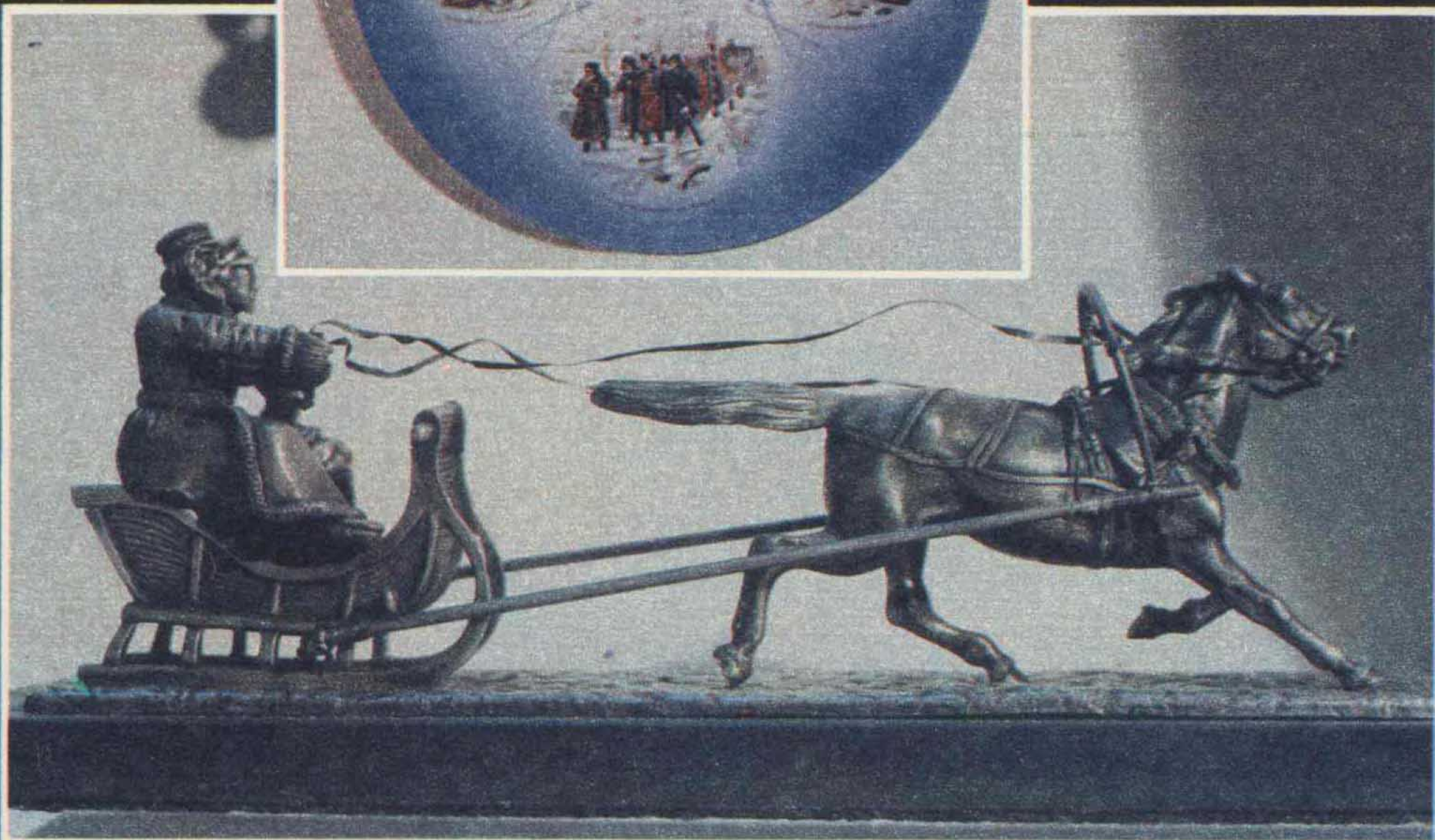
БЛЮДО «РОССИЯ»
ЗАВОДА КУЗНЕЦОВА,
НАЧАЛО XX в.

СТАТУЭТКА «ПО ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ»,
ФИРМА ГРАЧЕВА, XIX в.
СЕРЕБРО, ЛИТЬЕ.

ЧАСЫ КАМИННЫЕ.
ДРЕЗДЕН.
КОНЕЦ XIX в.

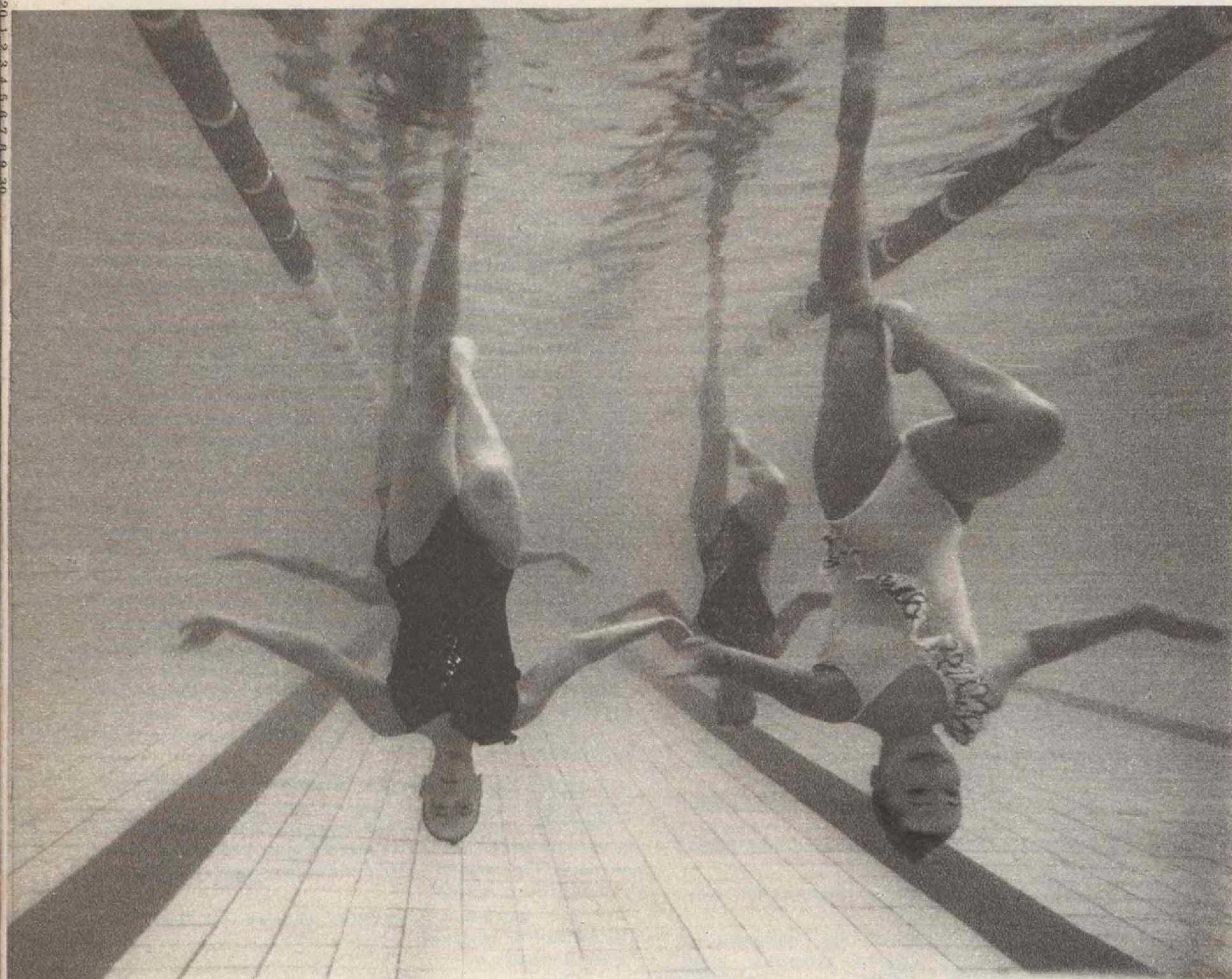

ТАНЕЦ В СТИЛЕ "САБМАРИНА"

С ведущим тренером сборной СССР по синхронному плаванию Игорем Георгиевичем Бугайцом мы смотрели через окно на очаровательных девушек, отрабатывающих технику сложнейших фигур — «Дельфины», «Авроры», «Фламинго с ногой, согнутой в колене», «Сабмарины», «Альбатрос»,— и меня не оставляло ощущение, что мы в подводном царстве...

— Красиво? — улыбнулся Игорь Георгиевич.— Согласен, есть прекрасные виды спорта, смотришь, смотришь, и оторваться невозможно. Но что может быть прекрасней синхронного плавания? Это обычная ежедневная тренировка. А если соревнования посмотреть... Спорт и искусство — нигде эти два понятия, на мой взгляд, не связаны более крепко. В нашем плавании и элементы гимнастики, и акробатики, и хореографии, и... В общем, сами смотрите.

Впервые у нас в стране синхронное плавание было показано на Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 году. Тогда это были своеобразные водные феерии, балет на воде с показом плоскостных рисунков.

В США, Канаде, Японии, Франции, Нидерландах, Великобритании, Швеции синхронное плавание начало завоевывать популярность чуть ли не с начала века.

Первый чемпионат Москвы был проведен больше двадцати лет назад. Но относились к синхронному плаванию, которое называлось сперва «фигурным», потом «художественным», не очень-то серьезно. Не воспринимали как полноценный и полноправный вид спорта.

И лишь в 1979 году, за несколько месяцев до того, как Международный олимпийский комитет решил включить синхронное плавание в программу Олимпийских игр, прошли у нас всесоюзные соревнования.

Наши спортсменки все чаще принимают участие в крупных международных стартах и выступают на них все удачней. На Кубке Европы в 1986 году команда СССР была первой в групповых упражнениях, а дуэт А. Жамалетдиновой и М. Черняевой — вторым. Успешно выступили наши девушки и на чемпионате Европы среди юниоров. А вот прошлогодний чемпионат мира в Мадриде показал, что предстоит еще потрудиться.

— Всего у нас занимаются сейчас синхронным плаванием около трех тысяч девушек, — говорит Игорь Георгиевич.— Это не так много. А желающих гораздо больше. Но не хватает специалистов, бассейнов. Нет у нас практически подводной и специальной надводной звукотехники...

— В каком возрасте и как отбирают девочек для синхронного плавания?

— Лет в шесть-семь, как и в обычное плавание. Необходима врожденная плавучесть, а это, как вы понимаете, не то же самое, что умение плавать. Музыкальность, естественно. Многое нужно для синхронного плавания — очень сложного и красивого вида спорта...

— Странно,— отметил я, глядя, как девушки выполняют «обратный каталинный поворот», — а кажется, что так для них это все естественно, легко, ничего, кроме радости, наслаждения, не доставляет.

— Это потому, что они мастера,— говорит тренер.— Из трех с половиной минут программы больше двух минут проводят девушки под водой. И это ведь не просто нырять, как мы ныряем на пляже,— тут работать надо, да еще как! Представляете? Вот смотрите — «спираль». А вот переход из позиции «горизонтальный угол» в «шпагат». Девочки, если они хотят стать настоящими спортсменками, должны — и это главное — любить воду. Любить, как... как русалки. А похожи, правда? Особенно когда сверху смотришь...

Сергей МАРКОВ,
фото Анатолия БОЧИНИНА

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

ВЕРНУЛИ ДЕНЬГИ

В очерке Николая БЫКОВА «Сходят снега» («Огонек» № 12, 1987 г.) говорилось, в частности, о несогласии колхозников колхоза «Большевик» Тамбовской области с неправомерными действиями Первомайского отделения Госбанка: значительную сумму заработанных ими в 1986 году денег районные финансисты взыскали досрочно... И вот Российская республиканская контора Госбанка СССР рассмотрела с выездом на место критические замечания, высказанные на общем колхозном собрании. Заместитель управляющего Российской республиканской конторой Госбанка СССР В. Я. Доленко сообщил редакции:

«Колхоз «Большевик» — одно из быстро развивающихся хозяйств района, которое, используя оказываемую в крупных размерах государственную финансовую помощь, постепенно укрепляет свою экономику... По результатам деятельности за 1986 год хозяйством получено 1,2 миллиона рублей чистого дохода, но даже при этих условиях колхоз не в состоянии восстановить утраченные ранее собственные оборотные средства...»

В области имеются колхозы, которые все еще находятся в весьма трудном финансовом положении. И только поэтому, мол, областной комитет Госагропрома попросил местных финансистов часть отсроченных ссуд перераспределить между слабыми хозяйствами. Благое вроде бы намерение. Но вот что далее пишет В. Я. Доленко:

«...Первомайским отделением Госбанка принято решение передать часть отсроченных кредитов (647 тысяч рублей) другим экономически слабым колхозам... Однако Первомайское отделение Госбанка при практической реализации этого решения допустило ошибку, списав в декабре 1986 года с расчетного счета колхоза средства без согласия его правления».

И далее: **«...такое действие отделения Госбанка расцениваем как грубое нарушение Устава колхоза и нормативных актов Госбанка СССР. На виновных в этом должностных лиц отделения Госбанка наложены административные взыскания».**

Итак, допущенная ошибка признана, и меры к ее исправлению приняты. Деньги колхозникам вернули, и немалые. А если бы они не проявили чувства коллективного хозяина? Прежде такое нередко бывало...

Патрик **АНДЕРСОН**

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Донна Хендрикс, любовница президента Чарлза Уитмора, приехала по его вызову из Калифорнии в Вашингтон. На следующий день она была найдена мертвой в одном из домов Джорджтауна — респектабельного района столицы. Ее опознал недавно вернувшийся из Парижа адвокат Бен Нортон, который любил Донну и тяжело переживал разрыв с нею. Бен решает найти преступника. Беседы с подругой Донны Гвен Бауэрс, от которой он узнает о подробностях романа Донны с президентом Чарлзом Уитмором, встречи с актером Джеффом Филдсом, в доме которого была убита Хендрикс, отставным сенатором Гарри Ноланом, жившим по соседству с Донной Хендрикс, а также с помощником президента Эдом Мерфи убеждают Нортона в том, что это не простое убийство на сексуальной почве, как пытается представить его глава юридической фирмы Уитни Стоун, босс Нортона.

Кравиц обсуждал это дело с Фрэнком Кифнером, молодым прокурором округа Колумбия, и разговор был нелегким.

— Если тебе нужны люди, Джо, людей мы тебе обеспечим,— сказал Кифнер. Они сидели в его кабинете, большом и строгом. Сам Кифнер был маленьким и строгим. К тому же, думал Кравиц, мерзавцем.— Людей, содействие ФБР, оплату сверхурочных — проси все, что нужно. Никаких проблем. Но это дело давай завершать.

Кифнер нахмурился и стал возиться с незажженной трубкой. Это был аккуратный невысокий человек с волосами неопределенного цвета и в очках без оправы.

— Как насчет парня? — спросил он.— По-моему, тут есть кое-что прямо на виду.

Кравиц подавил стон. Таким Кифнера он еще не видел. На это дело оказывался нажим, но Кравиц не мог понять откуда.

— Джой признает, что видел ее. Точка. Он покинул винную лавку в восемь, а его мать утверждает, что он пришел к обеду в половине девятого и вместе с ней до полуночи смотрел телевизор.

— Ради него она пойдет на любую ложь.

— Конечно, пойдет. И убедит присяжных. Это прелестная дамочка, преподающая в воскресной школе. Если убийца Джой, нам придется предъявить твердые доказательства.

— Он сексуальный преступник.

— Он сопляк, пристрастившийся к наркотикам, попал в больницу святой Елизаветы и там познал радости секса. В чуланах, под кроватями, за кустами, это именуется групповой терапией. Выйдя из больницы, стал вовсю подглядывать под окнами; худшее, что он совершил,— это схватил какую-то девчонку в парке Монтроз и хотел ее повалить. Но старался плохо, потому что, когда она вырвалась и убежала, он просто лег на траву и заснул. Что не делает его опасным сексуальным преступником.

— Значит, ты думаешь, что это не Джой?

— Его мать, возможно, солгала. Он мог подойти к дому, напроситься к покойной, ударить ее и нечаянно убить. Подтверждений нет никаких, но это возможно. Смущают меня отпечатки пальцев. Вернее, их отсутствие. Кто-то стер в доме все отпечатки, а Джою это просто не под силу. Он едва способен завязать себе шнурки ботинок.

— Джоем продолжай заниматься,— сказал Кифнер.— Он мог стереть отпечатки. Научиться этому по телевизору. Как другие?

— Разносчик газет, похоже, ни при чем. Продолжаем искать сына уборщицы. Следим за тем парнем на заправочной станции. Показания актера подтвердились. В тот вечер он был на вечеринке в Лос-Анджелесе. И потом еще Нортон. Он звонил мне вчера. Говорит, что слышал, будто Джоя вот-вот арестуют.

Кифнер продолжал возиться с трубкой.

— Что ты скажешь по этому поводу?

— Не знаю, что и сказать,— признался Кравиц.— Может, у него нечиста совесть, и он надеется, что мы закрыли дело. Я не могу его понять. Меня смущает телефонный звонок в то утро, когда мы ее обнаружили, после которого он примчался в Джорджтаун.

— Какая у тебя версия по этому поводу? — спросил Кифнер.

Кравиц досадливо скривился.

— Может, это ложь, может, и нет. Если он лжет, если никакого звонка не было, то, по-моему, он убил женщину, а потом ему пришла сумасшедшая мысль, что если приедет и опознает ее, то снимет с себя всякие подозрения. Не знаю. Я могу представить, что этот человек способен стукнуть свою бывшую подружку по челюсти, но чтобы у него хватило глупости вернуться на место преступления — как-то не верится.

— А если ему и в п р а в д у кто-то звонил? — спросил прокурор.

— Тогда убийца хотел его подставить,— сказал Кравиц.— И, похоже, это исключает вашего случайного грабителя. Но в таком случае убийца должен был знать ее, и знать, что Нортон только что вернулся...

— Знать ее было необязательно,— сказал Кифнер.— Джой мог напроситься в дом. Или кто-то другой. И немного поболтать с этой женщиной. Она упоминает, что ее бывший любовник вернулся в город. Потом происходит убийство. И убийца звонит Нортону, чтобы втянуть его.

Кравиц ругнулся под нос и закурил очередную сигарету.

— Вы знаете Нортона. Что он за человек? Способен на такое?

Прежде чем ответить, Кифнер поглядел в потолок.

— Бен не вспыльчив,— сказал он наконец.— Силен, но добродушен. С другой стороны, как знать? Он возвращается из Европы. Устал после полета. Идет в бар, выпивает несколько рюмок и пьянеет. Потом замечает свою бывшую подружку. Имей в виду, он вышел из бара примерно в то же время, когда она вышла из винной лавки. Так что вполне мог заметить ее. Она приглашает его в этот дом. Или он идет за ней. Они ссорятся. Он бьет ее. Вполне возможно.

Прокурор взглянул на часы и поднялся.

— Действуй, Джо,— сказал он.— Это очень важное дело. Ты, я знаю, хочешь стать начальником сыскной полиции. Я охотно скажу несколько слов в твою поддержку. Но в основном ты должен добиться этого сам, и это дело может тебе помочь.

Сержант направился к двери, потом обернулся.

— Нортон сегодня должен приехать ко мне,— сказал он.— Есть какие-нибудь особые соображения?

— Дави на него,— сказал Фрэнк Кифнер.— Дави на всех, пока кто-то не расколется.

В отдел расследования убийств Нортон приехал в половине двенадцатого. Там по-прежнему пахло сигарами и несвежим кофе. Кравиц и он сели за пустой стол в глубине комнаты. Нортон собрался спросить о результатах вскрытия, но тут Кравиц нанес ему удар.

— Вы не были откровенны со мной, мистер Нортон.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорил с Россом, журналистом. Почему вы не сказали мне, что он видел мисс Хендрикс с Эдом Мерфи?

— Мерфи отрицал это. Росс отказался от своих слов. И я решил, что он обознался.

— Мистер Нортон, советую ничего не решать. Вам известно, чем грозит утаивание сведений.

— Вы правы. Об этом нужно было упомянуть.

— А о поездке в Калифорнию нужно было упомянуть? Или вы решили, что меня это не заинтересует?

— Я не обязан докладывать вам о каждом своем шаге, сержант. Решение поехать туда пришло как-то вдруг. Узнав, что тот дом принадлежит Джеффу Филдсу, я захотел расспросить его. Разговор у нас был коротким. Он сказал, что Донна попросила разрешения пожить там, и он ей позволил. Утверждал, что не знает, зачем она отправилась в Вашингтон. Вот и все.

— А Кармел?

— Я говорил с Гарри Ноланом, стариком сенатором, жившим по соседству с Донной. Он почти ничего не сказал.

Да, почти ничего... кроме этой маленькой детали, что новоизбранный президент навещал Донну в Кармеле за несколько дней до принятия присяги. Нортон просмотрел газеты за ту неделю. Официально Уитмор плавал на яхте со своим другом-миллионером. Но пусть Кравиц выясняет это сам.

— Сержант, можно спросить вас кое о чем?

— Спрашивайте.

— Вы, кажется, близки к завершению дела. Я понимаю, вы ничего не можете сказать официально, но у меня есть сведения, что вы собираетесь арестовать парня из винной лавки.

— Мистер Нортон, не знаю, где вы черпаете сведения, но советую помалкивать, пока парень не арестован.

Нортон растерялся. Либо у Стоуна были неверные сведения, либо Кравиц лгал.

— Чем вы располагаете против этого парня, сержант?

— Я не буду говорить об уликах, мистер Нортон. Еще вопросы есть?

Нортон заколебался. Он чуть было не забыл, зачем приехал. Все это дело было каким-то непонятным. Он жалел, что снова ввязался в него из-за какого-то психа.

— Да, сержант. Скажите, можно взглянуть на протокол вскрытия?

— Зачем?

— Просто из любопытства. У вас есть копия?

— Нет,— солгал Кравиц.— Но основное могу вам сказать. Вы знаете, от чего она скончалась. Последствия удара головой о кофейный столик. Пьяной она не была. Ее не изнасиловали, сношений с мужчиной не имела. Здоровье у нее было прекрасным. Вскрытие обнаружило лишь один любопытный факт, мистер Нортон.

Нортон понял, что его провели; ему стало любопытно, что последует дальше.

— Что именно, сержант?

— Мисс Хендрикс была беременна три месяца.

Однажды во время бейсбольного матча Нортон повернулся к зрителям, чтобы подмигнуть капитану болельщиков, и мяч угодил ему в переносицу. То же самое он ощутил теперь. Внезапный удар пришелся между глаз, оглушил, ослепил. Донна была беременна три месяца! Значит, это середина января, значит, это Уитмор, и дело менялось полностью. Этот гад наградил ее ребенком, она приехала повидать его и...

— Вы, кажется, удивлены, мистер Нортон?

— Конечно, удивлен.

— Не представляете, кто этот мужчина?

— Нет.

— Мистер Нортон, вы что-то скрываете. Почему не быть со мной откровенным? Если вы действительно любили ее, почему не помочь найти убийцу?

Нортон хотел бы помочь. Хотел бы рассказать Кравицу все. Этот мерзавец Уитмор сделал ей ребенка, а потом умыл руки, и если не сам убил

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—19.

ее, то знал кто. С одной стороны, Нортону казалось, что это так. С другой — полной уверенности не было, и не хотелось выдвигать подобное обвинение против президента. Он вспомнил о старом сенаторе Гарри Нолане. Если полиция обращалась к нему и он рассказал о январской встрече, то следствие двинется в нужном направлении. Нортон надеялся на это. Покрывать Уитмора он не собирался. К черту. Пусть его хоть вынесут из города на шесте. Но пока есть какие-то сомнения, быть ответственным за компрометацию президента он не хотел.

— Вы не говорили с сенатором Ноланом? — спросил он.— Они с Донной были добрыми друзьями. Он может знать, кто был у нее в январе.

— Его не оказалось дома,— ответил Кравиц.— Дозвонились мы ему только вчера вечером. Сегодня наш человек собирался поговорить с ним.

— Хорошо,— сказал Нортон.— Простите, сержант. Я... неважно себя чувствую.

Кравиц, пожав плечами, отпустил его. Нортон неуверенно вышел, миновал в коридоре двух плачущих негритянок и спустился на лифте в вестибюль. Наконец-то все прояснилось. Сукин сын Уитмор, подлый сукин сын. Нортон дал себе слово докопаться до дна. И не рассчитывал, что это за него сделает полиция. Ему нужна была помощь, но не от полицейских. Он отыскал телефон-автомат и позвонил в вашингтонскую редакцию чикагской газеты «Уорлд». Гейб Пинкус сказал, чтобы он ехал немедленно.

16

Вашингтонская редакция чикагской «Уорлд» отличалась спокойным изяществом, которое чаще встречается в юридических учреждениях, чем в редакциях. Когда секретарша приемной, молодая негритянка, проводила Нортона к столу Гейба Пинкуса — ибо нельзя же прямо так входить в редакцию,— то неизящно выглядел только сам Гейб Пинкус. Все столы были аккуратными, их владельцы манерно одетыми, но стол Гейба походил на мусорную кучу, и Гейб среди этого беспорядка казался в своей стихии. Галстук его был не по моде узким, а воротник рубашки сильно потерт. Старый твидовый пиджак был разорван на плече, брюки хаки заляпаны чем-то красным (Нортон надеялся, что краской), на правом ботинке отставала подметка, и оттуда торчали пальцы. Чтобы все проходящие могли созерцать их, Гейб водрузил ноги на пишущую машинку. Он вел громкий разговор по телефону.

— Послушайте, господин министр, оставьте свою чушь и ответьте на мой вопрос. То есть как не подлежит оглашению? Я пишу статью и советую вам незамедлительно огласить это ради своего же блага. Ладно, в таком случае идите к черту!

Гейб швырнул трубку и подмигнул Нортону.

— Пусть этот тип поерзает,— сказал он.— Слушай, ленч в «Сан-Суси» тебя устроит?

— А нас туда пустят?

— Последнему из щедро дающих чаевые двери всюду открыты. Эти типы не платят мне, чего я стою, и я восполняю разницу расходами на деловые нужды. После процесса Харригена я потащил на ленч всех присяжных. Редакции это обошлось в восемьсот долларов, но оно того стоило. Если бы эти типы не упекли Харригена, нам пришлось бы выложить двадцать миллионов по иску о клевете.

Похожий на биржевого маклера пожилой джентльмен за соседним столом, одетый в поношенный костюм фирмы «Брук бразерс», зажмурился и перекрестился. Гейб не обратил на него внимания и вышел из комнаты вместе с Нортоном. У самого выхода из чьего-то кабинета появился элегантный седовласый мужчина в отлично сшитом английском костюме, но, увидев Гейба, юркнул обратно. Гейб подмигнул Нортону и показал на торчащие пальцы ног.

— Мистер Щеголь не может спокойно видеть мою обувь,— сказал он.— Этот болван был бы рад меня уволить, но даже со своим умишком он понимает, что газете я нужнее, чем он.

В «Сан-Суси» метрдотель приветствовал Гейба с энтузиазмом, обычно приберегаемым для прибывших с визитом глав государств. Однако когда он предложил лучший столик в центре зала, Гейб покачал головой и настоял на столике у стены. Пока они шли по залу, всевозможные политические деятели приветственно махали рукой, хмурились, отворачивались, а один из помощников министра юстиции поднялся и ушел.

Молодой официант-француз спросил, что они будут пить.

— Мне «кровавую Мэри»,— сказал Нортон.

— Отличная мысль,— сказал Гейб.— Неси сразу четыре. Не придется ходить лишний раз.

Когда официант ушел, Гейб взял вазу с цветами и осмотрел ее, потом опустился на колени и заглянул под стол.

— Нужно проверить, нет ли микрофонов,— шепотом объяснил он.— Я никогда не сажусь за столик, который мне предлагают, но, возможно, микрофоны установлены повсюду. При официанте помалкивай. И говори потише, чтобы не слышали за соседним столиком.

Нортон украдкой глянул на соседний столик, где невинно болтали две пожилые дамы. Официант вернулся с четырьмя «кровавыми Мэри», а минуту спустя подошел какой-то маленький кудрявый человек и несколько минут болтал с Гейбом.

— Мелкий подонок,— сказал Гейб, когда тот вернулся к своему столику.

— Кто это такой?

— Джерри Винсенти. Не знаешь его? Работал в Белом доме. Теперь крупный лоббист.

— Не припоминаю.

— Расскажу тебе одну историю. Понимаешь, такого подлизы, как он, еще на свете не было. И однажды его обожаемый президент не поладил с членом кабинета по фамилии Харпер, тот считал себя слишком уж независимым. Не чле-

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ном команды. Президент вызывает Харпера и закатывает ему лекцию о преданности. Но Харпер, дурачок-профессор из колледжа, твердит, что не может его понять, что был вполне предан. В конце концов президент выходит из себя и вызывает своего верного слугу Джерри Винсенти.

— Джерри,— говорит он,— спал я с твоей женой до того, как ты женился на ней?

— Да, сэр, мистер президент,— гордо отвечает Джерри.

— Спал я с твоей женой после того, как ты женился на ней?

— Да, сэр, мистер президент,— снова отвечает Джерри и весь сияет при этом признании.

Тут наш славный лидер поворачивается к Харперу и говорит:

— Вот что я разумею под преданностью!

Нортон потряс головой.

— Невозможно поверить.

— Это истинная правда,— сказал Гейб.— Мне рассказывала любовница Харпера. Он был так потрясен, что покинул кабинет, после чего она покинула его.

Допивая вторые коктейли, они непринужденно болтали. Одно время в промежутке между браками Гейб встречался с подругой Донны, и они много времени проводили вчетвером. Гейб тогда был полицейским репортером, потом он понял, что, если обратит свое упорство на более высокие государственные сферы, результаты будут более эффектными. Теперь он носил на поясе скальпы сенаторов и членов кабинета, как другие репортеры «Уорлд» — ключики от входа в клуб «Фи Бета Каппа». Гейб поражал Нортона. У него был вид торговца подержанными автомобилями и мораль взломщика сейфов, однако ходили слухи — правда, Гейб яростно опровергал их,— что он изучал в колледже греческий язык и в свободное время переводит классиков. И все знали, что они со второй женой усыновили негритенка и сироту-вьетнамца.

Когда была подана еда — телятина для Нортона, морской окунь для Гейба — с бутылкой «монтраше» и официант удалился, репортер подался вперед и понизил голос:

— Что у тебя на уме, дружище?

— Донна.

— Я так и думал. Как, по-твоему, кто ее?..

— Не знаю. Возможно, грабитель. Я не хочу строить поспешные версии о заговоре.

— Почему? Обычно они бывают верными. Зачем она приезжала?

— Не знаю. Я слышал, она виделась с Эдом Мерфи.

— Понятно. Слушай, давай поговорим откровенно. Она связалась с Уитмором, так ведь?

Нортон в изумлении поглядел на Гейба.

— Откуда ты знаешь?

Репортер засмеялся.

— Я не знал, дурачок. Ты взял и сказал мне. Игрок в покер, должно быть, из тебя никудышный. Ну и что дальше?

— Роман у них завязался накануне предварительных выборов. Порвали они, очевидно, в июле, когда она уехала в Калифорнию. А может, и не порвали. Я слышал, Уитмор приезжал к ней в январе.

— Брось ходить вокруг да около. Она была беременна?

— Опять блефуешь, Гейб?

Репортер потряс головой.

— Это я узнал от одного из сотрудников коронера. Смотри. Он обрюхатил ее. Она приезжает сюда повидаться с ним. Хочет или денег, или чтобы он развелся с женой, или чего-то еще. А может, он хочет, чтобы она сделала аборт, или гарантий, что она будет помалкивать. У них начинается спор. Большой Чак выходит из себя. Бьет ее, она ударяется головой о столик, он поспешно сматывается, и начинается игра в прятки.

Полное лицо Гейба раскраснелось. Строить немыслимые предположения, а потом доказывать их истинность было его профессией.

— Возможно,— сказал Нортон.— Я старался не думать об этом. Не скажу, что Уитмор — самый безупречный человек на свете, но...

— Но что?

— Но он президент, черт возьми. Он старается принести какую-то пользу.

— Вздор! — гневно сказал Гейб Пинкус.— Слушай, дружище, он политик и, следовательно, головорез. Все они головорезы, что та шайка, что эта, и неважно, какая из них приходит к власти. Единственная разница в том, что одна чуть щедрее сорит чужими деньгами, а другая чуть получше одевается. Скажи, хочешь ты найти убийцу Донны или нет?

— Хочу,— сказал Нортон.— Кстати, все могло произойти именно так, как ты сказал.

— Конечно, могло. Убить ее мог и Эд Мерфи, и какой-нибудь воришка. Прежде всего я хотел бы знать, где Уитмор и Мерфи были в тот вечер.

— В тот вечер разгоняли демонстрантов, требующих работы,— сказал Нортон.— По официальным данным, Уитмор не покидал Белого дома.

— Он мог выбраться тайком,— сказал Гейб.— Сесть в лимузин на Ист-Экзекьютив авеню и укатить в темноту. На все эти лимузины никто не обращает внимания. Сиди в одном из них Гитлер — никто не заметил бы. Но я наведу справки. Кто-то должен был видеть — охранник, агент секретной службы, еще кто-нибудь.

— Гейб, в последнее время творятся странные вещи.

— Например?

— Люди отказываются от своих слов. Фил Росс сказал мне, что видел Донну с Эдом Мерфи, а после звонка Эда заявил, что обознался.

— Росс — трусишка,— резко сказал Гейб.— Никто из обозревателей и политических репортеров к этому делу и близко не сунется. Вся эта свора именовала Уотергейт «грабежом», а самые отчаянные из нас рисковали карьерой, докапываясь до правды. Из поведения Росса следует, что Мерфи откупился от него. Теперь ясно, откуда в последнее время он черпает сведения.

— Так повел себя не только Росс,— сказал Нортон.— Пит, бармен у Натана, говорил, что какой-то похожий на психа тип приходил и расспрашивал обо мне, но, когда я вернулся к этому разговору, у него случился провал в памяти. Гвен Бауэрс рассказывала об их романе, а вчера вечером ни с того ни с сего сказала, что, наверно, ошиблась.

Гейб пожал плечами и жестом показал официанту, чтобы тот принес вина.

— Пит—наркоман, следовательно, его нетрудно взять в оборот. И Гвен вряд ли такая уж стойкая. Знаменитостей иногда легче подкупить, чем обозревателей. Увидишь, она получит большую должность.

Они помолчали, пока официант не унес тарелки. Пожилые дамы все еще сидели за соседним столиком. Гейб, заметив, что одна смотрит в их сторону, так глянул на нее, что она покраснела и отвернулась.

— И на работе у меня тоже творится коечто,— сказал Нортон.— Недавно один человек в министерстве юстиции оказал мне любезность, но, когда я насел на Эда Мерфи, любезность внезапно была аннулирована.

— Это дело рук Мерфи.

— Видимо,— согласился Нортон.— Но самое странное, что меня вызвал Уит Стоун и вместо того, чтобы разозлиться, предложил замечательную новую должность. Оказалось, что он знал все о гибели Донны. Даже сказал мне, что полиция собирается арестовать парня, который обслуживал Донну в винной лавке. Но сегодня я говорил с Кравицем, полицейским, и он сказал, что парень под подозрением, но об аресте пока нет и речи. И я не могу понять, что происходит.

Гейб подался вперед, возбужденно блестя глазами.

— Я знаю, что происходит. Тебе изо всех сил заговаривают зубы. Уж не думаешь ли ты, что все это совпадение?

— Не знаю, Гейб.

— Знаешь, что самое любопытное в твоем рассказе?

— Что?

— История с Уитом Стоуном.

— Почему?

— Потому что твой выдающийся босс, светило американской адвокатуры, самый крупный мошенник в Вашингтоне. Этим сказано многое.

Нортон был поражен.

— Уит хитер, но, думаю, не хитрее доброго десятка других адвокатов с громкими именами. Конечно, он помог зарубить несколько хороших законопроектов...

— Я говорю не о законопроектах. О шантаже. Подслушивании телефонных разговоров. «Отбеленных» деньгах. Через него проходят крупные суммы от его друзей-корпоратистов к его друзьям-политикам, и он гребет свою долю обеими руками.

— Хорошо, Гейб, допустим, он мошенник. Какое отношение имеет это к Донне?

— Он пытался охладить твой пыл, так?

— Да.

— Знал об этом деле все, так?

— Знал многое.

— Почему? С какой стати Уиту Стоуну интересоваться делом об убийстве?

— Не знаю,— признался Нортон.

Гейб подался вперед, держа обеими руками чашечку кофе. Густые сливки оставили белый след на его верхней губе.

— Знаешь, чего больше всего хочется Уиту Стоуну?

— Чего?

— Стать министром юстиции.

— Ты шутишь?

— Какие там шутки! Нынешний болван не продержится и года, вот Стоун и хочет занять его место. Он может купить сколько нужно голосов и пройти через сенат. Главное ему — убедить Уитмора, чтобы тот выдвинул его и принял на себя нападки четырех-пяти сенаторов, знающих, что он за крыса. Вот и ищет, какую бы услугу оказать Белому дому, а охлаждение твоего пыла может оказаться очень большой услугой.

Было около трех часов, и ресторан почти опустел. Официанты крутились возле столика, и Гейб с подозрением посматривал на них.

— Слушай, Нортон, эта игра может оказаться очень трудной,— прошептал он.— Пока что они пытались только откупиться от тебя. Но Стоун может указать тебе на дверь, а Мерфи устроить так, что тебя ни одна юридическая фирма в Вашингтоне и не подпустит к двери. Вынесешь ты это?

— До конца, Гейб. Поэтому я и сижу с тобой. Вдвоем мы распутаем это дело.

Гейб пожевал спичку, глядя на Нортона, словно решаясь на что-то.

— Ладно,— сказал он наконец.— Буду откровенен с тобой. Дело секретное. Может, ты и не боишься Стоуна, но, если обманешь меня, я тебя уничтожу.

— Мне можно доверять, Гейб.

— Слушай, я постараюсь выяснить, кто убил Донну, но больше всего меня интересует, почему в это дело сунулся Уит Стоун. Я охочусь за этим гадом, и ты можешь помочь мне.

— Чем?

— Сам понимаешь, это между нами.

— Тебе что, дать расписку кровью?

— Разве у вашингтонских юристов есть кровь? — парировал Гейб. Потом перегнулся через столик и сложил руки рупором у рта, словно опасаясь, что кто-то невидимый прочтет сказанное по движениям губ.

— Нортон,— прошептал он,— слышал ты когда-нибудь о досье Гувера?

— О досье Гувера? Нет.

— Объяснить?

— Пожалуй, есть смысл.

— Ладно. Долгое время ходил слух, что после смерти старика осталось его личное досье. La creme de la creme[1]. В нем собраны материалы на всех. Хочешь знать, откуда Линдон получал деньги? Чем занималась Джеки в те выходные, когда якобы охотилась на лис? Какой выдающийся сенатор соблазнял мальчиков-посыльных? И это еще мелочи. Там есть сведения, способные потрясти всю страну.

— Например?

— Например, кто убил Кеннеди.

— Которого?

— И того, и другого. Слушай, если это дело не рук Гувера, то он знал, чьих. Все это есть в досье, дружище. Я знаю человека, который выложит за него миллион наличными, не задавая вопросов. А там еще можно будет поторговаться.

Нортон пристально поглядел на Пинкуса. В глазах у репортера был такой блеск, что Нортону вспомнился ищущий сокровища Сьерра-Мадре Фред Добб в исполнении Боггарта. Если б Нортон не знал Гейба, то счел бы его сумасшедшим. Но Гейб был премированным журналистом и, пожалуй, самым близким к политической реальности Америки человеком.

— Это серьезно? — спросил Нортон.— Или очередная вашингтонская сплетня?

— Гувер доверял лишь одному человеку в мире,— сказал Гейб.— Своему приятелю Зику Макгайру. И вот месяца два назад я пробился к нему в больничную палату. Выставил медсестер, поглядел в упор на него и говорю: «Зик, ты знаешь, что скоро умрешь, так? Но я даю тебе возможность, доступную далеко не всем. Написать свое надгробное слово». Он захлопал глазами, словно заинтересовался, и я сказал: «Зик, твое надгробное слово может прозвучать по-разному. Речь может пойти либо о сорокалетнем служении обществу и прочей ерунде, которую каждый мечтал бы иметь на первой странице «Уорлд» после смерти. Либо о том, что в течение последних двадцати лет ты получал два оклада: один, поменьше, от правительства, другой, побольше, от преступников». Зик побагровел и кое-как выдавил: «Чего вы хотите?» Я тут же заявил: «Досье Гувера».

Видел бы ты этого сукина сына! Затрясся весь, вспотел и, казалось, вот-вот загнется. Я напугал его, но он все еще страшился Шефа, боялся, что

[1] Самые сливки (фр.).

старина Дж. Эдгар спустится из Большой Небесной картотеки и отрежет ему кое-что, если он отдаст мне это досье. Поэтому я нажал на него. «Зик,— сказал я,— у меня есть на тебя документы. Чеки, письма, докладные, и если не отдашь мне досье, я опубликую их все. Ты войдешь в историю бо́льшим мошенником, чем президенты Грант, Гардинг и Никсон, вместе взятые». Тут Зик начал корчиться, пускать слюну, губы его задрожали, и в конце концов он выжал из себя: «Уит Стоун». Вот и все. Два слова. Потом застонал, шлепнулся на подушку, прибежали медсестры, и я ушел. Два часа спустя старина Зик был мертв. Бедняга. При близком знакомстве он оказался не таким уж плохим.

— Значит, ты не опубликовал чеки и письма? — спросил Нортон.

— Черт возьми, я же блефовал. Вошел с какими-то слухами, а вышел с ключом. Уит Стоун может владеть досье Гувера или хотя бы знать, где оно. По-моему, он хочет предложить его Уитмору в обмен на должность министра юстиции.

Нортон допил свой кофе. Они были единственными посетителями в ресторане, не считая сидевших у двери двух мужчин в синих костюмах.

— Но зачем Стоуну досье Гувера? — спросил Нортон.— Если только оно существует.

— Потому что это злобный сукин сын, вот зачем. Если я составлю список десяти самых грязных мерзавцев в Вашингтоне, он будет единственным частным лицом. Остальных послали сюда избиратели раскрывать людские грешки, но Стоун делает это из удовольствия, ему это нравится. Вот что, дружище, кое-кто из нас пытается спасти эту страну, и спасать ее надо от таких гадов, как он!

— Слушай, Гейб, к чему ты клонишь? Чем я должен помочь тебе?

— Помоги мне пробраться в кабинет Стоуна,— прошептал Гейб.— Возможно, он хранит досье Гувера в сейфе.

— Гейб, иногда это называется взломом.

— Брось! — огрызнулся Гейб.— Мы имеем дело с подонками. Они лгут, набивают карманы, затевают никому не нужные войны, а после этого ходят по воскресеньям в церковь с американским флажком в петлице. Хочешь узнать, кто убил твою подружку? Поверь, обладателю досье Гувера это известно. В дополнение ко всему прочему. Ну как, со мной ты или нет?

— С тобой,— ответил Нортон.— Что дальше?

— Не предпринимай ничего, пока я не позвоню. Будь осторожен со Стоуном и Эдом Мерфи. Пусть думают, что ты играешь в их игру. Но ухо держи востро. Если будут еще «странные совпадения», дай мне знать.

Гейб подозвал официанта и взял счет. С него причиталось пятьдесят пять долларов. Гейб добавил двадцать на чай и попросил копию счета.

— Я забыл сказать тебе кое-что,— сказал Нортон.

— Что именно?

— Я ездил в Кармел и говорил с тем старым сенатором, Гарри Ноланом, другом Донны. Он сказал мне, что Уитмор приезжал к ней туда перед самой инаугурацией.

— И отметил это событие, наградив Донну ребенком.

— Видишь ли, я умолчал об этом в полиции. Но Кравиц сказал, что они послали туда человека, он должен сегодня увидеться с Ноланом, и, если сенатор расскажет о приезде Уитмора, дело завертится быстро.

Гейб закусил губу.

— Боюсь, сенатор ничего не расскажет,— неторопливо сказал он.

— Почему?

— Подожди минутку,— сказал Гейб и подозвал одного из официантов.

— Сбегай на угол, принеси последний выпуск «Стар»,— приказал он, и официант бросился к выходу.

— Это еще зачем?

— Подожди, подожди,— сказал Гейб.— Видишь тех двоих у двери?

— Кто они?

— Следят за мной. Отличное задание. Каждый день едят в лучших ресторанах за счет налогоплательщиков.

Официант бегом вернулся с газетой. Гейб дал ему доллар и начал листать страницы.

— Да, все верно,— сказал он наконец.— Помнится, я что-то видел на телеграфе, но мне хотелось убедиться.

Он протянул газету Нортону. Раскрыта она была на странице некрологов. Нортон сперва увидел на фотографии знакомое лицо, затем подпись под ней: «Отставной сенатор Нолан. Разбился при падении. Служил в 1933—1953 гг.».

— О господи,— прошептал Нортон.

— Вот тебе еще одно «странное совпадение»,— сказал Гейб, икнул и направился к двери.

17

Этот снятый тайком фильм был шедевром среди прочих: на экране сенатор Рипли входил в неряшливую маленькую квартиру, одарял своей знаменитой улыбкой Венди, потом с минуту тискал ее. Она высвободилась, опустила шторы, оба торопливо разделись и улеглись на большую кровать.

Та Венди, что смотрела фильм вместе с Риддлом, была в своих обычных джинсах и свитере. Та, что на экране,— только в черной маске. Ее Венди надела по собственному почину в надежде стать неузнаваемой и таким образом избежать неприятностей, которые мог повлечь за собой этот необычный фильм, где она играла одну из главных ролей. Внушить сенатору, что маска в таких делах служит отличным возбуждающим средством, оказалось нетрудно. Рипли был покладистым, не особенно догадливым человеком лет сорока с небольшим, молодая, умная женщина могла уверить его почти в чем угодно. Те, кто надеялся сделать Рипли президентом, знали это и старались всеми силами оберегать его от молодых, умных женщин.

Но они не принимали во внимание Байрона Риддла.

Найти Венди было первым и самым легким делом. Профессионалка не подошла бы для этой задачи, так как Рипли нравились молодые, невинного вида женщины. И Риддл стал разъезжать по местным студенческим городкам. Однажды вечером он попал на собрание группы, именуемой «Защитники американской свободы», и там увидел Венди, она говорила о привлечении к ответственности Байрона Уайта. После собрания Риддл пригласил ее выпить кофе, представился как доктор Горацио Грин, психолог по профессии и приверженец конституции по убеждениям. Венди любила поговорить о политике, и выяснилось, что она ненавидит Донована Рипли. «Я пойду на все, чтобы не пустить его в президенты»,— сказала она, и так началась операция «Красный глаз».

Следующей, гораздо более сложной задачей было проникнуть за стену охраны вокруг Рипли. Единственное, что сенатор любил больше служения своим согражданам,— это соблазнять жен, дочерей, матерей и сестер своих сограждан. Однако он опасался ловушки, шантажа или скандала и выбирал партнерш с величайшей осторожностью. Он набрал себе в штат молодых женщин, лояльность которых не вызывала сомнений, большей частью это были дочери его политических советников. И когда Риддл послал Венди к нему поговорить насчет работы, ей пришлось спасаться от них бегством. Но тут на Риддла нашло вдохновение. Он подыскал Венди работу в сенате рядом с кабинетом Рипли, рассчитывая, что зоркий взгляд сенатора довершит остальное. Так и вышло. На первой же неделе он подмигнул Венди в коридоре, на другой пригласил немного поболтать, а на следующий вечер состоялся его дебют в кино.

— Гад,— пробормотала Венди, глядя на экран.

— Ты была бесподобна,— сказал ей Риддл.

На экране сенатор поглядел на часы, поднялся, быстро оделся и, развязно помахав рукой, вышел.

— Прекрасно,— сказал Риддл.— Отличная штука.

— Вы заплатите мне сейчас? — спросила Венди.— Сегодня у меня занятия.

— Конечно, малышка,— ответил Риддл. Он включил свет, вынул бумажник и отсчитал десять хрустящих стодолларовых бумажек.

— Я добавил еще небольшую премию,— сказал он.— Только помни, никому ни слова. Не ставь под угрозу нашу операцию.

— За меня не волнуйтесь, доктор Грин,— сказала Венди.— Послушайте, он хочет встретиться со мной в воскресенье после церковной службы. Можно?

— Нет,— сказал Риддл.— Твоя миссия завершена. Бросай работу и возвращайся в колледж.

— Знаете, на меня поглядывал еще кое-кто из сенаторов.

— Забудь об этом,— резко сказал Риддл.

— Хорошо,—ответила Венди.—Скажите, а можно узнать, что вы собираетесь делать с этой пленкой? Ее не покажут в ближайшем кинотеатре?

— Не будь любопытной,— сказал Риддл.— Получила свои деньги, теперь помалкивай.

Он так поглядел, что у его собеседницы похолодела кровь. Сумасшедший тип, подумала она. То тихий, то грозный, как в шпионском фильме.

— Я никому ничего не скажу,—пообещала Венди.— Единственное мое желание — не пустить этого дегенерата в президенты.

— Свое дело ты сделала, малышка.

— Послушайте, не могли бы мы как-нибудь встретиться? — робко спросила она.— Поговорить о политике, о том, о сем?

— Извини, Венди, сейчас мне нужно скрываться,— сказал Риддл.— Пока, малышка.

— До свиданья, доктор Грин. Спасибо за все. Сдержав слезы, она выбежала из комнаты.

После ее ухода Риддл снял курчавый белокурый парик, сел на диван и погрузился в раздумья. Венди задала справедливый вопрос: что делать с пленкой? Приближалась самая опасная, самая сложная часть операции.

Доновану Рипли уже не бывать президентом, это ясно. Но частности были очень проблематичными и очень важными для дальнейшей карьеры Риддла. Будь его целью только убрать Рипли из политической жизни, было бы достаточно отправить сенатору копию фильма с запиской, что, если он не подаст в отставку к такому-то числу, другие копии станут достоянием общественности. У Рипли не осталось бы выбора. Ему пришлось бы объявить по телевидению, что состояние его здоровья, или здоровья жены, или еще какая-то причина вынуждает его уйти из сената и навсегда прекратить политическую деятельность. Единственной альтернативой было бы найти и убить владельца пленки, а Риддл был уверен, что его не отыщут. Венди могли найти, могли пытать, но она не знала ни настоящей его фамилии, ни адреса, ни внешности, потому что перед ней он появлялся в парике и контактных линзах.

Конечно, можно бы пустить в ход этот фильм, не предлагая Рипли уйти в отставку. Ему все равно придется уходить, а какое было б удовольствие видеть этого болвана опозоренным! Риддл не раз подумывал о том, как показать этот фильм публике. Он с восторгом прочел, как техники телестудии показали по кабельной сети (случайно, как они утверждали впоследствии) порнографический фильм. Показать бы постельные подвиги Рипли в перерыве кубкового матча. Задача непростая — пришлось бы захватить телестудию,— но игра стоила бы свеч.

Однако праздные мысли праздными мыслями, но нужно было обдумать и серьезные дела. Например, денежные. Этот фильм стоил миллион долларов. Сенатор Рипли, разумеется, выложил бы эту сумму, и, несомненно, нашлись бы люди, которые заплатили бы бо́льшую цену. Можно было б взять деньги, уехать в Испанию или Доминиканскую Республику и жить как король, но Риддл стремился к большему. Он хотел служить своей стране. И притом на единственной в своем роде должности.

Байрон Риддл метил в директора ЦРУ.

Пробиться на эту должность нелегко. Обычно ее дают банкирам, уолл-стритовским юристам и прочим большим шишкам, а не бедным парням, рисковавшим жизнью в траншеях. Но теперь дела обстояли иначе; у него была пленка, крупнейший козырь в этой игре. Вопрос заключался в том, как действовать дальше. Можно было б обратиться прямо к Эду Мерфи, но как Эд поведет себя, неизвестно. Слишком велик риск. Лучше для начала поговорить с Уитом Стоуном; Уит — умный человек, едва ли не самый умный в городе. Может, они сторковались бы с некоторыми лидерами конгресса, вполне способными сделать директором того, кто выжил Рипли из политики.

Но, как бы ни решился политический аспект, еще должна быть рекламная кампания. Необходимо будет подать себя, создать образ человека, подходящего для этой должности. Нужно все тщательно продумать. Может, сперва ему достанется должность поменьше, например, заместителя директора. Потом можно начинать рекламную кампанию. Можно выпустить биографию, повествующую о его подлинных и вымышленных заслугах. Придется выступать на слушаниях конгресса и появляться на «Встречах с прессой». «Таймс» может опубликовать нужную статью, давний коллега работает там старшим редактором, на него можно рассчитывать. Такая реклама, хорошая поддержка из конгресса и Белого дома — и через год можно стать директором. Байрон Риддл был в этом уверен. Он тяжело трудился много лет, многим пожертвовал, и теперь пора получить вознаграждение. Время настало. Управлению нужен смелый, бдительный человек, и этим человеком был Байрон Риддл.

Он встал с дивана, вынул пленку из проектора, положил в портфель, проверил пистолет и с улыбкой вышел из квартиры. Байрон Риддл обретал покой.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

"АНГЛЕТЕР": ЭМОЦИИ И ФАКТЫ

Потому что и по сей день дежурят на площади ребята из группы «Спасение», заявляя, что останутся здесь до тех пор, пока не будет создана правительственная комиссия по расследованию обстоятельств сноса исторического здания. И до сих пор в освещении недавних событий на Исаакиевской нередко преобладают эмоции, а те, кто принял на себя всю полноту ответственности за столь взрывоопасное решение, обвиняются в варварстве, в безответственном отношении к культурному наследию великого города.

Попробуем разобраться в ситуации, взглянув на нее глазами людей, радеющих, в общем, об одном, но волею обстоятельств оказавшихся по разные стороны.

КТО ЗА ЭТО ОТВЕТИТ!

(Из дневника Т. Лихановой, члена группы «Спасение»)

Понедельник, 16 марта.

С семи утра возле «Англетера» дежурит наша «группа спасения». Опять появились основания для беспокойства — рабочие стройки сообщили, что с десяти начнутся работы по сносу. Народ прибывает, появляется все больше плакатов и транспарантов в защиту дома; прибывают и отряды милиции.

Примерно в двенадцать приехал начальник строительства. Он пытался объяснить, что здание сохранить невозможно: прогнили деревянные конструкции, так называемые «лежни» фундамента. Говорит, отечественные технологии не позволяют закрепить или заменить их. Единственно возможное решение — снести все, а потом сделать копию. Уже не верю. Во-первых, потому, что не хочу верить — никакая бездушная копия не заменит нам памятника. Но это, конечно, от сердца и необъективно. А во-вторых, знаю, что возможности для сохранения не может не быть — специалисты Ленжилпроекта объясняли, что есть масса инженерных и технических способов сохранения здания даже при таком состоянии. В частности, кафедра инженерно-строительного института занимается вопросами укрепления фундаментов, и решений для подобных задач у них имеется множество — например, бетонирование именно таких конструкций. Это уже объективно.

Появилась бригада рабочих. Объяснили, что только получили задание — приступить к ломке дома.

— Да здесь же начальник ваш был, гарантировал, что в ближайшие дни никаких работ не будет вестись по сносу!

— Ну звоните ему, подождем. Нам-то приказали.

Звоним. Вызываем. Приезжает опять. Но уже ничего не объясняет. Переговорил с рабочими, уехал. Те стали рыть что-то вокруг — говорят, для прокладки новых кабелей. Народ еще меньше верит в то, что дом не будет снесен. Предлагают собрать подписи для телеграмм в Москву.

На заборе уже много плакатов-призывов к рабочим не потворствовать нарушению закона, прекратить работы, не уничтожать нашу культуру, и последние строки Есенина, написанные здесь перед тем роковым часом, когда его не стало, и наши стихи — боль за судьбу города. Рядом — стенд группы спасения историко-культурных памятников Ленинграда (молодежной общественной организации, вошедшей прошлой осенью в Центр творческой инициативы и уже известной по увенчавшейся успехом борьбе за сохранение дома Дельвига). На этом стенде — устав, цели и задачи группы, рассказ о разрушениях последних лет и о сегодняшних «болевых точках» города. Здесь же лист метр на полтора, который к середине дня весь был заполнен подписями ленинградцев, требующих сохранения «Англетера». Впрочем, не только ленинградцев. Рядом плакат москвичей: «Артисты Москвы вас поддерживают. Мы протестуем вместе с вами!»

Ну и, конечно, текст статьи 19 Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» — именно ее нарушают, ломая этот дом без разрешения Министерства культуры.

Народу становится все больше и больше. Нас уже около пятисот. Появились и первые провокаторы.

Мы постарались их урезонить, плакаты нехорошие сами сняли, милицию требовали уважать и даже табличку на заборе повесили: «Товарищи! Не вступайте в конфликты с милицией!» Сомневающихся переубедили.

Уверены, нас поймут и поддержат.

Вторник, 17 марта.

Вчера приехала среди ночи домой, рисовала плакаты. В восемь утра позвонили с площади — рабочие начали долбить стены. Около десяти приходил начальник городской инспекции по охране памятников И. П. Саутов.

Говорит, сделать ничего нельзя! Хотя, если бы не было нужды переоборудовать «Англетер» согласно претензиям «Интуриста», гостиница простояла бы еще 100, а то и 200 лет.

Пока с Саутовым беседовали, рабочие кусок стены отколупнули снизу — примерно метр в высоту и три-четыре в длину.

Кинохроника приезжала, телевидение. Снимали, говорили с нами. Правда, ни те, ни другие не уверены, что показ состоится.

— Люди! Машины едут на стройку! Не пропустим, не дадим ломать!

Все ринулись к воротам, закрыли их собой.

Распределились, кто в какие часы будет дежурить ночью; оставались люди целыми семьями, с детьми.

Около шести вечера несколько наших представителей отправились в исполком. Беседовали с помощником зам. предисполкома Л. И. Загоровской. Сначала пытались нас, как дилетантов, подавить профессиональным знанием дела, но это у них не получилось — председатель группы спасения Алексей Ковалев, оказалось, имеет полную информацию о технической возможности сохранения здания и нарушениях закона, которые исполком совершает, санкционируя ведение разрушительных работ. Договориться ни о чем не удалось.

...Сегодня собрали еще около 800 подписей.

Среда, 18 марта.

Позвонили в полдевятого. Сообщили, что нас к 10 утра пригласили для беседы с председателем Ленгорисполкома Ходыревым. Подивилась этому чуду, приехала. Принимал нас, правда, не Ходырев, а его заместитель — Б. А. Суровцев. На пороге дружелюбно улыбался, жал нам руки, рассаживал заботливо, добродушно пошучивал. Представил собравшихся в его кабинете — зам. предисполкома В. И. Матвиенко, помощник зам. предисполкома Л. И. Загоровская, начальник ГИОП И. П. Саутов, главный архитектор города С. И. Соколов, автор проекта «реконструкции» «Астории», главный редактор газеты «Смена», представители ГК ВЛКСМ.

Сначала долго говорили о проекте, показывали нам чертежи и фотоснимки. Говорили, что конструкции изжили себя, поэтому необходим снос — была экспертиза.

Мы позволили себе усомниться в объективности заключения экспертов. Нас обвинили в некорректности. Мы

...СЕГОДНЯ ОТ ЭТОГО СПОРА ОСТАЛАСЬ ЛИШЬ ГРУДА СТРОИТЕЛЬНОГО МУСОРА. И ЗИЯЮЩАЯ БЕЗОБРАЗНАЯ ДЫРА В БЕЗУКОРИЗНЕННОМ НЕКОГДА АНСАМБЛЕ ИСААКИЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ — НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ЕЩЕ НЕДАВНО СТОЯЛ «АНГЛЕТЕР» — ГОСТИНИЦА, В ОДНОМ ИЗ НОМЕРОВ КОТОРОЙ ТРАГИЧЕСКИ ОБОРВАЛАСЬ ЖИЗНЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА. БУРЮ ВОЗМУЩЕНИЯ, СТИХИЙНЫЕ МИТИНГИ МОЛОДЕЖИ ВЫЗВАЛО РЕШЕНИЕ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ СНЕСТИ ОДРЯХЛЕВШЕЕ ЗДАНИЕ И ПОСТРОИТЬ НА ЕГО МЕСТЕ НОВОЕ. И ХОТЯ СПОРЫ ЗАКОНЧИЛИСЬ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ ПОБЕДОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И ДЕЛО УЖЕ, КАК ГОВОРИТСЯ, СДЕЛАНО, ТОЧКУ В ЭТОЙ ИСТОРИИ СТАВИТЬ РАНО.

попытались возражать: это не первый случай подтасовки фактов. Конкретный пример — дом 17 на улице Марата. Заключение Ленжилпроекта: здание в аварийном состоянии, конструкции изжили себя, деревянные балки прогнили, сохранено быть не может. После того как дом отдали объединению «Реставратор» — нашлись и средства, и возможности для его реставрации. Теперь этот особняк сверкает, как игрушечка.

Беседовали около трех часов: о гласности в градостроительной политике, о конкурсах, которые, по нашему мнению, необходимы для всех проектов в исторических районах, об участии общественности в их обсуждении.

В общем, утомленные этой затянувшейся витиеватой беседой, мы покинули здание исполкома и поспешили на площадь. Стены у дома уже были подрублены с другой стороны, народу собралось больше тысячи — твердых «борцов» и примерно столько же сочувствующих и глазеющих. Ковалев рассказал народу об итогах нашей беседы и заявил, что мы должны обращаться к строителям, и если они в течение получаса не прекратят работы, мы вынуждены будем встать на защиту «Англетера». Люди бурно поддержали его и сказали, что встанут у стен дома, если посмеют его ломать...

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО!

С. Соколов, главный архитектор Ленинграда.

В день открытия XX съезда ВЛКСМ по Ленинградскому телевидению была показана молодежная программа «Контуры». Откровенный разговор о проблемах сохранения памятников архитектуры Ленинграда. Речь в ней шла, естественно, и о событиях вокруг «Англетера». В ходе дискуссии мне, в частности, пришлось выслушать некоторые колкости со стороны одного литератора, работающего в Пушкинском Доме. Высказывания его были безапелляционные и базировались на том, что он представляет «народ» — простых ленинградцев, имеющих право на собственное мнение по всем, в том числе и архитектурным вопросам.

Кто же с этим спорит. Но вот что любопытно: когда я попросил уважаемого оппонента прислать мне для рецензии его новую рукопись, чтобы и я как «народ», то бишь рядовой читатель, внес в нее свои коррективы, он искренне удивился: «Но вы же не специалист!» И в просьбе отказал.

Не обижаюсь и понимаю: каждый ревностно относится к своему делу и справедливо желает, чтобы о нем судили профессионально. Ну а как быть нам — архитекторам, реставраторам, каждый шаг которых придирчиво оценивают тысячи и тысячи людей, зачастую весьма мало знакомых со спецификой, сложностями нашего труда? Критиковать нас легко, поводов к тому можно отыскать немало, однако в случае с «Англетером» давайте призовем на помощь логику и зададимся элементарным вопросом: кому из людей, ответственных за сохранение неповторимой красоты Ленинграда, захотелось вдруг геростратовой славы?

Увы, время берет свое, оно властно и над бронзой, и над камнем. Очень точно названа хорошая лента ленинградского документалиста В. Матвеевой «Живите в доме, и не рухнет дом». В нем, кстати, рассказывается и о группе «Мир» не на словах — руками участвовавшей в восстановлении пушкинского мемориала на Мойке, 12. Но, согласитесь, жить все-таки лучше в доме с удобствами. Особенно если это гостиница, уровень комфортабельности которой в немалой степени определяет первые впечатления гостей о нашем городе. А комплекс «Астории» (в который входило также здание бывшего «Англетера» и дома № 22 по ул. Гоголя) современным требованиям никак не соответствовал.

Небольшая историческая справка. Собственно «Астория» построена в 1913 году по проекту известного архитектора Ф. И. Лидваля и является памятником архитектуры местного значения. Соседствующее с ним здание «Англетера» существовало (как трехэтажное, каменное) с конца XVIII века. В XIX веке неоднократно перестраивалось. Знакомый нам облик окончательно обрело в ходе капитального ремонта, проведенного в 1912 году. После печально известных событий 1925 года, связанных с именем С. Есенина, трижды реконструировалось. Номер, где жил поэт, не сохранился. «Англетер», равно как и дом № 22, возведенный в первой четверти XIX века, к числу памятников никоим образом не относится.

Можно ли было сохранить их в первозданном виде (хотя тут же возникает вопрос: на облик какого века следует ориентироваться)? Полагаю, что можно — современная наука и техника позволяют творить буквально чудеса. Вот только обходятся они страшно дорого, требуют очень много труда и времени. А малыми затратами в данном случае никак не обойтись. По заключению института «Ленжилпроект», выполненному в 1981 году, вышеупомянутые дома находятся в аварийном состоянии: прогнили деревянные перекрытия, многочисленные переделки ослабили несущую способность стен первого этажа. Существующие отметки тротуара поднялись выше слоя гидроизоляции, отделяющей стены от фундамента, — началась инфильтрация влаги в конструкцию стен. По данным Ленинградского инженерно-строительного института, прочность кирпичей, взятых из простенков первого этажа, в 4—7 раз ниже нормативной. К тому же «Англетер» — это, по сути, малоприспособленное для нормальной жизни общежитие, узкий корпус которого во всех случаях не позволял построить удобную по планировке гостиницу.

Тем не менее варианты, щадящие капитальные стены, рассматривались неоднократно. Увы, расчеты однозначно показали: это лишено всякого смысла.

Теперь о правовой стороне вопроса. Все три здания входят в объединенную охранную зону исторического центра Ленинграда. Она была разработана по инициативе ленинградских архитекторов и утверждена Ленгорисполкомом в 1969 году, задолго до выхода Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и последующего за ним аналогичного Закона РСФСР. Согласно им, производство строительных работ в охранных зонах выполняется по разрешению государственных органов охраны памятников истории и культуры. В нашем городе таким специально уполномоченным органом Министерства культуры РСФСР по положению является Главное управление культуры Ленгорисполкома. Намеренно подчеркиваю это, так как в публикациях некоторых газет было заявлено, будто позицией этого управления не поинтересовались, а оно, мол, не дало бы согласия на снос «Англетера». Нет, дало, удостоверив разрешение на разборку подписью начальника главка. По заключению прокурора Ленинграда, юристов города действия Ленгорисполкома в данном случае были признаны правомерными, не нарушающими действующего законодательства.

Спрашивают нас и о том, почему вдруг возникла такая спешка со сносом, разве нельзя было повременить.

Разработка проекта реконструкции гостиницы «Астория» началась еще в 1975 году. Однако из-за отсутствия средств у «Интуриста» реализация его затянулась почти на двенадцать лет.

Согласно контракту, заключенному с финской фирмой «Перусюхтюмя», передача стройплощадки была назначена на 1 июня 1987 года. По существующим же нормативам на разборку здания «Англетера» и полную подготовку площадки требуется семь месяцев. И по логике работы следовало начинать еще в прошлом году. Однако из-за задержки с заключением контракта, а также в связи с затянувшимся расселением окружающих домов, вызванным требованиями расселяемых, сроки были упущены.

Еще в декабре в исполкоме было проведено совещание, на котором заинтересованным ведомствам предписывалось принять все меры, чтобы вовремя подготовить для фирмы пятно застройки. В противном случае нам пришлось бы уплатить неустойку в размере до полутора миллионов рублей в инвалюте.

Имеющийся опыт сотрудничества с финскими строителями позволяет утверждать, что обновленный комплекс «Астории», который примет первых посетителей уже в августе 1989 года, будет отвечать самым высоким международным требованиям. При этом общий вид Исаакиевской площади, столь хорошо известный ленинградцам и гостям нашего города, полностью сохранится. Что касается «Англетера», то его фасад приведут в соответствие с архивными авторскими чертежами. Фасад дома 22 по улице Гоголя будет воссоздан по обмерным чертежам старого здания. Будут сохранены и отреставрированы старинные балконные решетки, парадные двери, воспроизведены лепные украшения, воссозданы утраченные чугунные козырьки. Целесообразно установить на фасаде мемориальную доску в память С. Есенина, которой прежде не было.

Замечу, что проектные предложения по реставрации комплекса подробно освещались в пятом номере журнала «Архитектура и строительство Ленинграда» за 1979 год. 4 февраля 1987 года «Вечерний Ленинград» опубликовал беседу своего корреспондента с директором «Астории», где излагались перспективы реконструкции комплекса. 17 марта (к сожалению, с двухнедельной задержкой) «Ленинградская правда» поместила и мою статью с фотографией будущего комплекса «Астории». Так что ленинградцам, серьезно интересующимся проблемами исторического центра города, эта тема, полагаю, достаточно хорошо и давно знакома.

Ну а что сказать о тех, кто пришел протестовать на Исаакиевскую? Хотелось бы верить, что все они действительно серьезно озабочены судьбой исторических памятников и на площадь их привело искреннее желание помочь общему делу.

Но как бы там ни сложилось в дальнейшем, сегодняшнее шумное, скажем так, внимание к «Англетеру» — хороший урок для нас, профессионалов. Мы никогда не отказывались от контактов с прессой, но редко сами проявляли активность в том, чтобы заранее подробно информировать население о том, что собираемся строить, сносить, реставрировать. Не исключением — правилом должны стать систематическое обсуждение важнейших градостроительных задач, широкие дискуссии, в ходе которых будут получать путевку в жизнь решения, получившие признание общественности.

Да, нам всем надо учиться работать в условиях гласности. Исполком Ленсовета делает вывод из случившегося. Уже решено, в частности, что в Доме архитектора откроется постоянно действующая выставка, где будут представлены проекты реконструкции зданий центра. Обо всех новых решениях, касающихся реконструкции зданий старой застройки, будет заблаговременно сообщаться и на страницах ленинградских газет, по радио и телевидению.

МНЕНИЕ ЖУРНАЛИСТА

К сказанному остается добавить, что бюро обкома КПСС, обсудившее состояние дел с охраной и реконструкцией памятников истории и культуры Ленинграда, указало руководству исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов на необходимость коренной перестройки стиля и методов работы, широкого привлечения общественности к решению вопросов экономического и социального развития города.

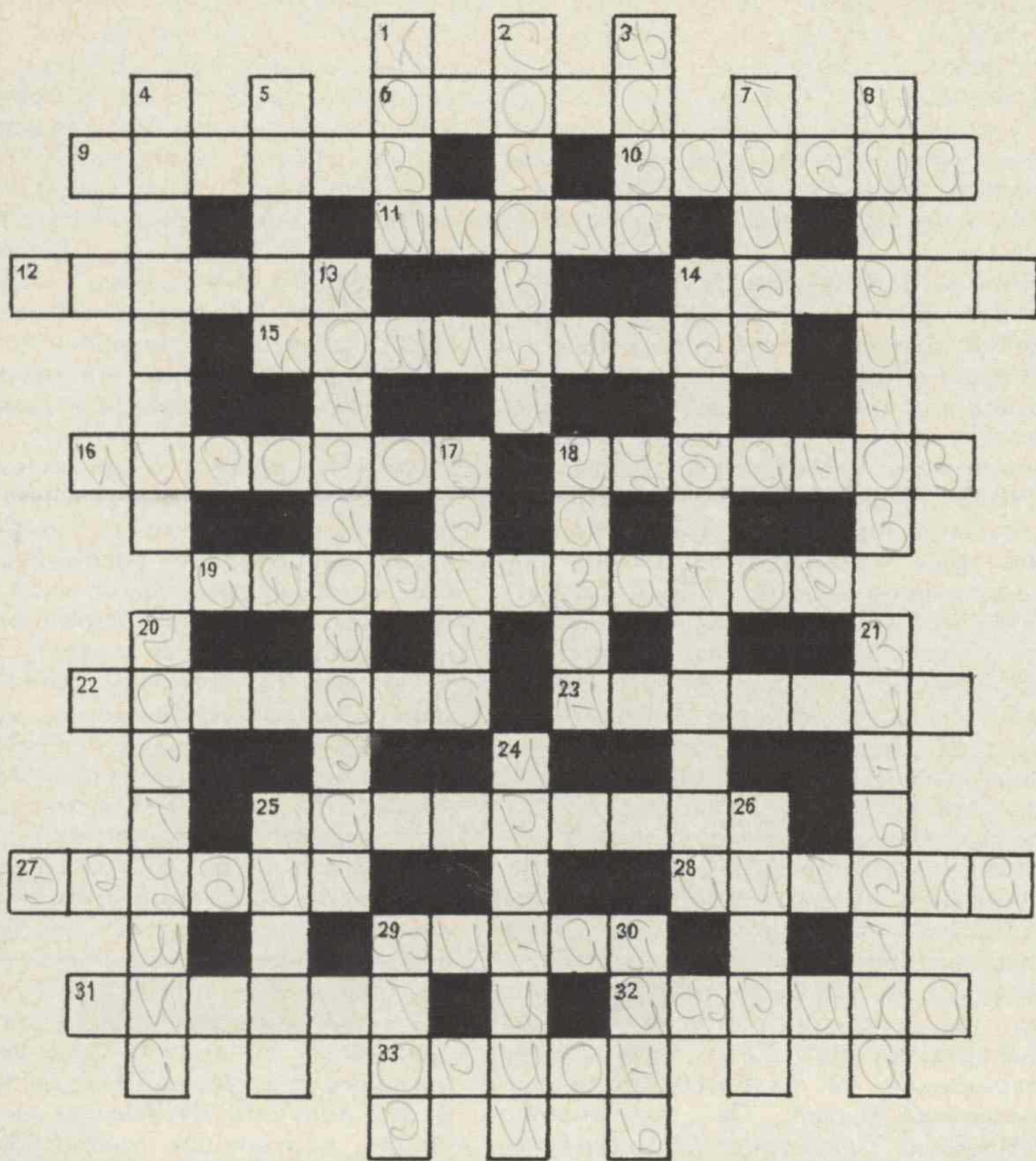
И нет сомнения, что многие ненужные преграды на пути тех, кто хочет внести свой посильный вклад в сохранение облика любимого города, будут преодолены.

Таких людей становится все больше, о чем свидетельствует и появление ряда неформальных групп, неудовлетворенных пассивной ролью Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, отсутствием у него реальных прав, неумением объединить, толково использовать силы молодежи. И пусть не обижаются ребята из «Спасения» — чисто по-человечески мне куда ближе и понятнее позиция людей, которые «агитировали» в Петропавловской крепости, в бывшем костеле Екатерины, на Мойке, 12, не лозунгами — трудом.

Напомню в заключение, что именно Ленинграду — первому из крупных городов Европы, была присуждена в 1984 году Золотая медаль Международного Европейского фонда «За охрану, реставрацию и популяризацию памятников истории и культуры», его реставраторы удостоены в 1986 году Ленинской премии.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька»
Фото Юрия ЩЕННИКОВА

КРОССВОРД

По вертикали: 1. Рабочий орган землеройных машин. 2. Песня композитора В. П. Соловьева-Седого. 3. Определенная стадия изменения видимой формы Луны. 4. Стихотворение А. С. Пушкина. 5. Город в Минской области. 7. Зерноочистительная машина. 8. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 13. Механическое соединение разнородного, смесь. 14. Наука о растительном покрове Земли. 17. Разновидность ивы. 18. Участок в парке с подстригаемым травянистым покровом. 20. Популярный жанр русского народного словесно-музыкального творчества. 21. Небольшой рисунок, орнамент в начале или конце текста книги. 24. Основное исходное положение теории, учения, мировоззрения. 25. Мера длины на железных дорогах. 26. Река в Венесуэле. 29. Химический элемент, газ. 30. Животное семейства оленей.

По горизонтали: 6. Река в Хабаровском крае. 9. Художник-баталист, автор картины «Прорыв польского фронта 1-й Конной армией в 1920 году». 10. Действующее лицо балета Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». 11. Повесть А. П. Гайдара. 12. Город в Калининской области. 14. Один из руководителей борьбы за Советскую власть в Литве. 15. Принятое название ЭВМ. 16. Основоположник военно-полевой хирургии. 18. Герой кинофильма «Коммунист». 19. Специальное устройство в автомобиле, самолете для защиты от сотрясений. 22. Уплотнительная деталь машины в виде кольца. 23. Горная система на юго-востоке Китая. 25. Летний сорт яблок. 27. Обладатель всесторонних глубоких познаний. 28. Учреждение, изготовляющее лекарства. 29. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 31. Одна из форм безналичных расчетов. 32. Материк. 33. Экваториальное созвездие.

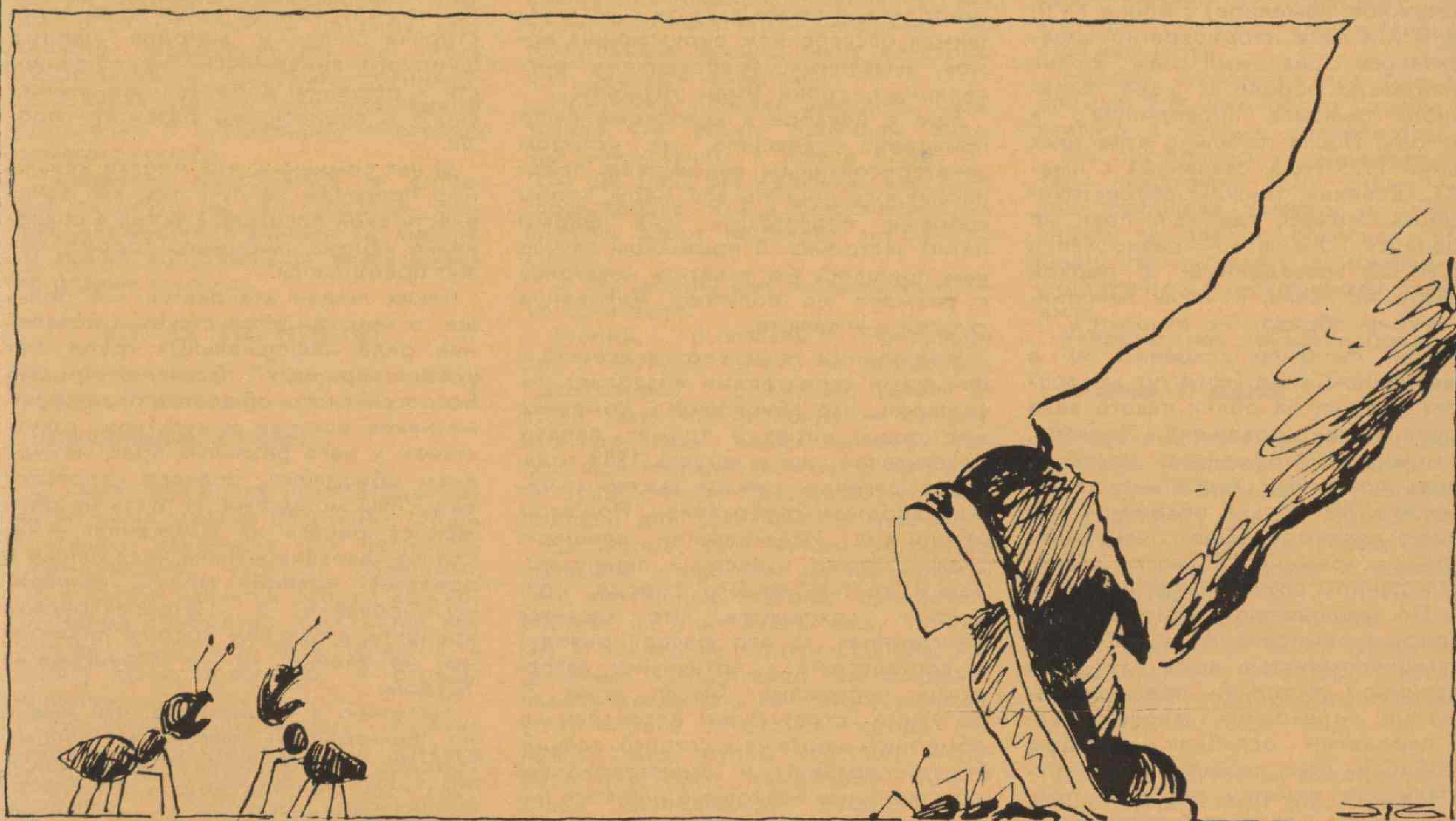
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 5. Севастополь. 6. Пасека. 7. Флобер. 11. Трапеция. 12. Серпилин. 13. Каска. 17. Украина. 18. Австрия. 19. Ватутин. 20. Пикассо. 22. Голавль. 25. Сквер. 29. Прохоров. 30. Каватина. 31. Спицын. 32. «Сирена». 33. Конферансье.

По вертикали: 1. Аренский. 2. Молибден. 3. Эскадра. 4. Норфолк. 6. Пресса. 8. Рапорт. 9. Галактионов. 10. Гляциология. 14. Сабуров. 15. Гавот. 16. Манго. 21. Анчоус. 23. Атбара. 24. Борисова. 26. Квинтет. 27. Еруслан. 28. Барельеф.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

— Скоро этот кошмар должен кончиться, — я слышал, что изобретено какое-то средство от них...

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ГОВО ПО-БЕЙС

Дом № 115 по Дмитровскому шоссе в Москве. Первый в стране компьютерный центр, оборудованный отечественными персональными ЭВМ «Агат» и «Микроша». Первое столкновение тысяч людей с машинами, что называется, «нос к носу».

Вопросы, на которые приходится отвечать инженеру-математику И. Семочкиной, носят чисто практический характер: как обращаться с ЭВМ! Ирине (а она один из лучших специалистов центра) приходится на время забывать о своих специальных знаниях и объяснять устройство машин буквально следующим образом: сбоку есть кнопочка, на кнопочке буковка, около буковки точечка...

Не берусь судить, каким будет поколение, прошедшее курс программирования, но те, кто окончил школу даже пять — десять лет назад, совершенно неграмотны в этом отношении. Так что центр не только дает возможность познакомиться с современными отечественными ЭВМ, но и действует как ликбез, курсы которого нужны сегодня очень многим.

В центре, создателем и опекуном которого является Лианозовский электромеханический завод, три зала: игровой, программирования, бытовых ЭВМ. В каждом из них работают специалисты, способные дать консультацию, обучить языку машин. Язык этот может быть разным — первым были фортран, алгол, кобол, но сегодня большинство персональных компьютеров обучено бейсику. Говоря по-бейсикански, можно, например, в зале программирования сократить работу над дип-

...РИТЕ
...ИКАНСКИ?

ломом или диссертацией в несколько раз, а в зале бытовых ЭВМ отредактировать или тиражировать текст.

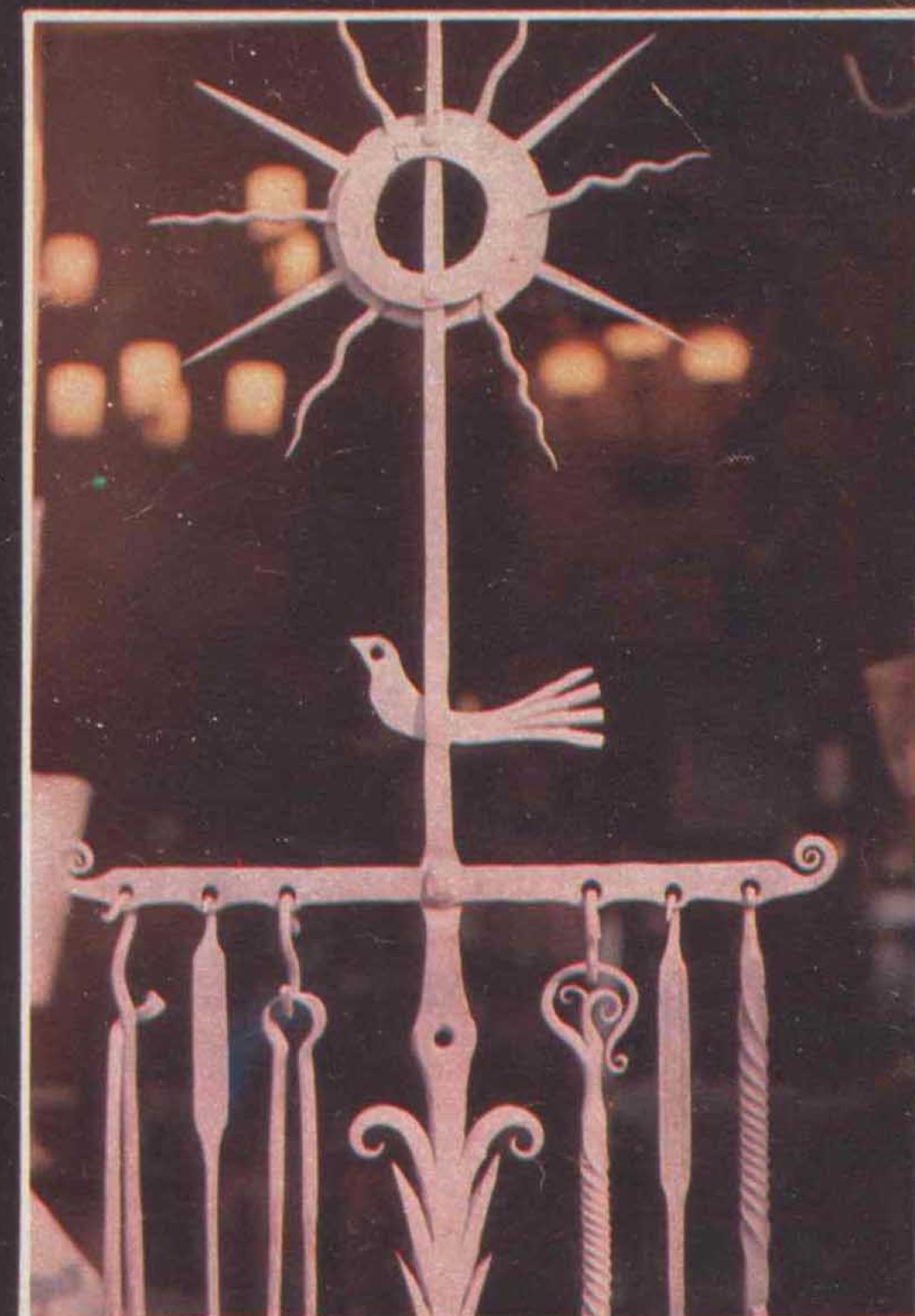
Самый популярный зал — игровой. Сюда с первого же дня открытия центра (а было это в конце прошлого года) выстраивается ставшая привычной мальчишечья очередь. Многие владеют игровым искусством в совершенстве — живут в соседних домах, и центр стал их «дворовым» клубом.

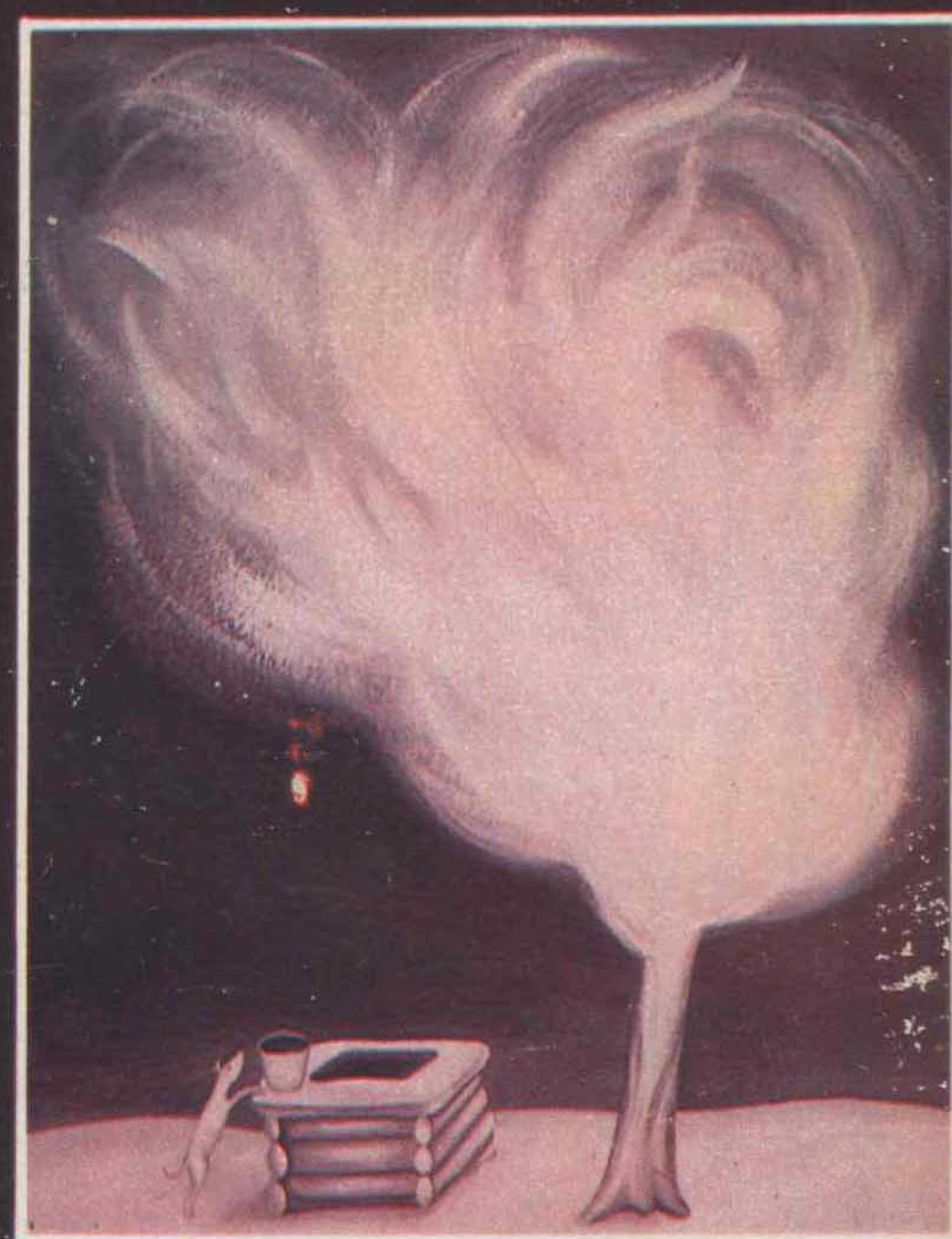
Сережа Белокопытов учится в четвертом классе. Компьютеры, по его словам, в школе у них только появляются. А он уже хорошо знаком со всеми машинами в центре (всего здесь 15 игровых машин). Особенно увлечен мальчик спасением королевы, которая томится в неволе и плачет, повалившись на пол, электронным голосом. Сережа, воплотившись на экране в бесстрашного освободителя, преодолевает хитроумные препятствия, задавшись благородной целью освобождения узницы. Мне тоже нравится эта игра, которая не только развлекает, но и воспитывает настоящих мужчин.

Еще одно достоинство центра в том, что рядом с Сережей могут сесть и принять участие в игре папа с мамой. Компьютеризация школы принесла с собой проблемы не только новшества технического характера. Многие родители почувствовали беспокойство: дети начали изучать то, что старшим совершенно незнакомо. Новый, пока что единственный у нас центр — прекрасная возможность вместе с ребенком заговорить побейсикански на равных.

Ирина СТЕПАНЦЕВА,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Автор этих работ — свердловчанин Александр Лысяков. Вся его биография — это, по сути дела, поиск того единственного способа самовыражения, который и позволяет Александру Лысякову чувствовать себя человеком на своем месте. (См. материал «Железных узоров плетенье».)

ОГОНЁК

Индекс 70663
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.